

398

108

29
П-38

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1861.

ВУЛІСАХ
РГ
3337
Р54
А6x
1861
С.1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва 19 декабря 1860 года.

Ценсоръ *Н. Гиллровъ-Платоновъ.*

SL10292 90-11-07 MOW

I.

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. НА УЛИЦЪ.

Вотъ бѣжитъ по тротуару,
Моего сосѣда дочь.
Стройный станъ, коса густая,
Глазки черные какъ ночь.

Въ платьѣ старенькомъ, въ дырявой
Бацавейкѣ на плечахъ;
Знать съ лекарствомъ изъ аптеки,
Пузырекъ у ней въ рукахъ.

Ужъ давно недугомъ тяжкимъ
Бѣдный мой сосѣдъ томимъ;
И давно столяръ хозяинъ
Завѣнилъ его другимъ.

Дочь бѣжитъ, дрожа отъ стужи,
А на плиты яркій свѣтъ
Бьетъ волной изъ магазиновъ;
И чего-чего въ нихъ нѣтъ!

Серебро, хрусталь и бронза,
Ленты, бархатъ и атласъ,
И прохожіе отъ оконъ
Отвести не могутъ глазъ.

Хоть и холодъ погоняетъ,
И домой пора давно,
А съ толпой остановилась
Поглядѣть она въ окно.

Перетянута въ корсетъ,
Иностранка за столомъ
Что-то пишетъ... Чай тепло ей, —
Хорошо въ житьѣ такомъ.

Вотъ двѣ барыни приходятъ;
Разъодѣты въ пухъ онѣ!
Смотрятъ вещи дорогія,
Отложили къ сторонѣ.

Можетъ ихъ онѣ надѣнуть
Нынче вечеромъ на балъ.
Славно жить богатымъ людямъ: —
Что по вкусу, то и взялъ.

И невольно защемила
Сердце дѣвичье тоска;
Видно вспомнила бѣдняжка
Про больного старика.

И пошла въ свой уголъ темный,
Въ свой сырой, могильный склепъ,
Гдѣ слезами обливають
Ребятишки черствый хлѣбъ.

Мать сидитъ и дни и ночи
Надъ работой заказной,
Чуткій слухъ свой напрягая, —
Не застонетъ ли больной.

Гдѣ, лохмотьями прикрытый,
На полу лежитъ отецъ,
Съ неподвижнымъ, тусклымъ взоромъ,
Жолтый, словно какъ мертвецъ.

Вотъ она ужъ близко дому;
Но при свѣтѣ фонарей,
Видитъ вдругъ, — красивый баринъ
Очутился передъ ней.

Онъ глядитъ ей смѣло въ очи,
И глядитъ не въ первый разъ!
Гдѣ бъ она не проходила, —
Съ ней встрѣчается тотчасъ.

И не разъ она слыхала
Отъ него такую рѣчь:
Полюби! тебя я стану
Холить, нѣжить и беречь.

Будешь ѣздить ты въ каретѣ,
Будешь въ бархатѣ ходить.
Какъ пойдетъ къ твоей головкѣ
Жемчуга большого нить!

Знатной барыней ты будешь.
И семью твою тогда —
Перестанетъ въ жесткихъ лапахъ
Мать сердитая нужда.

Хоть и прочь она бѣжала
Отъ лукавыхъ тѣхъ рѣчей,
Но потомъ онѣ звучали
Ей порой, въ тиши ночей.

И теперь домой вернувшись,
Молчалива и грустна,
Долго думала о чём-то
И вздыхала всё она.....

2. ОБЛАКА.

Вотъ и гроза прошла, и небо просвѣтлѣло.
Привѣтно солнышко на Божій мѣръ глядитъ.
Вся степь какъ раннею весной зазеленѣла;
И воздухъ свѣжъ и чистъ, и птичка въ немъ звенить.

И на сердцѣ давно такъ ясно не бывало;
Въ немъ тихой радостью смѣнилася тоска:
Всё, чѣмъ оно томилось и страдало,
Какъ будто унесли съ собою облака.

Но отчего жь порой боязнью тайной мучимъ,
Всё устремляю вдаль я свой несмѣлый взглядъ.
И думаю, слѣдя за облакомъ летучимъ,
Что старую печаль несетъ оно назадъ.

3. СТАРШЕЪ.

Забывши прыгать и кружиться
Подъ звуки бальнаго смычка,
Вотъ юность пылкая тѣснится
Вокругъ сѣдаго старика.
Съ нимъ въ разговоръ она вступаетъ,
И отзывъ онъ даётъ на всё,
Что такъ волнуетъ, увлекаетъ,
Всегда тревожную её.
Хоть на челѣ его угрюмомъ,
Лежить страданій долгихъ слѣдъ,
Но взоръ его еще согрѣтъ
Живой, не старческою думой.
Къ ученью правды и добра,
Не знаетъ онъ вражды суровой,
Онъ вѣритъ самъ, что жизни новой
Придетъ желанная пора.

Поражены его рѣчами,
Любуясь старца сѣдиной,
Твердили юноши: лѣтами
Онъ только старъ, но не душой.
Блаженъ кто въ старческіе годы
Всю свѣжесть чувства сохранилъ,
Въ комъ испытанья и невзгоды,

Не умертвили духа силь.
Кто другъ не рабства — а свободы,
Въ комъ вѣра въ истину жива;
И кто безстрастно не взираетъ,
Какъ челоуѣчества права —
Надменно сильный попираетъ.

и
и

4.

Передъ ветхою избенкой,
Старичокъ сидитъ съдой,
И кудряваго ребенка
Онъ морщинистой рукой
Охватилъ. Въ свой полушубокъ
Завернулъ его теплѣй;
Съ пухлыхъ щекъ и алыхъ губокъ,
Не спускаетъ онъ очей.
„Охъ! не долго внучекъ милый
„Мнѣ понянчиться съ тобой;
Говоритъ старикъ. „Въ могилу
„Мнѣ пора ужъ — на покой.
„Долго маялся я; много
„Вынесъ горя на плечахъ;
„Не легка была дорога,
„Да Господь помогъ. Онъ благъ.
„Хоть во многомъ былъ я грѣшнень,
„И хоть часто я ропталъ;
„Но подъ старость Имъ утѣшенъ—
„Мнѣ Онъ радость низпослалъ:
„Знаю я, мой свѣтикъ Саша,
„Веселѣй твой будетъ вѣкъ:
„Доля ждетъ тебя не наша —
„Будешь, вольный человекъ!

5. ОПУСТЫВШИЙ ДОМЪ.

Одинъ по улицамъ брожу я съ грустной думой;
На спящій городъ хоръ дрожащихъ звѣздъ глядитъ.
Вотъ предо мной дворецъ забытый и угрюмый,
Гдѣ жизнь провелъ въ пирахъ и нѣгѣ сибаритъ.

Когда-то музыка гремѣла въ пышныхъ залахъ;
Изъ оконъ лился свѣтъ отъ тысячи свѣчей,
И кубки старые усердно осушала
Шумящая толпа напудренныхъ гостей.

Теперь заброшены огромныя палаты;
Въ роскошныхъ комнатахъ и пусто и темно.
Давно лежитъ въ землѣ хозяинъ тороватый;
Въ чужихъ краяхъ живутъ наследники давно.

Стоить уныло домъ; а на крылечныхъ плитахъ,
Подъ рубищемъ дрожа, бѣднякъ заснуть прилегъ,
И думаетъ: когда бъ въ палатахъ позабытыхъ
Отъ стужи дали мнѣ хоть тѣсный уголокъ!

6. ЛУННОЙ НОЧЬЮ.

И мнѣ когда-то было мило
Свѣтило блѣдное ночей,
Такъ много грѣзъ оно будило
Въ душѣ неопытной моей!

Когда лучи его дрожали
На влагѣ дремлющей рѣки —
Душа рвалась къ неясной дали,
Полна невѣдомой тоски.

И было томное сіянье
Путеводителей моимъ,
Когда спѣшили я на свиданье,
Бия восторгомъ молодымъ.

Прошли неясныя стремленья,
И повѣстическіе сны!
Теперь иныя впечатлѣнья
Во мнѣ луной порождены.

Досадно мнѣ, что такъ безстрастно
Съ недосыгаемыхъ высотъ,
Глядитъ она на мнѣ несчастный,
Гдѣ жи и зла повсюду гнѣтъ. —

Гдѣ столько слабыхъ и гонимыхъ,
Изнемогающихъ отъ битвъ,
Гдѣ льется столько слёзъ незримыхъ,
И скорбныхъ слышится молитвъ.

7. ПРИЗРАКИ.

Старинные, знакомые мотивы,
Порой вечернею, откуда-то звучать.
Въ нихъ юности могучіе призывы —
Въ нихъ съ пошлостью людской надеждъ ея разладъ.

И призраки знакомые толпою —
На звуки тѣ встають... Съ насмѣшкой на устахъ,
Идутъ они медлительной стопою,
И будто говорятъ: ужъ мы давно въ гробахъ

Лежимъ, забывъ стремленія земныя,
Признавъ, что жизнь — бесплодная борьба;
Что на землѣ блаженны только злые,
А праведныхъ разить бессмысленно судьба.

Спокойно мы въ могилахъ нашихъ тлѣемъ,
Намъ не возстать изъ нихъ, на голосъ суеты,
И о тебѣ мы, бѣдный, сожалѣемъ:
Еще волнуешься, еще страдаешь ты!

Ты всё еще отъ жизни ждешь чего-то....
Всѣ грезы юности живутъ въ душѣ твоей.
Ты думаешь, упорная работа
Вѣковъ — готовить рай въ грядущемъ, для людей.

Послѣдуй въ край ничтожества за нами;
Страхни съ себя скорѣй оковы бытія;
Пока еще съ младенческими снами —
Не на всегда душа разсталася твоя!

Въ гробъ низойти съ надеждами — отрадно!
Намъ не было дано узнать отрады той...
Сомнѣнья духъ — разбилъ ихъ безощадно —
Задолго до поры прощанья роковой!

Исчезните — зловѣщія видѣнья!
Я не пойду на вашъ печальный зовъ!
Я жить хочу! Странанья и волненья
Я чашу полную испить до дна готовъ!

И до конца я вѣры не утрачу —
Что озаритъ нашъ міръ, любви и правды свѣтъ.
Пускай я здѣсь — какъ въ морѣ капля — значу,
Но каждый честный бой—оставить долженъ слѣдъ.

Исчезните! А вы святые звуки —
Вы силу новую въ мою вдохните грудь.
Хотя бы жизнь одни сулила муки —
Я бодро встрѣчу ихъ — благословивъ свой путь!

8. **НОВЫЙ ГОДЪ.**

(КАНТАТА СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО).

Голосъ.

Слышны клики — поздравленья,
Хрусталя задравный звонъ.
Ближе часъ освобожденья —
Ближе истины законъ!

Хоръ.

Годъ еще мы отстрадали,
Изнуренные борьбой,
Тщетно руки простирали —
Къ небу съ теплою мольбой.

Тщетны, тщетны всѣ моленья!
Правды Богъ не возстаетъ.
Тяжко намъ! Зерно сомнѣнья
Каждый день въ груди ростѣтъ.

Голосъ.

О къ чему—къ чему — роптанье!
Искушенья близокъ часъ.
Духъ лукавый отрицанья —
Да отыдетъ прочь отъ васъ!

Дни тревогъ и горя, братья,
Пролетать какъ смутный сонъ.
Ужь гремятъ врагамъ проклятья. —
Слышу я, — со всѣхъ сторонъ.

Близокъ часъ послѣдней битвы!
Смѣло двинемся впередъ, —
И услышитъ Богъ молитвы —
И оковы разобьетъ.

9.

Нѣтъ отдыха, мой другъ, на жизненномъ пути.
Кто разъ пошелъ тернистою дорогой,
Тому на ней луговъ цвѣтушихъ не найти;
Душъ больной, измученной тревогой,
Успокоенье смерть одна лишь можетъ дать.
И глупо и смѣшно, его отъ жизни ждать.

Въ борьбѣ съ людьми, въ борьбѣ съ самимъ собою,
Пройдетъ твой грустный вѣкъ; и если изъ-за тучъ,
Хотя на мигъ, — на краткій мигъ порою,
Тебѣ живительный проглянетъ солнца лучъ;
Забывъ, что ждетъ за нимъ опять ненастье,
Что горе новое готово впереди —
Благодари судьбу; но болѣе не жди:
Нѣтъ продолжительнаго счастья!

10.

Я у матушки выросла въ холѣ,
И кручины не вѣдала злой.
Да счастливой дѣвической долѣ
Позавидовалъ недругъ людской.

Рѣчи сладкія сталъ онъ, лукавый,
Мнѣ нашептывать ночью и днемъ.
И наскучили смѣхъ и забавы,
И наскучилъ мнѣ матери домъ.

Сердце билось испуганной пташкой,
Не давало ни часу заснуть.
Подымалась подъ тонкой рубашкой
Высоко моя бѣлая грудь.

Я вставала съ постели босая,
И бывало всю ночь напролетъ,
Подъ окошкомъ кого-то ждала я —
Всѣ казалось мнѣ, кто-то идетъ....

Я ждала и дождалась милóва —
И ужъ какъ полюбился онъ мнѣ;
Молодца не видала такого
Прежде я никогда и во снѣ. —

Очи карія бойко глядѣли
На меня изъ-подъ черныхъ бровей.
Допытать они видно хотѣли —
Что въ душѣ затаилось моей.

Допытали они, что готова —
Хоть на гибель для нихъ — я была....
И за милымъ, изъ дома роднова
Я какъ малый ребенокъ пошла.

Былъ онъ баринъ богатый, и гдѣ-то
Всѣ въ далекихъ краяхъ проживалъ.
Слышь лечился — и только на лѣто —
Онъ въ помѣстья свои наѣзжалъ.

Только лаской его и жила я;
Бѣлый свѣтъ съ нимъ казался милѣй.
Ни почему было мнѣ, что дурная
Шла молва про меня у людей.

Да не думала, я не гадала
Что любви его скоро конецъ.
Вдругъ постыла милому я стала —
И съ другой онъ пошелъ подъ вѣнецъ.

Не пригожимъ лицомъ, — не красю —
Приманила дворянка его:
Приманила богатой казною —
Много взялъ онъ за нею всего.

Съ той поры будто солнышка нѣту,
Всѣ глухая, осенняя ночь.
Какъ не жди — не дождеши разсвѣту.
Какъ не плачь, а бѣдѣ не помочь.

И съ красой я своей распрощалась,
Не узнала бъ теперь меня мать.
Ни кровинки въ лицѣ не осталось, —
Словно зелья мнѣ дали принять.

Ахъ! измѣной своей — не отравой —
Онъ съ лица мнѣ румянецъ согналъ...
Буду помнить я долго, лукавый,
Что ты ночью мнѣ лѣтней шепталъ!

11.

Если въ часъ, когда зажгутся звѣзды
Надъ заснувшюю, усталою землею;
Молча ты къ открытому окошку
Подойдешь, о другъ мой, съ тайною тоской...

Слушая задумчиво шептанье,
Серебристымъ свѣтомъ облитыхъ листовъ,
Обо мнѣ ты вспомни, и душою
Гдѣ бы не былъ я, на твой откликнуть зовъ.

Вспомни, что тревоги и сомнѣнья
Мнѣ низпосланы на долю отъ судьбы;
Что во мнѣ такъ часто гаснетъ вѣра —
А твои доступны небесамъ мольбы.

Вспомни — другъ! и помолись чтобъ въ душу
Низошла ко мнѣ святая тишина;
Тишина, какою вся природа —
Въ этотъ часъ успокоенія, — полна....

Помолись, — чтобъ ангелъ божій съ неба
Низлетѣлъ ко мнѣ, въ часъ смерти роковой;
Чтобъ на кроткія черты его взирая —
Думалъ я, что ты стоишь передо мной!

12.

Скучная картина!
Тучи безъ конца,
Дождикъ такъ и льется,
Лужи у крыльца....
Чахлая рябина
Мокнетъ подъ окномъ;
Смотритъ деревушка
Сѣренькимъ пятномъ.
Что ты рано въ гости,
Осень къ намъ пришла?
Еще просить сердце
Свѣта и тепла!

Всѣ тебя не рады!
Твой унылый видъ,
Горе да невзгоды
Бѣдному сулить.
Слышать онъ заранѣ
Крикъ и плачь ребятъ;
Видитъ — какъ отъ стужи
Ночь они не спать.
Нѣтъ одежды теплой,
Нѣту въ печкѣ дровъ....
Ты на чей же, осень,
Поспѣшила зовъ?

Вонъ — и худъ и блѣдень
Сгорбился больной....
Какъ онъ радъ былъ солнцу —
Какъ былъ бодръ весной!
А теперь — наводитъ
Желтыхъ листьевъ шумъ,
На душу больную
Рой зловѣщихъ думъ!
Рано, рано, осень,
Въ гости къ намъ пришла....
Многимъ — не дожидаться
Свѣта и тепла!

13. СЧАСТЛИВЕЦЪ.

Я здоровъ, румянъ и весель,
Сытно ѳмъ и славно пью;
Никогда нужда и голодъ
Не стучатся въ дверь мою.

Мнѣ наслѣдственный, оставилъ
Мой родитель, капиталъ...
Онъ его на службѣ царской —
Понемножку собиралъ.

Я одѣтъ всегда по модѣ,
Англичаниномъ портнымъ,
За пріятныя манеры,
Очень дамами любимъ.

Не якшаюсь съ разной дрянью;
Только съ знатными знакомъ.
И владѣю превосходно
Я французскимъ языкомъ.

Хоть не дѣлалъ зла я людямъ,
Хоть душой и сердцемъ чистъ;
Но не скрылся отъ злословья:
Говорятъ я эгоистъ!

Клевета! Богоугодныхъ
Разныхъ обществъ, членъ и я.
Филантропы пять пѣлковыхъ,
Каждый годъ, берутъ съ меня.

Всѣ толкуютъ: погибаетъ
Отъ неправды родъ людской
Тотъ объѣлся на объѣдъ;
Умеръ съ голоду другой.

Развѣ я тому причиной?
Видно такъ ужь суждено.
Разсуждать объ этомъ право
И напрасно и смѣшно.

Жизнь дана — чтобъ наслаждаться...
Мой на это взглядъ такой.
Пусть мечтатели вздыхаютъ
Я махнулъ на нихъ рукой.

Я румянъ, здоровъ и веселъ
Сытно ѣмъ, и славно пью.
Никогда нужда и голодъ
Не стучатся въ дверь мою!

14. СЪ ПОЛЬСКАГО.

(изъ сырокомли).

Здѣсь дни мои текутъ спокойно;
Здѣсь хлѣба вдоволь и цвѣтовъ;
И вечеркомъ пріятель добрый
Потолковать со мной готовъ.

Средь яблонь, грушъ и дубовъ старыхъ,
Отраднo въ этой мнѣ тиши.
Еще одно бы только благо, —
Одно: — спокойствіе души.

О люди — братья, — помолитесь
За брата бѣднаго порой,
Чтобы остылъ тревожной мысли —
Жаръ, въ головѣ моей больной.

Чтобы мечтамъ моимъ крылатымъ
Разсудокъ воли не давалъ.
Чтобъ о всеобщемъ, вѣчномъ счастьи —
Безумный я не помышлялъ!

15. ЗНАКОМЫЯ СТАРЫЯ ЛИЦА.

(ИЗЪ ЧАРЛЬЗА ЛАМБА).

Въ дни дѣтства, въ веселые, школьные годы,
Товарищей, сверстниковъ много имѣлъ я.
Исчезли знакомыя, старыя лица!

Смѣялся и пѣлъ я, просиживалъ поздно,
Съ толпой собесѣдниковъ шумной, бывало;
Исчезли знакомыя, старыя лица!

Любилъ я когда-то... она такъ прекрасна
Была; но теперь ея заперты двери.
Исчезли знакомыя, старыя лица!

Я друга имѣлъ. Не имѣеть такого
Никто; а его безразсудно я бросилъ!
Исчезли знакомыя, старыя лица!

Какъ духъ я пронесся долиною дѣтства —
И кажется мнѣ мнѣ пустыней, гдѣ долженъ
Искать я знакомыя, старыя лица!

О другъ мой, зачѣмъ не родился ты въ домѣ
Отца моего! — Мы бы вспомнили вмѣстѣ
Всѣ эти знакомыя, старыя лица! —

Кто бросилъ меня, кто давно ужь въ могилѣ.
Съ другими меня разлучили... Исчезли —
Исчезли знакомыя, старыя лица!

16. ИЗЪ ШЕВЧЕНКО.

1. Работница.

ПОЭМА.

(Посвящено И. С. Тургеневу).

ПРОЛОГЪ.

Поле, утреннимъ туманомъ,
Все покрытое, лежитъ.
А въ туманъ, надъ курганомъ,
Словно деревцо стоитъ
Молоднца-молодая,
Что-то къ сердцу прижимая,
И съ туманомъ говорить:

„Что меня ты не задавишь,
Что не скроешь подъ землей;
Что мнѣ вѣку не убавишь, —
Не убавишь доли злой?
Или нѣтъ, голубчикъ мой,
Не дави, — а только въ полѣ
Спрячь, чтобъ люди не нашли;
Чтобъ моей несчастной доли
Знать и видѣть не могли.

„Не одна, не сирота я:
Мать съ отцомъ еще живутъ,
И еще, туманъ, мой братецъ,
Есть сыночекъ: вотъ онъ тутъ....

Ты, дитя мое родное,
Некрещеное дитя!
Въ часъ недобрый, на невзгону,
Горемычнаго тебя
Окрестятъ чужіе люди;
А твоя родная мать,
Можетъ быть и не узнаетъ,
Какъ сыночка будутъ звать.
Ахъ! вѣдь я была богата....
Не вини ты мать свою!
Стану Богу я молиться,
Много горькихъ слезъ пролью —
Съ неба выплачу я долю,
И къ тебѣ ее пошлю!“

И пошла она полемъ, рыдая,
Укрываясь въ туманъ, пошла;
И тихонько, сквозь слезы запѣла —
Про вдову эта пѣсня была:
Какъ вдова на Дунай выходила,
Какъ въ Дунай дѣтей схоронила....

„Во чистомъ-полѣ могила,
„Къ той могилѣ приходила
„Молодѣ вдова гулять, —
„Злаго зелья поискать.
„Злаго зелья не нашла,
„Двухъ сыночковъ принесла.
„Въ китаечку повила —

„На Дунай рѣку пошла.
„Тихій, тихій мой Дунай,
„Моихъ дѣтокъ забавляй.
„Ты песочекъ золотой,
„Подъ собою ихъ укрой.
„Накорми моихъ дѣтей,
„Искупай ихъ и повеи.

I.

Былъ старикъ, была старушка.
Съ давнихъ поръ они вдвоемъ
Надъ прудомъ за рощей жили,
Въ хуторочкѣ небольшомъ.
И, бывало, всюду вмѣстѣ,
Словно парочка ребятъ.
Подружились съ малолѣтства,
Какъ пасли еще ягнятъ;
А потомъ себѣ женились,
И хозяйничать пошли:
Хуторъ, мельницу, садочекъ
Понемножку завели.
Было пчель у нихъ не мало,
И во всемъ порядокъ былъ;
Только дѣточками бѣдныхъ
Ихъ Господь не наградилъ.

А ужъ смерть-то за спиною,
Косу точить ужъ свою.
Кто жъ ихъ старость приголубить?
Кто имъ будетъ за семью?
Кто схоронить, кто поплачетъ,
Кто помянетъ ихъ добромъ?
Распорядится, какъ должно,

Всѣмъ, что нажито трудомъ.
Тяжело въ некрытой хатѣ,
Малыхъ пестовать дѣтей;
Но состарѣться въ довольствѣ,
Да бездѣтнымъ, — тяжелѣй!
Тяжелѣй между чужими
Одинокѣ умирать,
Въ посмѣянье, на растрату
Все добро имъ покидать!

II.

Въ воскресенье разъ сидѣли
Старички мои рядкомъ,
Въ чистыхъ, бѣленькихъ сорочкахъ,
На скамьѣ, предъ хуторкомъ.
Небо радостно сіяло,
Тучекъ не было на немъ.
И спала далеко въ сердцѣ,
Грусть, какъ звѣрь въ лѣсу глухомъ.

Что жъ въ раю такомъ печалить
Стариковъ? Какое зло?
Горе старое, быть можетъ,
Снова въ хату къ нимъ пришло?
Или въ сердцѣ шевельнулось —
Что подавлено вчера?
Или новая невзгода
Повстрѣчалась имъ съ утра?
Я не знаю, что тоскуютъ
Старики, что ихъ гнететь:
Собрались быть можетъ къ Богу.
Кто же въ дальнюю дорогу
Имъ лошадокъ запряжетъ?

„Настя! кто насъ похоронить?
— Знаеть Богъ.... Спроси Его.
Я ужь думала не мало,
Да такъ горько, горько стало.
Много есть у насъ всего, —
А кому мы накопили?
Одинешеньки съ тобой
Мы состарѣлись....

— Пстой!

Мнѣ сдаётся, кто-то плачетъ
У воротъ.... Никакъ дитя!
Вотъ опять.... пойдёмъ скорѣе....
Что? — Не правду молвилъ я?

Поднялись, бѣжать пустились;
Прибѣгаютъ къ воротамъ,
И какъ вкопанные стали,
Увидавъ ребенка тамъ.
Передъ самымъ перелазомъ
Свиткой новенькой покрытъ,
И легко, легко повить,
Онъ лежалъ. Знать повивала
Мать своей рукой его....
И хоть лѣто, все же свитку
Положила на него.

И дивились, и молились
Старики мои.... У нихъ
Сердце выпрыгнуть хотѣло.
А ребеночекъ притихъ.
Не кричалъ ужь и не плакалъ,
Улыбаясь лишь глядѣлъ.
И ручонками, казалось,
Стариковъ достать хотѣлъ,

„Вотъ и доля, вотъ и счастье!
Видишь, какъ я угадаю!
Не одни теперь мы, Настя —
И сыночка Богъ послалъ!
Пеленай его да въ хату....
Ишь какъ смотреть: молодцомъ!
Ну! скорѣй за кумовьями
Въ городъ я пушусь верхомъ“.

Чудно право, какъ посмотришь,
Бѣлый свѣтъ нашъ сотворенъ!
Этотъ сына прокликаетъ
И изъ дому гонитъ вонъ.
Тѣ, съ молитвой и слезами,
Передъ образомъ святымъ,
Ставятъ свѣчку, добытую
На копѣйку трудовую,
Чтобъ Господь далъ дѣтокъ имъ!

III.

Вотъ ребенка окрестили,
Маркомъ назвали его.
Кумовьевъ три пары было,
На крестинахъ у него.
Маркъ растетъ. Его лелѣютъ,
Холятъ, нѣжатъ, берегутъ.
Что и дѣлать съ нимъ не знаютъ,
Положить гдѣ — не найдутъ.
Даже дойная корова
Въ страшной роскоши живетъ.
Маркъ растетъ, проходитъ годъ.
И въ работницы, на хуторъ,
Наниматься разъ пришла,

Молодица-молодая,
Черноброва и бѣла.

„Не взять ли Настенька? —
— Пожалуй.

Возьмемъ, Трохимушка. Хотя
И подросло теперь дитя,
А все жъ заботы съ нимъ не мало.
Мы стары, хилы, захворать
Мы оба можемъ. — Надо взять.
„И у меня ужъ силъ-то мало!
Пожить и мнѣ-таки пришлось....
Ну что жъ? какую бы желала
Отъ насъ ты плату? — въ годъ небось?
Иль въ мѣсяцъ, что ли? — Какъ хотите.
Вы лучше сами положите.
„Э! нѣтъ! Святое дѣло трудъ,
И счетъ, голубка, нуженъ тутъ.
Кто не считаетъ, у того
Весь вѣкъ не будетъ ничего.
А развѣ такъ уговориться:
Ты поживи, да насъ узнай;
И намъ къ себѣ привыкнуть дай;
А тамъ и станемъ ужъ рядиться.
Ну, что же, дочка, по рукамъ?
Идетъ! — Такъ просимъ въ хату къ намъ.

Дѣло слажено; довольна
Молодица, весела,
Точно съ паномъ породнилась
Иль деревню нажила.
Все трудится, все хлопочеть,
Ввечеру и на зарѣ,
То скребетъ и моетъ въ хатѣ,

То съ скотинкой на дворъ.
А ребенка какъ лелѣть!
Лучше матери родной,
Въ праздникъ, въ будни головенку
Моеть тепленькой водой.
Мальчикъ въ чистенькой рубашкѣ
Щеголяетъ каждый день.
Передъ нимъ молодѣ нашей
И плясать и пѣть не лѣнь.
Научилась и тележки
Вырѣзать она ему.
А ужъ въ праздникъ съ рукъ не спустить,
Не уступить никому.
Старики не надивятся,
Бога все благодарятъ,
Что послалъ имъ на подмогу
Не работницу, а кладъ;
А не знаютъ, что проводить
Ночи цѣлыя безъ сна,
Злую долю проклиная,
Горемычная она!
И никто того не знаетъ....
Развѣ Маркъ.... но для него
Не понятно — отчего
Такъ надъ нимъ она рыдаетъ
И цалуеть такъ его!
Въ хлопотахъ сама нерѣдко
Не доѣстъ и не допѣтъ,
А малютку не забудеть,
Покормить его придетъ!
Ахъ! не знаетъ Маркъ, что ночью
Какъ застонетъ онъ подъ часъ,
И она съ постели вскочить,
И съ него не сводить глазъ....

Покачаетъ и прикроетъ,
И молитву сотворить.
Каждый вздохъ младенца слышитъ,
Хоть въ другомъ покоѣ спить.

Раннимъ утромъ, чуть проснувшись,
Мальчикъ тянется скорѣй
Къ неусыпной, доброй Ганнѣ,
И лепечетъ „мама“ ей...
Такъ идетъ, за годомъ годъ.
Маркъ и крѣпнетъ и растетъ.

IV.

Съ тѣхъ поръ не мало лѣтъ минуло,
Воды не мало утекло,
На хуторъ горе завернуло,
И слезъ не мало принесло.
Не стало тамъ бабуси Насти,
Чуть не отправился во слѣдъ
За нею, съ горя, старый дѣдъ.
Промчалось страшное несчастье
Подобно вихрю — и потомъ
Опять заснуло крѣпкимъ сномъ.
И изъ-за лѣсу благодать,
Вернулась въ хуторъ — отдыхать.

Маркъ давно ужъ чумакуетъ,
И осеннею порой
Дѣла вовсе не ночуетъ.
„Время сватать! самъ съ собой
Разсуждаетъ старый дѣдъ. —
У кого бы? На совѣтъ
Ганну надобно позвать.“

А она не прочь заслатъ
Сватовъ къ царскимъ дочерямъ.
„Спросимъ Марка. Скажетъ самъ.
—Ладно, спросимъ. И потомъ
Тотчасъ сватовъ позовемъ.
Разспросили. Согласились.
И спровадилъ въ тотъ же мигъ
Къ сватамъ Марка нашъ старикъ.

Скоро сваты воротились,
Рушники и хлѣбъ святой
Принесли они съ собой.
Марку высватали краю,
Да такую, что не знали,
Какъ объ ней и рассказать.
Хоть бы гетману подъ стать.
И въ жупанѣ, словно панна!
Радъ Трохимъ и рада Ганна.

„Ну, спасибо, молодцы!
„Такъ сведемъ же мы концы:
„Надо тутъ же порѣшить
„Гдѣ и скоро-ль свадьбѣ быть.
„Да еще“ — промолвилъ дѣдъ —
„Кто же матерью у насъ
„Будеть.... Настя бѣдной нѣтъ
„Нѣтъ ея! не дождалась....

По лицу у сѣдаго Трохима
Покатилися слезы рѣкой;
А межъ тѣмъ у дверей недвижима,
За косякъ ухватившись рукой,
Какъ убитая, Ганна стояла;
Въ хатѣ стихло.... рѣчей не слышать.

И работница только шептала
„Кто же матерью будетъ?... гдѣ мать?“

Каравай мѣситъ, на хуторъ,
Молодицъ гурьба сошлась.
Старый дѣдъ развеселился
И пустился съ ними въ плясъ;
Такъ и топаеть, и скачетъ,
И ногами дворъ мететь;
И прохожихъ, и проѣзжихъ
Всѣхъ во дворъ къ себѣ зоветъ,
Варенухой угощаетъ,
И на свадьбу просить всѣхъ.
На дворъ и въ хатѣ слышны
Пѣсни, говоръ, шумъ и смѣхъ.
Старый мечется, хоть ноги
Измѣняютъ ужъ совѣмъ;
А изъ погреба, за бочкой
Бочку катать между тѣмъ.
Напекли и наварили
Много всякаго добра;
И скребутъ и выметають
Всюду съ самаго утра.

Только все чужіе люди...
Что жъ работница не тамъ?
Въ Кіевъ Ганна поклониться
Побрела къ святымъ мощамъ.
Не пускалъ старикъ; и плакала
Маркъ, прося, чтобы за мать
У него она на свадьбѣ
Оставалась. Удержать

Не могли однакожь Ганны.
— Нѣтъ ужь, Маргъ. Пусти меня.
Мнѣ за мать сидѣть не ладно....
Богачи твоя родня,
Я работница.... Пожалуй
Осмѣютъ тебя, какъ разъ.
Помоги вамъ Богъ. Молитесь
Лучше я пойду за васъ. —
Если примите, оттуда
Къ вамъ опять я ворочусь.
И покуда силы хватить,
Въ вашей хатѣ потружусь.

И ему благословенье
Съ сердцемъ искреннимъ дала.
И заплакала.... и тихо
Изъ воротъ она пошла.

Пиръ на хуторѣ въ разгарѣ.
Не смолкаетъ шумъ и гамъ,
Достается музыкантамъ,
Достается каблукамъ.
Варенухой лавки моютъ.
А межъ тѣмъ, свой дальній путь
Ужь работница кончаетъ.
Не успѣла отдохнуть
И къ хозяйкѣ, гдѣ пристала
Нанялась ужь поскорѣй —
И таскаетъ воду ей.
На пути деньжонки вышли,
Надо что-нибудь скопить,
Чтобъ Варварѣ преподобной
Хоть молебень отслужить.
Работаетъ, воду носить,

Накопила семь рублей.
Марку шапочку купила,
У святыхъ она мощей,
Голова чтобъ не болѣла....
Для жены его потомъ
Отъ Варвары преподобной
Запаслася перстенькомъ.

И святымъ всѣмъ поклонившись,
Побрела опять домой.
Воротилась. Маркъ встрѣчаетъ —
У воротъ ее, съ женой
Входятъ въ хату, и сажаютъ
Нашу странницу за столъ.
Накормили, и про Кіевъ
Разговоръ у нихъ пошелъ.
Отдохнуть, ей Катерина
Постлала сама постель.
— Что они меня такъ любятъ!
О мой Боже! Неужель —
Обо всемъ они узнали...
Догадалися кто я?...
Нѣтъ, а добрыми родились!...

И изъ глазъ у ней катились
Слезы, слезы въ три ручья!

VI.

Рѣка ужъ трижды замерзала —
И трижды уносились льдины;
И въ дальній Кіевъ провожала
Ужъ трижды Ганну Катерина, —
Какъ мать родную провожала.

Въ четвертый разъ далеко съ нею
Прошлася полемъ, до кургана,
И все просила, чтобъ скорѣе
На хуторъ возвращалась Ганна.
Какъ бы безъ матери — уныло
У нихъ въ семьѣ безъ Ганны было.

Послѣ Троицы однажды,
Въ воскресенье, дѣдъ Трохимъ
На дворѣ сидѣлъ, у хаты;
И съ собакой передъ нимъ
Внукъ игралъ, а внучка юбку
Катеринину нашла,
И въ нее одѣвшись, важно,
Тихо въ гости къ дѣду шла.
Засмѣялся старый, внучку
Рядомъ сѣсть онъ пригласилъ.
Будто вправду молодицу,
И потомъ ее спросилъ:
„А куда ты хлѣбъ дѣвала? —
„Можетъ, отнялъ кто въ лѣсу?
„Иль испечь его забыла?
„Такъ вотъ я тебя, лису.

А работница въ ворота
Входитъ въ этотъ самый мигъ.
Ей съ внучатами навстрѣчу
Живо бросился старикъ.
— Гдѣ же Маркъ? спросила Ганна.
Видно все въ дорогъ?

— Да.

— Охъ! насилу я, насилу
Дотащилась къ вамъ сюда.
Умирать-то не хотѣлось,

Мнѣ въ далекой сторонѣ.
Хоть бы Маркъ скорѣй вернулся.
Что-то больно тяжело мнѣ.

И гостинцы изъ лукошка
Вынимаетъ для ребятъ:
Внучкѣ старшенькой Оришѣ
Крестикъ, бусы и дукатъ;
Въ золотой, изъ фольги, ризѣ,
Образочекъ тоже ей;
И для Карпа есть игрушки:
Два коня и соловей.
Катеринѣ съ богомолья
Ужъ четвертый разъ съ собой
Перстенецъ она приноситъ
Отъ Варвары, отъ святой.
Вотъ три свѣчки изъ святаго
Воску, дѣду отдала.
А себѣ и Марку нынче
Ничего не принесла:
Денегъ больше не хватило,
А работать нѣту силы.
— Да! вѣдь бубличка кусочекъ
У меня есть гдѣ-то тамъ....
Отыскала; и внучатамъ
Раздѣлила пополамъ.

VI.

Въ хатѣ тотчасъ ей умыла
Ноги, Маркова жена.
Принесла потомъ ей полдникъ,
Но не ѣсть, не пить она.
— Катерина! Послѣзавтра

Воскресенью надо быть.
Хоть бы вынуть часть за здравье,
Да молебень отслужить
Чудотворцу Николаю.
Что-то Маркъ у насъ пропалъ....
Какъ бы гдѣ-нибудь въ дорогѣ,
Бѣдный, онъ не захворалъ.

И катились тихо слезы
Изъ потухшихъ, старыхъ глазъ.
Изнуренная, насилу
Съ мѣста Ганна поднялась.
— Охъ, не та ужь, Катерина,
Стала я. Хила, стара,
На ногахъ едва держуся, —
На покой мнѣ, знать, пора.
Хоть въ теплѣ, а тяжко, Катря,
Умирать въ дому чужомъ.

Захворала крѣпко Ганна.
Посылали за попомъ
И соборовали масломъ,
Но не стало легче ей.
Катерина не спускала
Съ умирающей очей.
День и ночь надъ ней сидѣла,
Грустно голову склонивъ.
Дѣдъ бродилъ все по надворью,
И унылъ и молчаливъ.
По ночамъ надъ хатой слышенъ
Былъ зловѣщій крикъ совы.
Съ каждымъ часомъ становилось
Ганнѣ хуже. Головы
Ужъ она не подымала,

И не ѣла ничего.
Только Марка вспоминала....
— Катря! охъ, когда бъ я знала,
Что увижу я его....
Я еще бы подождала....

VIII.

Беззаботно съ чумаками
Степью Маркъ себѣ идетъ.
Не спѣшитъ онъ, распѣваетъ,
И воловъ въ степи пасетъ.
Онъ сукна везетъ въ гостинецъ
Дорогаго два куска
Для жены; и поясъ алый
Для Трохима старика;
Парчевой очипокъ Ганнѣ,
Да еще купилъ онъ ей
Съ расписной каймой платочекъ;
А для маленькихъ дѣтей
Черевички, винограду, —
Всѣмъ же вмѣстѣ — изъ Царьграду
Въ бочкѣ красное вино;
И икры не мало съ Дону
У него запасено.
Онъ идетъ да распѣваетъ,
А что дома ждетъ — не знаетъ.

Дотащился понемногу —
Вотъ и дома онъ опять.
Помолившись прежде Богу,
Сталъ ворота отворять.
— Катря, Катря! Иль не слышишь?
Воротился Маркъ. Иди

Поскорѣй ему на встрѣчу,
Да сюда его веди.
— Слава Господу! Дождаться
Грѣшной мнѣ сподобилъ Онъ....
И читала Ганна тихо
„Отче нашъ“, какъ бы сквозь сонъ.

На дворѣ ярмо снимаетъ
Расписное дѣдъ съ воловъ.
Вышла къ мужу Катерина,
На него глядитъ безъ словъ.
— Катря! Гдѣ же наша Ганна?
Что нейдетъ ко мнѣ сюда?
Ужь, помилуй Богъ, жива ли,
Не случилась ли бѣда?
— Нѣтъ! А крѣпко захворала....
Ужь давно она лежитъ,
Все тебя зоветъ.... Когда же
Маркъ вернется? говорить.
Поскорѣй пойдѣмъ, а батько
За волами приглядить.

Входятъ въ хату. Маркъ не смѣетъ
Перейти черезъ порогъ,
— Слава Богу! шепчетъ Ганна.
Не пугайся Маркъ, дружокъ.
Подойди; а ты, Катруся,
Выйди изъ хаты, и вдвоємъ
Съ нимъ оставь насъ. Нужно Марка,
Распросить мнѣ кой-о-чемъ.

Вонъ выходитъ Катерина.
Маркъ нагнулся надъ больной.
— Маркъ, голубчикъ! подивися,
Посмотри ты, что со мной!

Видишь, я какая стала?...
Вся измучилась, больна....
Не работница, не Ганна
Я....

И стихла вдругъ она.
Маркъ и плакалъ, и дивился,
И стоялъ не шевелясь.
Вдругъ глаза она открыла,
И слезами залилась.
— Не вини меня! казнилась
Я весь вѣкъ въ чужой избѣ.
Не вини меня, сыночекъ, —
А прости: я мать тебѣ.

Земля какъ будто разступилась,
Подъ бѣднымъ Маркомъ въ этотъ мигъ
Онъ съ воплемъ къ матери приникъ....
Но сердце матери не билось.

2.

Въ тѣ дни когда мы были казаками,
Объ уни и рѣчи не велось:
О! какъ тогда намъ весело жилось!
Гордились мы привольными степями,
И братомъ намъ считался вольный Ляхъ:
Росли, цвѣли въ украинскихъ садахъ, —
Какъ лиліи, казачки наши въ холѣ,
Гордилась сыномъ мать. Среди степей
Онъ вольнымъ росъ, онъ былъ утѣхой ей
Подъ старость лѣтъ въ немощной, скорбной долѣ.

Но именемъ Христа въ родимый край
Пришли ксендзы — и миръ нашъ возмутили,

Терзали насъ, пытали, жгли, казнили—
И моремъ слезъ и крови сталъ нашъ рай,
И казаки поникнули уныло,
Какъ на лугу помятая трава.
Рыданье всю Украину огласило.
За головой катилась голова;
И посреди народнаго мученья —
Те-деумъ! всендъзъ ревѣлъ въ ожесточеньи.
Вотъ такъ-то Ляхъ, вотъ такъ-то другъ и братъ,
Голодный всендъзъ да буйный вашъ магнать,
Разторгли насъ, поссорили съ тобою,
Но еслибы не козни ихъ — повѣрь —
Что были бъ мы друзьями и теперь.
Забудемъ всё! Съ открытою душою
Дай руку намъ и имянемъ святымъ —
Христа, нашъ рай опять возобновимъ!

3. Жница.

Она на барскомъ полѣ жала,
И тихо побрела къ снопамъ.
Не отдохнуть, хоть и устала —
А покормить ребенка тамъ.

Въ тѣни лежалъ и плакалъ онъ.
Она его распеленала,
Кормила, няньчила, ласкала
И незамѣтно впала въ сонъ.

И снится ей, житьемъ довольный
Ея Иванъ; пригожь, богатъ.
На вольной кажется женатъ: —
И потому что самъ ужъ вольный.

Они съ лицомъ веселымъ жнуть
На полъ собственномъ пшеницу,
А дѣтки имъ обѣдъ несутъ;
И тихо улыбнулась жница.

Но тутъ проснулась... Тяжко ей!
И спеленавъ малютку быстро,
Взялась за серпъ, — дожать скорѣй
Урочный снопъ свой до бурмистра.

4. Дума.

Проходятъ дни... проходятъ ночи;
Прошло и лѣто; шелеститъ
Листъ пожелтѣвшій; гаснутъ очи;
Заснули думы; сердце спитъ.
Заснуло всё... Не знаю я —
Живешь ли ты, душа моя?
Безстрастно я гляжу на свѣтъ,
И нѣту слезъ, и смѣха нѣтъ!

И доля гдѣ моя? Судьбою
Знать не дано мнѣ никакой...
Но если я благой не стою,
Зачѣмъ не выпало хоть злой?
Не дай о Боже! — какъ во снѣ
Блуждать... остынуть сердцемъ мнѣ.
Гнилой володой на пути
Лежать меня не попусти.

Но жить мнѣ дай, Творецъ небесный —
О дай мнѣ сердцемъ, сердцемъ жить!

Чтобъ я хвалиль твой міръ чудесный
Чтобъ могъ я ближняго любить!
Страшна неволя! Тяжко въ ней.
На волю жить — и спать, — страшнѣй.
Прожить ужасно безъ слѣда,
И смерть и жизнь — одно тогда.

5. Пѣсни.

1.

И долину и могилу
И вечерній тихій часъ;
Всё что снилось, говорилось,
Вспоминалъ я много разъ!

Разошлись мы, будто вовсе
И не знали никогда!
И минули невозвратно
Наши лучшіе года!

Отцвѣли мы... Я въ неволѣ
Ты вдовой: мы не живемъ,
Только бродимъ, вспоминая
Какъ жилось намъ въ быломъ!

2.

Проторила я дорожку
Черезъ яръ,
Черезъ горы, мой сердешный,
На базарь.
Парнямъ бублики носила
Вечеркомъ;

Продала — и воротилась
Съ пяткомъ.
Я два гроша, охъ два гроша —
Пропила,
На копѣйку музыканта
Наняла.
Ты сыграй-ка мнѣ на дудкѣ
На своей...
Чтобъ забыла я кручину —
Горе съ ней.
Вотъ какая — мой сердешный
Дѣвка я.
Сватай — выйду я пожалуй
За тебя!

3.

Не вернулся изъ походу
Молодой гусарь въ село:
Что же я по немъ горюю
Что мнѣ больно жаль его?
За кафтанъ короткій что ли —
Иль за черный усъ — такъ жаль?
Иль за то, что — не Марусей —
Машей звалъ меня Москаль?
Нѣтъ, мнѣ жаль что пропадаетъ
Даромъ молодость моя.
Не хотятъ меня и зѣмужь
Брать ужъ люди за себя.
Да къ тому еще и дѣвки
Мнѣ проходу не даютъ:
Не даютъ онѣ проходу
Всѣ гусарихой зовутъ!

4.

Хороша богата .
Я — да толку мало!
Видно безталанна
Друга не сыскала.
Тяжко, тяжело сердцу
Безъ любви томиться.
Скучно одинокой
Въ бархатъ мнѣ рядиться.
Съ парнемъ чернобровымъ,
Круглымъ сиротою,
Мы бы полюбились —
Да глядеть за мною,
Мать съ отцомъ такъ зорко.
Даже сна не знаютъ
И гулять подъ вечеръ
Въ садикъ не пускають.
А когда и пустять
Такъ всё съ нимъ — съ проклятымъ,
Съ недругомъ противнымъ,
Старикомъ богатымъ....

5.

Полюбила я
На печаль свою
Сиротинушку
Безталаннаго.
Ужь такая мнѣ
Доля выпала!

Разлучили насъ
Люди сильные;

Увезли его,
Сдали въ рекруты...
И солдаткой я
Одинокой и
Знать въ чужой избѣ
И состарѣюсь...
Ужъ такая мнѣ —
Доля выпала.

17. ИЗЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Изъ Фрейлирата.

Люби, пока любить ты можешь.
Иль часъ ударить роковой,
И станешь съ позднимъ сожалѣнемъ,
Ты надъ могилой дорогой.

О сторожи, чтобъ сердце свято
Любовь хранило, берегло, —
Пока его другое любить
И неизмѣнно и тепло.

Тѣмъ, чья душа тебѣ открыта,
О дай имъ больше, больше дай!
Чтобъ каждый мигъ дарилъ имъ счастье —
Ни одного не отравляй!

И сторожи, чтобъ словъ обидныхъ —
Порой языкъ не произнесъ;
О Боже! онъ сказалъ безъ злобы —
А друга взоръ ужъ полонъ слезъ!

Люби — пока любить ты можешь —
Иль часъ ударить роковой,
И станешь съ позднимъ сожалѣнемъ,
Ты надъ могилой дорогой!

Вотъ ты стоишь надъ ней уныло;
На грудь поникла голова.
Всё что любилъ — навѣкъ сокрыла,
Густая, влажная трава.

Ты говоришь, хоть на мгновенье
Взгляни: изныла грудь моя!
Прости язвительное слово,
Его сказалъ безъ злобы я!

Но другъ не видитъ и не слышитъ,
Въ твои объятъя не спѣшитъ. —
Съ улыбкой кроткою, какъ прежде,
„Прощаю всё“ не говорить!

Да! ты прощенъ.... но много, много
Твоя язвительная рѣчь —
Мгновеній другу отравила,
Пока успѣлъ онъ въ землю лечь.

Люби — пока любить ты можешь,
Иль часъ ударить роковой,
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой!

Изъ Морица Гартманна.

1.

Капля дождевая
Говорить другимъ:
Что мы здѣсь въ окошко
Громко такъ стучимъ.

Отвѣчаютъ капли:
Здѣсь бѣднякъ живѣтъ;
Мы ему приносимъ
Вѣсть, что хлѣбъ растетъ

2.

(На мотивъ одной болгарской пѣсни)

Я въ свой цвѣтокъ любимый заглянула.
И чудный мiръ увидѣла я въ нёмъ.
Стоялъ въ родной долинѣ домикъ бѣлый,
Зеленый лугъ раскинулся кругомъ.

И я сама сидѣла на порогѣ.
Быль у меня ребенокъ на рукахъ.
Ты, милый мой, ходилъ съ улыбкой мимо,
И счастья лучъ горѣлъ въ твоихъ глазахъ.

Но вотъ увялъ, поблекъ цвѣтокъ мой бѣдный.
Напрасно я гляжу въ него опять;
Напрасно я ищу цвѣтка такого
Во всѣхъ садахъ, — его мнѣ не сыскать!

3.

Манивельтова недѣля.

(Н. А. Некрасову).

Манивельтъ коня въ воскресенье сѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Бѣдетъ... Изъ церкви выходитъ народъ
Нищихъ толпа у церковныхъ воротъ.
Мимо себѣ богомольцы прошли,

Съ деньгами кружку попы пронесли;
Нищимъ не подалъ никто, — и съ тоской,
Молча поникли они головой.

Вотъ на помость прилегли отдохнуть:
Можетъ, въ вечерню подасть кто-нибудь.
Мѣнвельтъ, унылый, вернулся домой.

Мѣнвельтъ коня въ понедѣльникъ сѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Ѣдетъ.... Предъ нимъ многолюдный базаръ;
Крики и шумъ, и пестрѣтъ товаровъ —
Есть изъ чего выбирать богачамъ;
Много поживы и ловкимъ ворами.
Съ рынка богатый богаче ушолъ;
Только бѣднякъ былъ попрежнему голъ.
Мѣнвельтъ, унылый, вернулся домой.

Мѣнвельтъ во вторникъ коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Ѣдетъ онъ: площадь народомъ кипитъ, —
Судъ тамъ правитель открыто чинитъ.
Кто пресмыкался, былъ знатенъ, богатъ,
Былъ имъ оправданъ, добился наградъ.
Плохо лишь бѣднымъ пришлось отъ него....
А между тѣмъ, за повозомъ его
Съ радостнымъ крикомъ народъ весь бѣжалъ,
Милость его, доброту прославлялъ.
Полонъ восторга отъ ласковыхъ словъ,
Сыпалъ къ ногамъ его много цвѣтовъ!
Мѣнвельтъ, унылый, вернулся домой.

Въ среду Мѣнвельтъ коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Видитъ онъ, шумной толпою во храмъ

Люди стремятся... и пастырь ужь тамъ,
Молча стоитъ въ облаченьи своемъ.
Скоро невѣста вошла съ женихомъ.
Старъ онъ и сѣдъ былъ, — прекрасна она.
Былъ онъ богатъ, а невѣста бѣдна.
Счастливъ казался женихъ; а у ней
Слезы лились и лились изъ очей.
Пастырь спросилъ у ней что-то; въ отвѣтъ —
Да, прошептала она, словно *нѣтъ*.
Гости чету поздравляютъ, потомъ
Ѣдутъ на пиръ къ новобрачному въ домъ.
Мать молодой была всѣхъ веселѣй:
Дочь своимъ счастьемъ обязана ей!
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Вотъ онъ коня и въ четвергъ осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Видитъ огромное зданіе онъ,
Видитъ, стекаются съ разныхъ сторонъ,
Женщины въ бѣдной одеждѣ туда.
Знатные тамъ собрались господа.
Дамамъ, разряженнымъ въ шелкъ и атласъ,
Бодрыхъ кормилицъ ведутъ на показъ.
Кончился смотръ; и съ довольнымъ лицомъ
Вышли инны, звеня серебромъ.
Стонъ вылеталъ изъ груди у другихъ;
Шли онѣ, плача о дѣтяхъ своихъ,
И еще долго смотрѣли назадъ,
Имъ посылая свой любящій взглядъ.
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Въ пятницу Маннвельтъ коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Видитъ на улицѣ — мужъ и жена

Спорять, кричать и бранятся. Она
Волосы рветъ на себѣ. „Осквернилъ
Брачный союзъ ты... жену погубилъ!“
Онъ отвѣчаетъ, грозя кулакомъ:
„Адъ принесла ты, злодѣйка, въ мой домъ.
Самъ я обмануть тобою, змѣя!“
Въ книгу закона взглянувши, судья
Молвилъ четъ: „Вы разстаться должны“.
И разошлись они, злобы полны.
А въ отдаленнѣ на камнѣ сидѣлъ
Блѣдный ребенокъ дрожа; и глядѣлъ
То на отца, то на мать онъ съ тоской.
Брошенный ими — пошелъ онъ съ сумой...
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ въ субботу коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Вѣхалъ онъ въ городъ: на улицахъ бой.
Кровью исходятъ и добрый и злой;
Рабъ и свободный убиты лежать.
Бьютъ барабаны и пули свистятъ.
Вѣять знамена — и много на нихъ
Словъ благородныхъ, призывовъ святыхъ!..
Падая, ихъ произносятъ бойцы...
Съ крикомъ народъ разрушаетъ дворцы.
Въ бѣгствѣ король... Обуялъ его страхъ.
Вноситъ другаго толпа на рукахъ.
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ коня въ воскресенье сѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ..
Въ чистое поле онъ ранней порой
Выѣхалъ. — Миръ былъ объятъ тишиной.
Гдѣ-то вился надъ деревней дымокъ,

Легкій его колыхалъ вѣтерокъ.
Жавронокъ въ чистой лазури звенѣлъ;
Плодъ на вѣтвяхъ наливался и зрѣлъ.
Тихо — свозъ свѣтъ золотистыхъ лучей —
Воды катилъ, извиваясь, ручей.
Маннвельтъ задумчивъ сидѣлъ на конѣ;
Слышался топотъ копытъ въ тишинѣ.
Голосъ кукушки звалъ всадника въ лѣсъ....
Вотъ ужъ онъ въ чащѣ зеленой исчезъ.
Дальше онъ все углублялся во тьму;
Тысячу звуковъ на встрѣчу ему,
Мягкихъ, ласкающихъ, чудныхъ, неслись,
Нѣжили слухъ его.... въ душу лились, —
Ей общали забвенью, покой....
Маннвельтъ совсѣмъ не вернулся домой!

4.

Пиреней.

Лишь зимой, когда снѣгами
Безконечный лугъ покрытъ,
Надъ долиной пиренейской
Пиреней-король царить.
Но сносить не могутъ взоры
Короля — весны лучей,
И, какъ снѣгъ въ поляхъ, исчезнуть
Долженъ онъ при встрѣчѣ съ ней.

Не видалъ онъ, какъ тонула
Птичка въ дальней синевѣ,
Какъ душистая фиалка
Распускалася въ травѣ.

Для него не пѣлъ въ дубравѣ
Соловей въ вечерній часъ;
Пѣсня жавронка съ разсвѣтомъ
Звонкой трелью не лилась.

Онъ въ горѣ, облитой льдами,
Въ Проклятой-горѣ живетъ;
Королю чертогомъ служить
Тамъ глубокой, темный гротъ.
И сидитъ въ подземномъ залѣ
Онъ со свитою своей;
А душа на волю рвется —
Жаждетъ солнечныхъ лучей!
О любви, о дняхъ весеннихъ
И мечта ему мила:
Не знавалъ онъ страсти жгучей,
Ни весенняго тепла!

Вдругъ невѣдомые звуки
Оглашаютъ мрачный сводъ...
Это жавронокъ! Въ поле
Громкой пѣсней онъ зоветъ!
Все ей вторило, казалось, —
Каждый камень и кристалъ;
И король — съ дрожащимъ сердцемъ
У дверей чертога сталъ.

„Къ намъ герольда присылала,
Въ гости насъ звала весна...
Въ путь скорѣй! Убить не можетъ
Насъ въ дому своемъ она.“
И по каменнымъ ступенямъ
Онъ бѣжитъ съ своимъ дворомъ;
И едва могли вассалы
Поспѣвать за королемъ.

Вотъ пришли къ веснѣ на празднигъ:
Зеленѣлъ роскошный лугъ,
Съ крикомъ ласточки кружились,
Пахло розами вокругъ.
Солнце горы золотило,
Все сіяло и цвѣло....
Осѣнилъ вѣнокъ изъ лилій
Королевское чело.

Онъ воскликнулъ: „Миръ прекрасенъ,
И прекрасна ты, весна!“
Но еще казалась краше
Королю его жена.
Рядомъ съ нимъ она стояла,
И глядѣлъ онъ въ очи ей....
Никогда такъ жгучъ и страстенъ
Не былъ блескъ ея очей!
Все забылъ онъ, ей любуясь:
Что весна кругомъ цвѣла,
Что страдалъ онъ и томился,
И что смерть е:о ждала!

5.

Лампа.

Давно когда-то въ старой Прагѣ,
Раввинъ ученый проживалъ.
Онъ строго слѣдовалъ писанью
И мудро книги толковалъ.
Невзгоды жизни и лишенья
Сносилъ онъ съ твердою душой,
И хотъ сидѣлъ безъ хлѣба часто,
А называлъ нужду мечтой.

5*

Но далеко не такъ покорна
Была жена его судьбѣ,
И не могла безъ горя видѣть
Худой одежды на себѣ.
Пренебрегала пищей скудной;—
Когда же шабашъ наступилъ,
Печаль ея смѣнилась гнѣвомъ, —
И праздникъ ей не въ праздникъ быть.

Въ глазахъ ея сверкали слезы;
И мужу молвила она:
— „У насъ нѣтъ рыбы за обѣдомъ,
И въ кружкѣ нѣтъ у насъ вина,
И оба мы въ лохмотьяхъ ходимъ:
Куда веселое житье!“
Тогда раввинъ къ настольной лампѣ
Подвелъ таинственно ее....

Позолоченная, блистала
Большая лампа, какъ звѣзда.
И говоритъ раввинъ чуть слышно:
— „Насъ не должна страшить нужда!
Вѣдь эта лампа — золотая!..
Когда я только захочу,
Все дастъ она: — вино и мясо,
И шелкъ, и бархатъ, и парчу“.

— „Ужель?“ И бѣдность ужъ казалась
Въ тотъ мигъ женѣ раввина — сномъ!
И вотъ справлять они садятся
Свой шабашъ весело вдвоемъ.
И съ той поры, когда бывало
Тоска въ ея проникнетъ грудь, —
Чтобъ все забыть — на эту лампу
Ей только стоило взглянуть.

Такъ отъ субботы до субботы
Жила она своей мечтой,
Смѣясь, и радуясь богатству,
Что скрыто въ лампѣ золотой.
И въ гробъ она легла съ улыбкой....
Увидя трупъ раввинъ сказалъ:
— „Лишь отъ тебя, моя голубка,
Что значить вѣра, я узналъ!“

6.

Датская Баллада.

Когда король Альфредъ вѣнчался,
Ревѣла буря — дождикъ лиль.
Епископъ въ праздничной одеждѣ
Чету навѣкъ соединилъ.

Тогда была страшная ночь!

Епископъ былъ красивъ и молодой;
Въ немъ королей струилась кровь.
И подъ плащомъ его пурпурнымъ
Таилась жгучая любовь.

Тогда была страшная ночь!

Охотно бъ самъ соединился
Онъ съ королевой молодой.
Но онъ не долженъ былъ и мыслить
О страсти суетной, земной.

Тогда была страшная ночь!

И вотъ чету благословляя —
Онъ вдругъ проклятье прошепталъ.
Тѣхъ словъ не слышала невѣста —
Народъ ихъ также не слыхалъ.

Тогда была страшная ночь!

Когда жь изъ церкви молодая
Пришла къ себѣ.... Зловѣщій свѣтъ
Бросалъ ночникъ на стѣны спальни,
И гнѣвнень былъ король Альфредъ.
Тогда была страшная ночь!

Такъ ты другаго ужъ любила?
Она клянется: никогда!
Вельгъ подать вина онъ кубокъ,
И черныхъ капель влить туда.
Тогда была страшная ночь!

Епископъ далъ ей отпущенье,
И вновь её благословилъ....
Ея уста коснулись кубка, —
А буря злилась — дождикъ лить....
Тогда была страшная ночь!

Изъ Роберта Прутца.

1. •

Молодость и старость.

Нѣтъ! вы насъ понять не въ силахъ...
Мы васъ тоже не поймемъ.
Такъ разстанемся — и каждый
Пусть идетъ своимъ путемъ.
На челѣ у васъ морщины,
Вѣтъ холодомъ отъ васъ.
Вы и сами говорите,
Что огонь въ груди погасъ.
Мы же юны, сильны, пылки,
Въ насъ кипитъ отвагой кровь:

Тутъ союза быть не можетъ,
Тутъ не прочная любовь.

Безъ вражды, безъ тѣни злобы,
Мы прости вамъ говоримъ;
Передъ вашей сѣдиною
Мы колѣна преклонимъ.
Но зачѣмъ у васъ при видѣ
Свѣжихъ юноши банить —
И кудрей густыхъ и черныхъ
Душу тайный страхъ томить?
И у васъ вилися кудри,
И у васъ былъ смѣлый взглядъ...
Эти кудри побѣдѣли —
Эти взоры не горятъ!

И ужь иначе глядите
Вы давно на Божій свѣтъ.
Предаёте вы позору
Всё, чѣмъ юный духъ согрѣтъ.
Только жалобы, да пени, —
Да киванье головой!
Осужденья тѣмъ, кто вышелъ
Безбоязненно на бой!
Мы же бѣшено такъ рвемся —
Жаждемъ дѣла и борьбы
И страданья и волненья
Просимъ жадно у судьбы!

Мы стоимъ на перепутьи;
Разойтись пора пришла.
Вамъ — цвѣтуція долины —
Намъ подводная скала!
Отдыхайте же — какъ предки —

Подъ журчаніе ручья;
Убаюканные сладко
Звонкой пѣснью соловья.
Но никто воспоминанья
Жизни прошлой не буди...
Или кровью оболъется
Сердце въ старческой груди!

Ты жь — вселюбящая юность —
Поражая силу зла,
Шествуй твердою стопою —
Вдохновенна и свѣтла!
Для грядущихъ поколѣній,
Воздвигашь зданье ты...
И гдѣ бъ ни были мы, — въ сердцахъ
Сохранимъ твои мечты.
Пусть старикъ спокойно дремлетъ...
Намъ же Богъ пошли одно:
Чтобы юными въ могилу
Лечь намъ было суждено!

2.

Посль бури.

Ты коварно меня укачала,
Злая, долгая буря судьбы,
Но стряхнулъ я съ себя утомленье
И для новой готовъ ужъ борьбы!
Я расправилъ помятыя крылья:
Слышишь старыя пѣсни звучать:
Видно сердце въ груди не разбито,
Видно прежнія силы не снятъ!

Не тужу я о томъ, что такъ много
Я волосъ себѣ нажилъ сѣдыхъ!
Не бѣда! лишь бы только струилась
Кровь горячая въ жилахъ моихъ.
Хоть чело и склонялъ я порою,
Но склонялъ я его — не рабомъ.
И въ рукѣ еще силы довольно —
Совладать она можетъ съ мечомъ.

Не потухнуть отъ лѣтъ мои взоры,
Не увлажатся горькой слезой:
Солнце юности вѣчной сіяетъ,
Тѣмъ кто вѣчнаго ищетъ душой!
Если счастье мнѣ снова измѣнить,
Если вырветъ побѣдный вѣнецъ.
Пусть на полѣ сраженья останусь —
Я съ оружіемъ — какъ честный боецъ!

3.

Перлы и Пѣски.

Еъ морскому берегу, рыбачка молодая
Идетъ, лишь утренній повѣтъ вѣтерокъ;
И видитъ груды тамъ коралловъ драгоценныхъ,
И перловъ, брошенныхъ волнами на песокъ.

Довольная своимъ сокровищемъ неожиданнымъ,
Она украситъ имъ спѣшитъ простой нарядъ.
И въ мягкій шелкъ волосъ, жемчужины влетая —
Завистливыхъ подругъ угадываетъ взглядъ.

Она не думаетъ — счастливая малютка —
Что вѣтеръ злой въ тотъ мигъ, какъ перлы ей дарилъ,

Быть может не одну головку молодую —
И не одинъ корабль въ пучину погрузилъ.

И ты, дитя моё, прими съ улыбкой пѣсни,
Что нынѣ въ даръ тебѣ пѣвцомъ принесены,
И какъ рыбацка та, забудь что извлекаетъ
Ихъ буря — изъ моей душевной глубины!

4.

Вѣрь у любви нѣтъ выше права,
Какъ всё прощать и забывать.
Тотъ мало любитъ, кто не можетъ
Прощенью въ сердца мѣста дать.

Когда болить и ноетъ рана —
Утѣшить мысль тебя должна,
Что рана та, рукой любимой
Тебѣ была нанесена.

Когда жь терпѣть не станетъ силы,
Умри... но молча; — отъ людей —
Отъ той кого любилъ, чтобъ тайной
Осталась скорбь души твоей...

Изъ Анастасія Грюна.

Старый Комедиантъ.

Вотъ занавѣсъ подняли съ шумомъ:
Явился фигляръ на подмосткахъ;
Лицо нарумянено густо,
И пестрый костюмъ его въ блѣсткахъ.

Старикъ съ головой посѣдѣвшей!
Достойнъ ты слѣзъ — а не смѣху.
Въ могилу глядишь ты — а долженъ
Ломаться толпѣ на потѣху.

И хохотъ ея, этотъ хохотъ,
Надъ близкимъ концомъ человѣка —
Надъ бѣдной его сѣдиною,
Награда печальнаго вѣка!

Всё, — даже и милое сердцу,
Съ лѣтами старикъ забываетъ.
А бѣдный фигляръ — всякимъ вздоромъ
Бряхтя, себѣ мозгъ набиваетъ.

Въ прощальный лишь мигъ приподыметъ
Старикъ одряхлѣвшія руки,
Когда вокругъ него — на колѣняхъ,
Стоять его дѣти и внуки.

Безъ усталы руки фигляра
Бьютъ въ тактъ пустозвоннымъ кушлетамъ.
И сколько усилій — чтобъ вызвать
У зрителей хохотъ при этомъ!

Болятъ твои старыя кости!
И тѣло кривляться устало....
Не прочь ты заплакать пожалуй,
Лишь только бѣ толпа хохотала....

Старикъ опускается въ кресло.
— Ага! Это лѣни поблажка!
Въ толпѣ восклицаютъ со смѣхомъ.
Знать любить покой старикашка,

И голосомъ слабымъ, беззвучнымъ
Онъ свой монологъ начинаетъ....
Ворчанье кругомъ.... Видно роли
Фигляръ хорошенько не знаетъ.

Онъ тише и тише бормочетъ.
Нѣтъ связи въ рѣчахъ и значенья....
И вдругъ, не докончивши слова —
Замолкъ и сидитъ безъ движенья.

Звенить колокольчикъ за сценой.
То слышится звонъ погребальный!
Толпа недовольная свищетъ....
То плачь надъ умершимъ прощальный!...

Душа старика отлетѣла....
И только густыя румяна
Попрежнему лгали; но тщетно!
Никто ужъ не вѣрилъ обману.

Какъ надпись на камнѣ могильномъ,
Онъ на лицѣ — говорили —
Что ложь и притворство удѣломъ
Фигляра несчастнаго были!

Деревъ намалеванныхъ вѣтви —
Не будутъ шумѣть надъ могилой!
И мѣсяцъ напитанный масломъ —
Надъ ней не засвѣтитъ уныло.

Когда старика обступили,
Изъ труппы вдругъ голосъ раздался:
Тотъ честный боецъ — кто съ оружьемъ
На полѣ сраженья остался!

Лавровый вѣнокъ изъ бумаги,
Измятый, засаленный, старый,
Какъ древняя муза — служанка
Кладеть на сѣдины фигляра.

Снести бѣдняка на кладбище
Носильщиковъ двухъ подрядили....
Никто не смѣялся, — не плакалъ,
Когда его въ землю зарыли....

Изъ Эйхендарфа.

Ахъ не та ужъ это липа
На которую когда-то —
Я влезалъ — чтобъ любоваться
Яркимъ заревомъ заката.

И не этой рощей темной
Я подъ шумъ вѣтвей сосновыхъ,
Отъ подруги возвращался,
Съ сердцемъ полнымъ пѣсень новыхъ.

Знать не та ужъ и долина —
Гдѣ порой любви счастливой,
Выходили на свиданье
Мы стопою боязливой.

Нѣтъ! долина, роща, липа,
Тѣ же всё — что въ дни былые.
Ты не тотъ... остыло сердце, —
Да и волосы сѣдые!

Из Оскара Радвица.

Пока лазурь небесъ моихъ ясна,
О черныхъ тучахъ я не думаю съ тоскою;
И не поникну я — уныло головою,
Пока волосъ не тронетъ сѣдина.

Пускай близка осенняя пора,
Её не ждётъ цвѣтокъ, на солнцѣ распускаясь;
Не думаетъ звѣзда на небѣ загораясь,
Что ей горѣть дано лишь до утра.

Изъ Карла Бека.

СЛУГА И СЛУЖАНКА.

Въ мячъ — сирота не игралъ никогда, —
Самъ онъ былъ мячикъ — судьба имъ играла,
Птичекъ не бралъ изъ роднаго гнѣзда, —
Самъ онъ, какъ птица, былъ сытъ, чѣмъ попало.

Воду, дрова цѣлый день онъ таскалъ,
Лазилъ по лѣстницамъ, вставши до свѣта.
Къ сытой собакѣ онъ зависть питалъ,
Къ кошкѣ, что теплою шкурой одѣта.

Выросъ, и въ слуги нанявшись, прикрылъ
Бѣдность свою — галунами ливреи.
Лошадь сѣдлалъ, и собаку кормилъ, —
Всѣ исполнялъ господина затѣи.

Думалъ онъ часто о милой своей.
Милая — грубое платье носила

Не были руки — какъ бархатъ у ней, —
Ими помы и бѣлье она мыла,

Онъ ей не пѣлъ серенадъ подъ окномъ,
Другу — портрета она не дарила....
Видѣлись рѣдко.... разстались потомъ --
Въ полномъ разцвѣтѣ и страсти и силы.

И постарѣли.... Но сердце у нихъ
Всё продолжало надеждою биться....
Сколько бѣ ни рвали цвѣтовъ полевыхъ —
Всё же въ травѣ — хоть одинъ притаится!

Снилось порою ихъ честнымъ душамъ
Будто они ужъ служить перестали.
Будто какъ равнымъ, большимъ господамъ
Руку при встрѣчѣ они подавали.

Вотъ наконецъ, сколотивши казну,
Зажили вмѣстѣ; довольны, счастливы....
Есть у ней прятка, не мало и льну;
Онъ себѣ домигъ построилъ красивый.

Въ мертвомъ затишьѣ ихъ дни потекли.
Душу блаженство любви не томило....
Всё это сгибло! Въ разлукѣ прошли
Лучшіе годы и страсти и силы!

Тихи ихъ шутки.... ихъ ласки робки.
Это цвѣты — но цвѣты подъ снѣгами!
Это осенней поры — мотыльки; —
Пляска — но пляска калѣкъ — съ костылями.

Ихъ не блаженство любви веселить:
Нѣтъ! Но свой домъ.... мысль объ участи новой. —

Ихъ властелинъ — лишь Господь, что глядитъ
Взромъ любви — на порвавшихъ оковы....

Изъ Макса Вальдау.

Уныло двѣ поблекшихъ розы,
Горюя на песокъ лежатъ;
Прощальнымъ блескомъ озаряетъ
Листки ихъ блѣдные закатъ.

— Меня невѣста молодая
Носила на груди своей,
Когда блаженствомъ безпредѣльнымъ,
Любовью сердце билось въ ней.

— Меня сорвалъ онъ въ часъ разлуки
Съ ея груди — когда она,
При блескѣ свѣчъ, въ гробу лежала,
Какъ изваянье холодна.

Уныло двѣ поблекшихъ розы,
Горюя на песокъ лежатъ....
И тихо, тихо догораетъ
На блѣдныхъ листьяхъ ихъ закатъ....

II.

**СТИХОТВОРЕНІЯ,
ИЗДАННЫЯ ВЪ 1858 ГОДУ.**

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Домчатся-ль къ вамъ знакомыхъ пѣсень звуки,
Друзья моихъ погибшихъ юныхъ лѣтъ?
И братскій вашъ услышу-ль я привѣтъ?
Все тѣ же-ль вы — что были до разлуки?

Быть можетъ, мнѣ иныхъ не досчитаться!...
А тѣ — въ чужой, далекой сторонѣ,
Уже давно забыли обо мнѣ...
И некому на пѣсни отозваться!...

Но я — средь бурь, въ дни горя и печали
Быль вѣренъ вамъ, весны моей друзья,
И снова къ вамъ несется пѣснь моя,
Когда, какъ сонъ, невзгоды миновали.

1. РАЗДУМЬЕ.

Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья,
Тоски болѣзненной и безотраднхъ думъ,
Когда жь минуете? Иль тщетно возрожденья
Такъ страстно сердце ждетъ, такъ сильно жаждетъ умъ?

Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта!
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ.
Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта —
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.

Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты,
Морозы ранніе безжалостно побили
Безпечной юности любимые цвѣты.

И чистыхъ помысловъ и жаркихъ упованій,
На жизненномъ пути растратилъ много я;
Но среди неравнхъ битвъ, среди тяжкихъ испытаній
Что жь обрѣла въ замѣнъ всѣхъ грезъ душа моя?

Увы! лишь жалкое въ себѣ разувѣренье,
Да убѣжденіе въ бесплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы.

И даже ты моимъ призывамъ измѣнила,
Друзей свободная и шумная семья!
Привѣта братскаго живительная сила
Мнѣ не врачуетъ духъ въ тревогахъ бытія.

Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
А съ жизнью всё-таки разстаться было-бъ жаль,
И хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
Еще невольно взоръ съ надеждой смотреть въ даль.

2. МОЛИТВА.

О Боже мой, возстанови
Мой падшій духъ, мой духъ унылый.
Я жажду вѣры и любви,
Для новыхъ битвъ я жажду силы.

Запуганъ мракомъ ночи я —
И въ немъ я ощупью блуждаю;
Ищу въ свѣтильникъ свой огня,
Но гдѣ обрѣсть его не знаю.

Въ изнеможенъя скорбиныя часъ
Простри спасительныя руки, —
Да упадетъ завѣса съ глазъ,
Да прочь идутъ сомнѣнья муки.

Внезапнымъ свѣтомъ озарёнъ,
Отъ лжи мой умъ да отрѣшится,
И вмѣстѣ съ сердцемъ да стремится
Постигнуть истины законъ.

Услышь, о Боже, голосъ мой!
Да возлюбивъ всѣмъ сердцемъ брата,
Во тьмѣ затерянной тропой —
Пойду я вновь — и безъ возврата!

3.

О нѣтъ! не всякому дано
Святое право обличенья.
Кто не взростилъ въ себѣ зерно
Любви живой и отреченья,
И бесполезно и грѣшно
На мѣръ его ожесточенье.

Но если пламенная рѣчь
Изъ сердца чистаго стремится,
Она разить какъ Божій мечъ,
Дрожитъ, блѣднѣетъ и стыдится
Предъ нею тотъ, кого обречь
Она проклятью не страшится.

Но гдѣ тотъ вѣка проводникъ,
Что скупъ на рѣчи — щедръ на дѣло,
Что заглушивъ страстей языкъ —
Идя на подвигъ честно, смѣло,
Благой примѣръ являть привыкъ
Толпѣ, въ неправдѣ закоснѣлой?

Гдѣ онъ? Насъ къ безднѣ привела
Стезя безвѣрья и порока;
Рабамъ позорной лжи и зла
Пошли, пошли Господь пророка,
Чтобъ рѣчь его намъ сердце жгла,
И содрогнулись мы глубоко....

4. ВОПРОСЪ.

Ужели смерть есть цѣль? Зачѣмъ же путь земной
Усыянъ яркими, роскошными цвѣтами,
Зачѣмъ осеннею печальною порой
Мы покидаемъ ихъ съ невольными слезами?

Но если жизнь есть цѣль? Зачѣмъ же мы порой
Встрѣчаемъ тернии межъ яркими цвѣтами?
Зачѣмъ должны не разъ кремнистый путь земной
И кровью запятнать и оросить слезами.

5. ВЕСНА.

Und Freud und Wonne
Aus jeder Brust!
O Erd, o Sonne!
O Glück, o Lust!

Гете.

Въ старый садъ выхожу я, росинки
Какъ алмазы на листьяхъ горять;
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливая кругомъ аромать.

Всѣ влечетъ, веселить мои взоры:
Золотая пчела на цвѣткѣ,
Разноцвѣтныя бабочки крылья,
И прыжки воробья на пескѣ.

Какъ ярка эта зелень деревьевъ,
Куполь неба такъ чистъ и глубокъ!
И брожу я восторгомъ объятый,
И слеза застилаетъ зрачокъ,

За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Поднимаются къ небу вдали.

Какъ любовью и радостью дышитъ
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ,
И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ!

Снова крѣпнуть дремавшія силы;
Новой жизни приходитъ пора,
И становится все такъ возможнымъ,
Что мечтою казалось вчера!

Здѣсь при взглядѣ на праздникъ созданья
Затиhaетъ вражда и печаль...
И того кто не любить, не вѣрить,
Непритворно становится жаль.

Поневоля дивишься, что люди
Часто злобы другъ къ другу полны,
Иль не всѣмъ одинаково свѣтитъ
Это теплое солнце весны?

Какъ прекрасна весна! Милліоны
Ей на встрѣчу звучать голосовъ,
И въ моемъ воскресающемъ сердцѣ
Ей привѣтъ вдохновенный готовъ!

6. ПОСЛѢ ЧТЕНІЯ ГАЗЕТЪ.

Мнѣ тяжело читать кровавыя страницы,
Что намъ о племенныхъ раздорахъ говорятъ,
Какъ тяжело смотрѣть на сумрачныя лица
Семьи, гдѣ издавна господствуетъ разладъ.

Отчизну я люблю глубоко, и желаю
Всей полнотою души цвѣсти и крѣпнуть ей,
Но къ племенамъ чужимъ вражды я не питаю,
Ей мѣста нѣтъ въ душѣ незлобивой моей.

Разсказъ о подвигахъ на полѣ грозной битвы
Восторгомъ пламеннымъ мнѣ не волнуетъ кровь;
И къ небесамъ я шлю горячія молитвы,
Чтобъ низошла въ сердца озлобленныхъ любовь.

Чтобъ миновали дни тревогъ, ожесточенья,
Чтобъ позабывъ вражду и ненависть свою,
Покорные Христа высокому ученью,
Всѣ племена слились въ единую семью!

7. **БЫЛОЕ.**

(С. Н. Ө—ву).

Ночи блѣдное свѣтило
Кроткимъ свѣтомъ озарило
Комнатку мою.

Снова слышу за стѣною,
Надъ малюткою больною,
Баюшки баю.

Голосокъ такъ чистъ и звонокъ,
Что подъ звукъ его ребенокъ
Затихаетъ вдругъ.

Спой еще, тебѣ внимая,
И моя душа больная
Отдохнетъ отъ мукъ.

Помню я иное время
Легче жизни было бремя,
Веселѣй жилось!

Шли такъ быстро эти годы,
Годы счастья и свободы,
Годы свѣтлыхъ грезъ!

Сколько вызвано мечтою
Лицъ знакомыхъ предо мною
И знакомыхъ мѣстъ.

Помню гдѣсь.... деревьевъ шопоть,
И волны стемнѣвшей ропоть,
И мерцанье звѣздъ,

Садъ запущенный и мрачный,
Надъ водой пруда прозрачной
Деревенскій домъ.

Рѣчи нѣжныя и ласки,
Въ уголкѣ уютномъ сказки
Зимнимъ вечеромъ....

Сердце вѣрило, любило;
Все ему такъ было мило,
Что теперь смѣшно!

Но все тихо за стѣною....
Надъ малюткою больною
Голосъ смолкъ давно....

Ахъ, зачѣмъ былые годы,
Годы счастья и свободы,
Я припомнилъ васъ.

На душѣ тоска сильнѣе.
И до утра видно съ нею
Не сомкну я глазъ!

8. ВЪ СТЕПИ.

Такъ скоро можетъ быть покинуть долженъ я,
О степь унылая — просторъ твой необъятный;
Но вмѣсто радости, зачѣмъ душа моя
Полна какою-то тоскою непонятной?

Жалю-ль я чего? Или въ краю иномъ,
Грядущее сулитъ мнѣ мало утѣшенья?
И побреду я вновь знакомымъ мнѣ путемъ,
Путемъ заботъ, печалей и лишенья.

Какъ часто у судьбы я допросить хотѣлъ
Какую пристань мнѣ она готовитъ...
Зачѣмъ неравный бой достался мнѣ въ удѣлъ,
Зачѣмъ она моимъ надеждамъ прекословитъ?

Отвѣта не было. Напрасно я искалъ
Куда-бъ усталою приникнуть головою...
Не видно пристани... и счастья идеаль —
Ужъ я давно зову ребяческой мечтою!

Но пусть безъ радостей мои проходятъ дни...
Когда-бъ осталось мнѣ отрадное сознанье,
Что къ благу ближняго направлены они,
Я-бъ заглушилъ въ себѣ безумное ропанье;

Но нѣтъ, еще ничьихъ не утиралъ я слезъ,
И сердца голосу былъ часто непослушень,
Я утѣшенія несчастнымъ не принесъ,
И слабъ я былъ, и гордъ, и малодушень.

И жаль мнѣ, что я жизнь покину безъ слѣда,
Какъ покидаю край печальнаго изгнанья,
Что ни единый другъ, отъ сердца никогда
Не жаль руки моей въ минуту разставанья.

9. ЗИМНЕЕ КАТАНИЕ.

Зимней ночью при лунѣ,
Я душѣ твоей раскрою
Все что ясно будетъ мнѣ.

Фетъ.

Посмотри, на небѣ звѣзды,
Снѣгъ блистаетъ серебромъ,
Ѣдемъ, другъ мой.... ночью зимней
Мчатся весело вдвоемъ.

Полетить какъ птица тройка,
Колокольчикъ зазвенить —
И раскинется предъ нами
Безконечной степи видъ.

Все, что сердце днемъ тревожить
И заботъ докучныхъ рой,
И судьбы насмѣшки злыя,
Все забудемъ мы съ тобой.

И пускай перенесемся,
Обаянія полны,
Въ міръ волшебныхъ пестрыхъ сказокъ
Нашей доброй старины.

Будемъ думать, что въ хрустальный
Ты дворецъ заключена,
Что тебя я похищаю
Отъ сѣдаго колдуна....

Что мечемъ моимъ булатнымъ
Сторожъ твой — косматый звѣрь,
Пораженъ, и мы съ тобою
Птицы вольныя теперь.

Право, этотъ мѣръ чудесный
Лучше нашего сто кратъ;
Лучше козни чародѣевъ,
Чѣмъ житейскій нашъ разладъ.

Идемъ! ждуть за воротами
Сани крытыя ковромъ;
Въ небѣ мѣсяцъ, въ небѣ звѣзды —
Снѣгъ блистаетъ серебромъ!

10.

Онъ шелъ безропотно, — тернистою дорогой,
Онъ встрѣтилъ радостно и гибель и позоръ;
Уста, вѣщавшія ученье правды строгой,
Не изрекли толпѣ глумящейся укоръ.

Онъ шелъ безропотно, — и на крестъ распятый,
Народамъ завѣщаль и братство и любовь,
За этотъ грѣшный міръ, порока тьмой объятый
За ближняго лилась Его святая кровь.

О дѣти слабые — скептическаго вѣка.
Иль вамъ не говорить могучій образъ тотъ
О назначеніи великомъ человѣка —
И волю спящую на подвигъ не зоветь?

О нѣтъ! не вѣрю я! Не вовсе заглушили
Въ насъ голосъ истины корысть и суета,
Еще настанетъ день... Вдохнетъ и жизнь и силу,
Въ нашъ обветшалый міръ, ученіе Христа!

11.

Ты хочешь пѣсень, не пою
Веселыхъ пѣсень я давно;
А душу ясную твою
Встревожить было бы грѣшно.

О нѣтъ, пусть ни единый звукъ
Не обнаружитъ предъ тобой,
Ни затаенныхъ въ сердцѣ мукъ,
Ни думъ навѣянныхъ борьбой.

Пусть не узнаешь дольше ты —
Какъ безошадно губить свѣтъ
Всѣ наши лучшія мечты,
Святыхъ грѣзы юныхъ лѣтъ!

Когда-жъ пора твоя придетъ
И съ жизнью выйдешь ты на бой,
Когда въ тебѣ житейскій гнѣтъ
Оставить слѣдъ грубокой свой.

И будешь, горе затая,
Ты тщетно ждать участія словъ —
Тогда зови... и пѣснь моя
На грустный твой отвѣтитъ зовъ.

12. СЕРДЦУ.

Скажи мнѣ, долго-ль заблуждаться
Тебѣ, о сердце! суждено,
Пора бы съ грѣзами разстаться...
Мы старики съ тобой давно.

А ты, на зло годамъ и року,
Тревожнѣй бьешься и сильнѣй,
(Хоть мало выдишь въ этомъ проку),
Чѣмъ билось въ дни весны своей.

Когда среди волненій свѣта,
Въ толпѣ шумящей и пустой,
Слова любимаго поэта
Произнесутъ передъ тобой;

Или науки голосъ строгой,
О правдѣ вѣчной говорить;
Какую ты забьешь тревогу,
Какой огонь въ тебѣ горить!

Красой стыдливою блистая,
Мелькнуть ли женскія черты —
Въ восторгѣ чистомъ замирая,
На встрѣчу имъ какъ рвешься ты.

О перестань! понять бы можно
Давнымъ-давно въ твои глѣта,
Что бредъ поэзія ничтожный,
Что правда вѣчная — мечта!

Что какъ-то странно поклоненье,
Въ нашъ вѣкъ полезный, красотъ, —
Что ужъ теперь должны стремленья
У человѣка быть не тѣ....

Сознай, что правда тамъ гдѣ сила,
Гдѣ достиженье благъ земныхъ,
И все забывъ, что ты любило,
Живи и бейся лишь для нихъ!

13. ЦВѢТОВЪ.

Надъ пустыней, въ полдень знойный,
Горделиво и спокойно
Тучка легкая плыветь.
А въ пустынь, жаждой мучимъ
И лучомъ палимый жгучимъ,
Къ ней цвѣтокъ моленье шлѣтъ:
„Посмотри, въ степи унылой,
Я цвѣту больной и хилый,
И безъ силъ и безъ красы.
Мнѣ цвѣсти — такъ безотрадно....
Нѣтъ ни тѣни здѣсь прохладной,
Ни свѣжительной росы,
Я горю, томлюсь отъ зною,
И поблекшей головою,
Я къ землѣ сухой приникъ.
Каждый день съ надеждой тайной,
Я все ждалъ, что хоть случайно
Залетишь ты къ намъ на мигъ.
Вотъ пришла, ты... и зываю
Я съ мольбой къ тебѣ, и знаю,
Что къ мольбѣ согласишься ты;
Что прольется дождь обильный,
И покровъ стряхнувши пыльный,
Оживутъ мои листы,

И подъ влагой неба чистой, —
И роскошный и душистый
Заблится мой нарядъ.
И потомъ въ степи суровой,
Долго, долго къ жизни новой,
Буду помнить я возвратъ...
Но горда, неумолима,
Пронеслася тучка мимо,
Надъ поникнувшимъ цвѣткомъ.
Далеко, надъ сжатой нивой,
Безполезно, прихотливо
Пролилась она дождемъ,
А въ пустынь жаждой мучимъ
И лучомъ палимый жгучимъ,
Увядалъ цвѣтокъ больной...
И все ждалъ онъ, увядая: —
Тучка вотъ придетъ другая....
Но ужъ не было другой.

14. ДВѢ ПѢСНИ.

1.

Тихо все, глядится мѣсяцъ
Въ воды зыбкія рѣки;
За рѣкою слышны пѣсни
И мелькають огоньки.

Отчего такъ сердцу больно?
Дней ли прошлыхъ стало жаль?
Иль грядущаго пугаетъ
Неразгаданная даль?

Отчего въ груди томленье?
И туманить взоръ слеза?
Или снова надо мною
Собирается гроза?

Вотъ сокрылся мѣсяцъ въ тучи;
Огоньковъ ужъ не видать.
Стихли пѣсни... Скоро-ль, сердце,
Перестанешь ты страдать?

2.

Снова я, раздумья полный,
Въ книгу прошлаго гляжу,
Но страницъ, отрадныхъ сердцу,
Въ ней немного нахожу.

Тамъ напрасныя стремленья —
Здѣсь напрасная любовь,
И сильнѣе годъ отъ году
Холодѣетъ въ сердцѣ кровь.

А порой и мнѣ казалось,
Счастье было найдено;
То же горе — только счастьемъ
Притворялося оно!

Съ каждымъ днемъ дорога жизни
Все становится скучнѣй,
И послушный волѣ рока
Вяло я бреду по ней.

Безъ надежды, безъ желанья —
Какъ волна катится вдаль...
Впереди не вижу цѣли
И былаго мнѣ не жаль!

15. СЪ ПОЛЬСКАГО.

1. Два Слова.

Надъ кладбищемъ, надъ могильными плитами
Солнышко весною всходитъ каждый годъ,
Каждый голъ пестрѣтъ мягкій лугъ цвѣтами,
Птичка Божія такъ весело поетъ.

Голосъ Бога съ каждою весною
Говоритъ природѣ: радуйся, живи;
Громы въ небесахъ глубоко я скрою,
Пей любовь и знай, источникъ я любви.

Надъ кладбищемъ, надъ могильными плитами,
Въ тучи солнышко заходитъ каждый годъ,
И съ поблекшими отъ холода цвѣтами
Разставаясь, птичка жалобно поетъ....

Слышитъ голосъ Бога, каждый годъ природа:
„Плачь и сокрушайся.... Смерть есть твой законъ“
И гремитъ гроза, и воетъ непогода,
Въ мѣръ тѣвнѣе все — а вѣчность только Онъ.

2. *Сельская пѣсня.*

Травка зеленѣетъ,
Солнышко блеститъ,
Ласточка съ весною
Въ сѣни къ намъ летитъ,

Съ нею солнце дольше
И весна милѣй....
Прощебечь съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй.

Дамъ тебѣ я зеренъ,
А ты пѣсню спой,
Что изъ странъ далекихъ
Принесла съ собой....

Что ты все кружишься?
Что твой черный глазъ
Ищетъ все кого-то?
Нѣтъ ее у насъ!

За солдата вышла,
Бросила нашъ домъ;
Съ матерью прощалась —
Вонъ за тѣмъ крестомъ.

Тамъ гдѣ кустъ, мнѣ съ плачемъ
Ноги обняла;
И чуть не вернулась,
Какъ до горъ дошла.

Если къ нимъ летишь ты,
Разскажи потомъ,
Можетъ терпять нужду
Въ городѣ чужомъ?

Часто-ль вспоминають
Обо мнѣ у нихъ?
Что ихъ дочь малютка?
Что сыночекъ ихъ?

3. Птичка.

Птичка Божія проснулася съ зарею,
А ужъ пахаря застала за сохою.
Полетить она къ лазурнымъ небесамъ,
И что видитъ въ селахъ, все разскажетъ тамъ.
Скажетъ птичка Богу, что бѣднякъ страдаетъ,
Что кровавымъ потомъ ниву орошаетъ.
Не мила какъ птичка пахарю весна,
Радостей немного подарить она...
Встрѣтилъ бы онъ солнце пѣсенкой веселой,
Да молчать заставить гнетъ нужды тяжелый.
На сердцѣ заботы какъ свинецъ лежать,
Поневогѣ пѣсня не пойдетъ на ладъ.
Гдѣ тутъ любоваться нѣгой лунной ночи, —
Застилаютъ слезы труженику очи....
Скажетъ птичка Богу — чтобъ Его рука
Поддержала въ горькой долѣ бѣдняка.
Чтобъ ему нести свой крестъ достало силы,
Чтобъ безъ ропота добрелъ онъ до могилы.

4. *Еще сельская пьеса.*

Если воловъ я не такъ запрягаю,
Нѣту во мнѣ для хозяйства пути,
Если въ избѣ я тебѣ докучаю,
Въ школу, родная, меня отпусти.

Грамотный буду; крестьянскаго сына
Въ школѣ научать, я знаю, всему.
Сдѣлають тамъ изъ него господина,
Платье суконное справятъ ему.

Къ вамъ принесу я разказовъ не мало,
Въ книжкѣ прочту какъ все въ мѣрѣ идетъ.
Все что въ старинные годы бывало,
Даже и то, что случится впередъ....

Каждую травку назвать я съумѣю,
Буду въ косцѣлѣ ксензу помогать;
И на стѣнѣ — надъ постелью твоею
Лики угодниковъ углемъ писать....

16.

Много злыхъ и глупыхъ шутокъ,
Жизнь играла ты со мной,
И стою на перепутьи
Я съ поникшей головой.

Сердца лучшіе порывы
И любимыя мечты,
Осмѣяла безпощадно,
Въ пухъ и прахъ разбила ты.

✓
Подстрекнула ты лукаво
На неравный бой меня,
И въ бою томъ я потратилъ
Много страсти и огня.

✓
Только людямъ на потѣху
Скоро выбился изъ силъ;
И осталось мнѣ сознанье,
Что я немощень и хилъ.

Что-жь! пойду дорогой торной,
Думалъ я, толпѣ во слѣдъ,
Скромень, тихъ, благонамѣренъ,
Бросивъ юношескій бредъ.

Что за гладкая дорога!
Камни здѣсь не рѣжутъ ногъ.
Еслибъ шелъ по ней я прежде,
Я бы такъ не изнемогъ.

Да и цѣль гораздо ближе;
Пристань мирная ввиду....
Сколько тамъ я наслажденій
Неизвѣданныхъ найду.

Но увы! пришлось недолго
Къ этой цѣли мнѣ идти,
И опять я очутился
На проселочномъ пути.

А виной все эти грезы;
Эти сны поры былой...
Безотвязные, со мною
Шли они рука съ рукой.

И манили все куда-то;
И шептали что-то мнѣ;
Милыхъ образовъ такъ много
Показали въ сторонѣ.

Имъ на встрѣчу устремился
Я исполненъ новыхъ силъ:
Шелъ по терніямъ колючимъ,
Въ бездны мрачныя сходилъ.

И ужь думалъ — подхожу я
Къ милымъ призракамъ моимъ,
Но напрасно утомленный,
Простиралъ я руки къ нимъ.

Отдалялись, улетали
Дорогіе отъ меня....
И внезапно, на распутьи,
Ночью былъ застигнуть я.

Долго-ль ночь моя продлится
И что ждетъ меня за ней,
Я не знаю, знаю только,
Что тоска въ душѣ моей.

Но не торная дорога,
Рано брошенная мной,
Пробуждаетъ сожалѣнье
Въ этотъ мигъ, въ душѣ больной.

Жаль мнѣ призраковъ любимыхъ,
Жаль роскошныхъ, яркихъ грезъ,
Что такъ рано день, сокрывшись,
На лучахъ своихъ унесъ!

17.

Дѣти вѣка все больные,
Мнѣ повсюду говорятъ,
Ходятъ блѣдные, худые,
Съ жизнью все у нихъ разладъ.

Нѣтъ! напрасно стариками
Оклеветанъ бѣдный вѣкъ;
Посмотрите, передъ вами
Современный человѣкъ.

Щеки словно какъ съ морозу
Такъ румянцемъ и горятъ,
Какъ прилична эта поза,
Какъ спокоенъ этотъ взглядъ.

Вы порывовъ увлеченья
Не замѣтите за нимъ;
Но какъ полонъ уваженья,
Онъ къ достоинствамъ своимъ.

Всѣ вопросы разрѣшаетъ
Онъ легко, безъ дальнихъ думъ;
Не тревожить, не смущаетъ
Никогда сомнѣнье умъ.

И насмѣшкой острой, милой
Какъ умѣетъ онъ кольнуть
Недовольныхъ, что уныло
На житейскій смотрять путь.

Предразсудки ненавидятъ,
Все твердятъ про идеаль,
И лишь зло и гибель видятъ
Въ томъ, что благомъ міръ призналъ.

Свѣтъ пріятнымъ разговоромъ
И умомъ его плѣненъ;
Восклицаютъ дамы хоромъ:
Какъ онъ милъ! какъ онъ уменъ!

Нѣтъ! напрасно старость взводитъ
Клевету на бѣдный вѣкъ,
Жизнь, блаженствуя, проводитъ
Современный человѣкъ!

18.

Когда твой кроткій, ясный взоръ
Ты остановишь вдругъ на мнѣ,
Иль задушевный разговоръ
Съ тобой веду я въ тишинѣ;

Когда подашь мнѣ руку ты,
Прощаясь ласково со мной,
И дышать женскія черты
Неизъяснимой добротой.

О вѣрь! не зависть, не вражда
Къ тому, съ кѣмъ ты на путь земной
Соединила жребій свой,
Грудь наполняетъ мнѣ тогда.

Я лишь молю, чтобъ надъ тобой
Была Господня благодать,
Чтобъ свѣтъ тщеславный и пустой
Тебя не могъ пересоздать.

Чтобы сердце свято сберегало
Свои завѣтныя мечты;
Чтобы спокойно и свѣтло
На Божій міръ глядѣла ты....

8*

Чтобъ клеветы и злобы ядъ
Не отравилъ весны твоей;
Чтобъ ты не вѣдала утратъ
И помраченныхъ скорбью дней.

Еще молю я, чтобы насъ
Не разлучалъ враждебный рокъ,
Чтобъ кроткимъ свѣтомъ этихъ глазъ
Я дальше любоваться могъ.

19.

Когда мнѣ встрѣтится истерзанный борьбой,
Подъ гнетомъ опыта поникшій человѣкъ;
И рѣчью горькой онъ, насмѣшливой и злой,
Позору предаеть во лжи погрязшій вѣкъ.

И вѣра въ родъ людской въ груди его угасла,
И духъ, что нѣкогда былъ полонъ мощныхъ силъ,
Подобно ночнику потухшему безъ масла,
Безъ вѣры и любви сталъ немощенъ и хилъ.

И правды лучъ, сверкающій за далью
Грядущихъ дней, очамъ его незримъ;
Какъ больно мнѣ! глубокою печалью
При встрѣчѣ той бываю я томимъ.

И говорю тогда: явись, явись къ намъ снова,
Господь! въ нашъ бѣдный мѣръ, гдѣ горе и разладъ.
Да прозвучитъ еще Божественное слово,
И къ жизни воззоветъ твоихъ отпадшихъ чадъ!

20. МОЙ ЗНАКОМЫЙ.

Онъ бѣденъ былъ. (Его отецъ
Въ гусарахъ вѣкъ служилъ,
Любилъ танцовщицъ, и въ конецъ,
Имѣнье раззорилъ).

И ярый былъ онъ либералъ;
Всѣ слабости людей
Онъ энергически каралъ,
Хоть не писалъ статей.

Не могъ терпѣть онъ спину гнуть,
Любилъ онъ бѣдный классъ,
Любилъ помѣщиковъ кольнуть
Сатирой злой подь-часъ.

И Жоржемъ Зандомъ и Леру
Былъ страстно увлеченъ,
Мужей онъ поучалъ добру,
Развить старался женъ.

Когда же друга моего
Толкнула въ глушь судьба,
Онъ думалъ — закалить его
Съ невѣжествомъ борьба.

Всѣхъ лихоимцевъ, подлецовъ
Мечталъ онъ быть грозой;
И за права сиротъ и вдовъ
Клялся стоять горой.

Но, ахъ! грядущее отъ насъ
Густой скрываетъ мракъ;
Не думалъ онъ, что близокъ часъ
Вступить въ законный бракъ.

Хоть предавалъ проклятью онъ
Пустой, бездушный свѣтъ;
Но былъ въ губерніи плѣнень
Дѣвицей въ тридцать лѣтъ.

Она была иныхъ идей...
Ей не былъ Зандъ знакомъ,
Но дали триста душъ за ней —
И трехъ-этажный домъ.

Женился онъ, ему приплась
По сердцу жизнь самъ-другъ...
Жена ввела его тотчасъ
Въ губернский высшій кругъ.

И сталъ обѣды онъ давать;
И почиталъ за честь,
Когда къ нему съѣзжалась знать
Чтобъ хорошо поѣсть.

И если въ домъ къ нему порой
Являлся генералъ,
Его, отъ счастья самъ не свой,
Онъ на крыльцѣ встрѣчалъ.

Жена крутой имѣла нравъ;
А домъ и 300 душъ
Давали ей такъ много правъ..
И покорился мужъ.

Хоть иногда еще каралъ
Онъ зло въ кругу друзей.
Но снисходительнѣй взиралъ
На слабости людей.

Хоть не утратилъ онъ вполне
Могучій слова даръ,
Но какъ-то стынулъ при женѣ
Его душевный жаръ.

Бывало, только заведетъ
О крѣпостныхъ онъ споръ,
Глядишь, и зажимаетъ ротъ
Ему супруги взоръ.

И встрѣтилъ я его потомъ
Въ губерніи другой;
Онъ былъ съ порядочнымъ брюшкомъ
И чинъ имѣлъ большой.

Предъ нимъ чиновный весь народъ
И трепеталъ и млѣлъ;
И ужъ не 300 душъ, — пятьсотъ
Онъ собственныхъ имѣлъ.

О обродѣтели судилъ
Онъ за колодой картъ...
Когда же юноша входилъ
Порой предъ нимъ въ азартъ,

Онъ непокорность порицалъ
Какъ истый бюрократъ...
И на виновнаго бросалъ
Молниеносный взглядъ...

21.

Послѣ грома, послѣ бури,
Послѣ тяжкихъ, мрачныхъ дней,
Прояснился сводъ лазури,
Стало сердцу веселѣй.

Но надолго-ль... вотъ надъ моремъ,
Тучи новыя бѣгутъ —
Солнце съ тучей, радость съ горемъ
Неразлучно, знать, живутъ?

22.

Ты мнѣ мила, пора заката!
Какой-то кроткой тишиной
Въ тотъ мигъ душа моя объята.
Какъ изцѣлившійся больнои,
Что къ жизни ждать не могъ возврата,
Любви, спокойнѣ и счастливѣ,
Я къ сердцу чувствую приливѣ.

Земныя битвы, скорбь земную
Все время будничныхъ заботъ
Я забываю, въ грудь больную
Отраду вечеръ ясный льетъ;
И я молю, чтобъ жизнь такую,
Какъ этотъ часъ — Господь послалъ
Тому, кто въ битвѣ духомъ палъ.

23.

О если бъ знали вы, друзья моей весны,
Прекрасныхъ грёзъ моихъ, порывовъ благородныхъ,
Какой мучительной тоской отравлены
Проходятъ дни мои въ волненіяхъ бесплодныхъ!

Былое предо мной какъ призракъ возстаетъ,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ укоръ правдивый,
Чего убить не могъ суровый жизни гнѣтъ,
Зарылъ я въ землю самъ! зарылъ какъ рабъ лѣнивый.

Душѣ была дана любовь отъ Бога въ даръ,
И отличать дано добро отъ зла умѣнье,
На что же тратилъ я священный сердца жаръ,
Упорно-ль къ цѣли шелъ во имя убѣжденья,

Я заключалъ не разъ со зломъ постыдный миръ
И пренебрегъ труда спасительной дорогой,
Не простиралъ руки тому, кто нагъ и сиръ,
И оставался глухъ къ призывамъ правды строгой.

О больно, больно мнѣ!... Скорбитъ душа моя.
Казнить меня палачъ неумолимый — совѣсть
И въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаю я,
Погибшей безъ слѣда, бесплодной жизни повѣсть.

24.

Что за дѣтская головка,
Что за тонкія черты!
И въ улыбкѣ, и въ движеньяхъ
Сколько дѣтской простоты.

Лишь во взглядѣ полномъ думы,
Я читаю иногда.
Что исчезли безвозвратно
Дѣтской рѣзвости года.

То огнемъ, то нѣгой дышать
Эти каріе глаза;
Знать, для сердца наступаетъ
Страсти первая гроза....

И боюсь я, и невольно
Грудь сжимается тоской,
Не степной былинкѣ слабой,
Съ ураганомъ вынести бой!

25. СТРАННИКЪ.

Томить меня мой страннический путь,
Хотѣлось бы подѣ вечеръ на покой,
Хотѣлось бы на дружескую грудь
Усталую прикинуть головой.

Была пора, и въ сердцѣ молодомъ
Кипѣла страсть, незнавшая преградъ;
На каждый бой съ безтрепетнымъ челомъ
Я гордо шель, весеннимъ грозамъ радъ.

Была пора, огонь горѣлъ въ крови;
И думалъ я, что пѣснь моя сильна,
Что правды лучъ, что лучъ святой любви
Зажжетъ въ сердцахъ озлобленныхъ она.

Гдѣ-жь силы тѣ, отвага прежнихъ лѣтъ,
Сгубило все неравная борьба;
И пустота — безплодной жизни слѣдъ —
Ждетъ неизбежная, какъ древняя судьба.

Пора домой! Не опоздать бы мнѣ;
Не заперты-ль ворота на запоръ!
И огонекъ мерцаетъ ли въ окнѣ,
Маня къ себѣ усталый, грустный взоръ?

Отворять-ли съ улыбкою мнѣ дверь?
Услышу-ли я ласковый привѣтъ?
Не одинокъ, не странникъ ты теперь—
Ты отдохнешь любовію согрѣтъ...

26. ИЗЪ РЮКЕРТА.

Тѣни горъ высокихъ
На воду легли:
Потянулись чайки
Бѣлыя вдали.

Тихо все... томленьемъ
Дышитъ грудь моя...
Какъ теперь бы вѣрно
Обнялъ друга я!

Весело выходить
Странникъ утромъ въ путь;
Но подъ вечеръ дома
Радъ бы отдохнуть.

27. ЛИСТОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Elle était de ce monde où les
plus belles choses
Ont le pire destin,
Et rose, elle vécut ce que vivent
les roses:
L'espace d'un matin.

Средь жизни будничной, ея тревогъ докучныхъ,
Незримыхъ, тайныхъ битвъ, съ той жизнью неразлуч-
ныхъ,

Воспоминаніе лелѣю я одно,
И сладко-такъ душѣ и горестно оно.

* * *

Я помню, въ дальній край гнала меня неволя,
Судьбы игрушкой быть куда плохая доля!
Такъ мудрено-ль, что злость мнѣ волновала грудь
И что казался мнѣ невыносимъ мой путь?
Хоть городъ тотъ, что мнѣ покинуть предстояло,
Для сердца моего и не былъ милъ ни мало,
Но привыкаетъ скоро русскій человѣкъ,
Гдѣ мѣсяць прожить, какъ будто прожилъ вѣкъ.
Притомъ-же иногда межъ чопорныхъ педантовъ,
Межъ сплетницъ набожныхъ, самодовольныхъ франтовъ,
Заброшено судьбой, какъ перлъ въ песокъ морскомъ,
Найдется существо и съ чувствомъ и съ умомъ;
Согрѣетъ васъ его привѣтливое слово,
И вы на остальныхъ махнуть рукой готовы.

Такъ было и со мной: я помню ясный взоръ,
Улыбку добрую, веселый разговоръ,
Что отъ меня вражду, сомнѣнье и печали
Какъ духовъ, утра свѣтъ, внезапно отгоняли.
Съ *кудрявымъ мальчикомъ*, съ *наряднымъ мотылькомъ*
Я не сравню её плохимъ своимъ стихомъ;
Но жаль мнѣ, что она не встрѣтила поэта,
Не подарилъ бы онъ другой сравненье это.
Красавицей она назваться не могла, —
Но дѣтской рѣзвостью, но ясностью чела
Она влекла къ себѣ съ неодолимой силой,
И тотъ, кого она привѣтомъ вскользь дарила,
Хотя бъ подъ бурями житейскими поникъ,
Душою воскресалъ и веселъ былъ на мигъ.
Любуясь милою головкою бывало,
Я радъ былъ, что судьба ее такъ баловала,
Что жаль её судьбѣ; что отъ тревогъ и зла
Она щадить её; печаль бы къ ней не шла....

Итакъ, я уѣзжалъ. На долгую разлуку,
Еще пришолъ я разъ пожать ей братски руку,
Хотѣлъ ей высказать, что тамъ, въ глуши степей,
Съ любовью буду я вспоминать о ней;
Что днями свѣтлыми я ей одной обязанъ,
Что къ ней останусь я душой на вѣкъ привязанъ,
И много кой-чего сказать еще хотѣлъ;
Но словъ не находилъ и какъ нѣмой сидѣлъ.
И лучше, можетъ быть! мой вздоръ сантиментальный
Могъ размѣшить её пожалуй въ часъ прощальный!
— Мы съ вами свидимся, я знаю, черезъ годъ —
Вась участь лучшая въ краю далекомъ ждетъ,
Она сказала мнѣ съ своей улыбкой ясной.

Какъ солнечнымъ лучемъ въ осенній день ненастный
Я радъ улыбкѣ былъ; словамъ повѣрилъ я;
И дальный путь ужъ былъ не страшенъ для меня.
Прощаясь я просилъ ее, чтобъ серенаду
Она сыграла мнѣ, — я въ Шубертъ отраду
Неизъяснимую для сердца нахожу....
Вотъ къ клавишамъ она подходитъ; я гляжу
На свѣтлое чело — на маленькія руки....
И въ душу полились мечтательные звуки....

Два года протекло, какъ прежде много лѣтъ,
Еще въ душѣ моей оставивъ горькій слѣдъ.
Все также ратовалъ я съ донъ-кихотскимъ жаромъ
За призраки свои и чувства тратилъ даромъ.
И возвратился вновь я въ скучный городъ свой,
И встрѣтился съ давно знакомою толпой.
Все тѣхъ же увидалъ я чопорныхъ педантовъ,
Нелѣпныхъ остряковъ, честолюбивыхъ франтовъ,
Прибавилось еще немного новыхъ лицъ;
Предъ золотымъ тельцомъ лежатъ какъ прежде ницъ,
Все тѣ же ссоры, сплетни и интриги;
Въ почетъ карты все, и все въ опалѣ книги!
Но не нашелъ я той, къ кому въ былые дни
Я смѣло несъ и грусть и радости свои....
И часто такъ, къ кому душа моя больная
Рвалась, подъ жизненнымъ ярмомъ изнемогая!...
И вѣсть услышалъ я: еѣ ужъ больше нѣтъ!
Суровымъ косаремъ сраженъ прекрасный цвѣтъ,
Суровымъ косаремъ, что безъ разбору косить,
И тѣхъ кто жизнь кланетъ, и тѣхъ кто жизни просить.
Какъ больно было мнѣ... Но если свѣтъ о ней
При мнѣ судить, — еще мнѣ дѣлалось больнѣй!

Ему не жаль казалось вовсе, что могила
И юность и красу навѣки поглотила...
Клеветниковъ, завистниковъ бездушныхъ толкъ
И у дверей могилы даже не замолкъ.

Я снова посѣтилъ давно знакомый домъ;
Теперь семья другая поселилась въ немъ.
Вотъ уголокъ уютный, гдѣ она бывало
Вокругъ себя друзей немногихъ собирала.
Отрадныхъ много я припомнилъ вечеровъ;
Войдя въ ту комнату, я плакать былъ готовъ!
Какъ оживить она домашній кругъ умѣла...
Какъ быстро время съ ней, какъ весело летѣло:
Невольно лица прояснялися у всѣхъ,
Когда звучалъ ея безпечный, дѣтскій смѣхъ.
Теперь не то я встрѣтилъ; чопорно и чинно
Здѣсь разговоръ вели, и въ ералашъ въ гостиной
Съ тремя почтенными старушками игралъ
Отъ старости едва ходившій генералъ.
Изячно въ комнатахъ — роскошно даже было...
Но все тоску и грусть на сердце наводило...
Но вотъ хозяйка сѣла за рояль... Она,
Всѣ говорятъ, артисткой быть великой рождена.
Вотъ Шуберта опять я слышу серенаду...
И точно... болѣе казалось бы не надо
Искусства и желать. Но отчего-же мнѣ
Досадно стало такъ? Въ душевной глубинѣ,
Какъ будто злоба вдругъ къ игравшей шевельнулась
За то, что струнъ души больныхъ она коснулась!
Казалось мнѣ, звучить въ игрѣ той мастерской
Насмѣшка надъ моею завѣтною мечтой!

Оставилъ вечеръ я... Но все мотивъ знакомый
Преслѣдовалъ меня на улицѣ и дома...
Все образъ предо мной любимый возникалъ
И до разсвѣта — глазъ въ ту ночь я не смыкалъ.

1856.

28.

Есть дни, ни злоба ни любовь,
Ни жажда дѣлъ, ни къ истинѣ стремленье,
Ничто мнѣ не волнуетъ кровь,
И сердце спитъ, и умъ въ оцѣпенѣньи.

Я остаюсь къ призывамъ жизни глухъ.
Такъ холодно взираю, такъ безстрастно,
На все, что нѣкогда мой духъ
Тревожило и мучило всечасно.

И ласка женская во мнѣ
Въ тѣ дни отвѣта даже не находитъ,
Въ бездѣйствіи, въ позорномъ снѣ
Душевныхъ силъ, за часомъ часъ проходитъ.

Мнѣ страшно, страшно за себя,
Боюсь, чтобъ вовсе сердце не остыло,
Чтобъ не утратилъ чувства я,
Пока въ крови огонь и въ тѣлѣ сила.

Годами я еще не старъ...
О Боже всѣхъ, кто жаждетъ искупленья,
Не дай, чтобъ пепломъ сердца жаръ
Засыпало мертвящее сомнѣнье.

29.

Не говорите, что напрасно,
Что для бесплодной лишь борьбы,
Стремлений чистыхъ и прекрасныхъ
Дано вамъ столько отъ судьбы.

Что все, чѣмъ полно сердце нынѣ
Подавить жизни тяжкій гнетъ,
Что все растратится въ пустынь,
Что дать могло бы цвѣтъ и плодъ.

Къ чему напрасны сомнѣнья!
Идите смѣлою стопой;
Вы не изъ тѣхъ, въ комъ увлеченья
Съ лѣтами гаснетъ жаръ святой.

Пусть духъ извѣдаетъ страданье,
Въ борьбѣ пусть будетъ закаленъ;
И изъ горнила испытанья
И чистъ и крѣпокъ выйдетъ онъ.

Храните-жь чистыя химеры
Души возвышенной своей,
И животворный пламень вѣры
Пусть до конца не гаснетъ въ ней!

30. ПѢВНИЦА.

Нѣтъ, не забыть мнѣ васъ, плѣнительные звуки,
Какъ первыхъ, сладкихъ слезъ любви мнѣ не забыть,
Когда внималъ я вамъ, въ груди смирились муки
И снова былъ готовъ я вѣрить и любить.
Мнѣ не забыть её... То жрицей вдохновенной,
Широколиственнымъ покрытая вѣнкомъ,
Она являлась намъ и пѣла гимнъ священный,
А взоръ ея горѣлъ божественнымъ огнемъ!
То блѣдный образъ въ ней я видѣлъ Дездемоны,
Когда она, склонясь надъ арфой золотой,
Объ ивѣ пѣла пѣснь, и прерывали стоны
Унылый переливъ старинной пѣсни той.
Какъ глубоко она постигла, изучила
Того, кто зналъ людей и тайны ихъ сердець...
И еслибъ могъ возстать великій изъ могилы,
Онъ на чело ея надѣлъ бы свой вѣнецъ!
То вдругъ являлась въ ней Розина молодая
И страстная, какъ ночь страны ея родной;
И звукамъ голоса волшебнаго внимая, —
Въ тотъ благодатный край стремился я мечтой,
Гдѣ все чаруетъ слухъ, все восхищаетъ взоры, —
Гдѣ вѣчной синевою блистаетъ неба сводъ,
Гдѣ свищутъ соловьи на вѣтвяхъ сикоморы,
И кипариса тѣнь дрожить на глади водъ...

И грудь моя, полна святаго наслажденья,
Восторга чистаго, — дышала высоко...
И отлетали прочь заботы и сомнѣнья,
И было на душѣ спокойно и легко...
Какъ друга послѣ дней томительныхъ разлуки,
Готовъ я былъ весь міръ въ объятія заключить...
Нѣтъ! не забыть мнѣ васъ, плѣнительные звуки,
Какъ первыхъ сладкихъ слезъ любви мнѣ не забыть!

31. ЗВУКИ.

Знакомые звуки, чудесные звуки!
О, сколько вамъ силы дано!
Прошедшее счастье, прошедшія муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки...
Вамъ все воскресить суждено.

Знакомыя тѣни являются снова,
Проходятъ одна за другой...
И сердце повѣрить обману готово,
И жаждетъ и молить всей жизни былого,
Согрѣтое страстью былой.

И все, что убито бесплодной борьбою,
Опять шевельнулось въ груди...
На доблестный подвигъ, на битву съ судьбою
Иду я отважно, и яркой звѣздой
Надежда горить впереди.

Въ возлюбленномъ взорѣ, въ улыбкѣ участья,
Прочелъ я давно, что любимъ;
Не страшны мнѣ грозы, не страшно ненастье;
Я знаю, — любви безконечное счастье
Меня ожидаетъ за нимъ!

Довольно, довольно!... замолните, звуки!
Мою вы терзаете грудь...
Прошедшее счастье, прошедшія муки,
И радость свиданья, и слезы разлуки,
О, сердце! навѣки забудь!...

32. МОЙ САДИКЪ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень;
Отъ черемухи душистой,
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь...

Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ;
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ.

Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожить себѣ дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садикъ скромный:
Онъ душѣ моей милѣй
Городскихъ садовъ унылыхъ,
Съ сѣтью правильныхъ алей.

И весь день въ травѣ высокой,
Лежа, слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжать,

А когда на садикъ сыплеть
Блескъ лучей своихъ луна,
Я сажусь въ раздумьи тихомъ
У открытаго окна.

Посребренныхъ и дрожащихъ
Листьевъ я внимаю шумъ,
И одна другой смѣняясъ
Грезы мнѣ волнуютъ умъ.

И несутъ на крыльяхъ легкихъ
Въ мѣръ иной меня онѣ...
Какъ сіяетъ ярко солнце
Въ той невѣдомой странѣ.

Нѣтъ вражды подъ этимъ солнцемъ,
Нашей жи вседневной нѣтъ;
Человѣка озаряетъ
Тамъ любви и правды свѣтъ!

Все, что истины пророки
Объящаютъ намъ вдали,
Люди въ братствѣ неразрывномъ
Навсегда тамъ обрѣли... ✓

О, какъ сладки эти грезы!
Разростайся-жь, разцвѣтай,
Ты, мой садикъ! и почаще
На меня ихъ навѣвай.

33. С. О. ДУРОВУ.

Увдешь ты на теплый югъ!
И гдѣ лазурью блещетъ море —
Покинетъ тѣло злой недугъ,
Покинетъ сердце злое горе.

Тамъ отдохнетъ въ семьѣ друзей
Душа извѣдавшая муки,
И пѣсень выстраданныхъ ей
Къ намъ долетятъ святыя звуки...

И все, что рокъ во дни невзгодъ
Давилъ желѣзною рукою,
Вдругъ встрепенется, оживетъ,
Какъ цвѣтъ подъ влагой дождевою.

Господь тебя благослови
За годы долгіе несчастья,
И тихой радостью любви
И дружбы ласковымъ участиемъ.

И если радостные дни
Придутъ, послушные желанью,
Меня, собрата по изгнанью,
Ты добрымъ словомъ помани!

18 іюля 1857.

34.

Ты помнишь: поникшія ивы
Качались надъ спящимъ прудомъ;
Томимы тоской, молчаливы,
Съ тобой мы сидѣли вдвоемъ.

Въ открытыя окна глядѣли
Къ намъ звѣзды съ высокихъ небесъ,
Вдали соловьиныя трели
Поля оглашали и лѣсъ.

Ты помнишь — тебѣ я сказала:
Мы много любили съ тобой;
Но свѣтлыхъ часовъ было мало
Дано намъ суровой судьбой.

Узнали мы иго неволи,
Всю тяжесть житейскихъ цѣпей,
Изныло въ насъ сердце отъ боли;
Но скрыли мы боль отъ людей.

Въ святилище нашихъ страданій
Не дали вломиться толпѣ, —
И молча, безъ слезъ и рыданій,
Мы шли по тернистой тропѣ.

Ты помнишь минуту разлуки?
О, кто изъ насъ думалъ тогда,
Что сердца забудутся муки,
Что рану излечать года,

Что страсти былия тревоги,
Всѣ бури поры прожитой,
Мы, встрѣтясь на новой дорогѣ,
Помянемъ насмѣшкою злой!

36. ПТИЧКА.

Для чего пѣвунья птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края?

Заслонили солнце тучи,
Небо все заволокли;
И тростникъ сухой и желтый
Клонить вѣтеръ до земли.

Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ словно изъ ведра,
Скучно, холодно, какъ будто
Не весенняя пора!

— Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда;
Въ камышахъ сухихъ и желтыхъ
Не совью себѣ гнѣзда.

Я совью его подъ кровлей
Горемыки-бѣдняка,
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

Въ часъ, какъ онъ, вернувшись съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спою.

Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей,
Никогда её не пѣла
Для счастливыхъ я людей.

Въ ней повѣдаю я много,
Про иной, чудесный свѣтъ,
Гдѣ ни бѣдныхъ ни богатыхъ,
Ни нужды ни горя нѣтъ.

Эта пѣсня — примиренье
Въ грудь усталую пролетъ;
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ.

37.

Еще одинъ великій голосъ смолкъ,
Правдивый голосъ обличенья!
Но гдѣ-же слезы сожалѣнья?
Лишь дѣти лжи, поднявши буйный толкъ,
Глумятся надъ великой тѣнью.

Давно-ль онъ словомъ пламеннымъ караль
Тебя, изнѣженное племя?
Давно-ль любви и правды сѣмя
Въ сердца людей такъ щедро онъ бросаль?
Иль позабыто это время?

Не долго волновала васъ
Тѣхъ словъ пророческая сила;
Дымятся снова злу кадила,
И все, о чемъ вѣщаль пророка гласъ
Борьсть и пошлость поглотила!

Но день придетъ и стихнетъ клевета —
И вмѣсто криковъ озлобленья,
Въ тотъ день великій возрожденья,
Услышитъ духъ поборника Христа
Толпы людской благословенья!

185..

38. с.....у.

Передъ тобой лежитъ широкій, новый путь.
Прими-же мой привѣтъ, не громкій, но сердечный;
Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь
Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ вѣчной.

Да не утратишь ты въ борьбѣ со зломъ упорной,
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,
И вѣры и любви свѣтильникъ животворный
Да не зальетъ въ тебѣ житейская волна.

Подъявъ чело, иди безтрепетной стопою;
Иди, храня въ душѣ свой чистый идеаль,
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою,
И ободряя тѣхъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ.

И если въ старости, въ раздумья часъ печальный,
Ты скажешь: въ мѣрѣ я оставилъ добрый слѣдъ,
И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощальный...
Ты будешь счастливъ, другъ: инаго счастья нѣтъ!

39. СЪ НѢМЕЦКАГО.

У ногъ твоихъ пѣть мнѣ такъ любо,
Завѣтныя пѣсни свои,
Въ тотъ часъ, какъ въ готическихъ окнахъ,
Пылають заката лучи.

Ты тактъ мнѣ головкой киваешь,
Ты слушаешь сердцемъ меня;
Я-жь руки скрестивъ и люблюсь —
Пою: ты прекрасна дитя!

Смотрѣть мнѣ у ногъ твоихъ любо
Въ твои голубые глаза,
И кажется мнѣ, состраданья
Порой въ нихъ сверкаетъ слеза.

Но я не хочу состраданья!
Я знаю, ты любишь шутя,
И всё-таки я предъ тобою
Пою: ты прекрасна дитя!

40.

Когда возвратился я въ городъ родной,
И тамъ надъ отцовской могилой, —
Колѣна склонилъ и поникъ головой:
О! какъ мое сердце заныло,

Мнѣ все прожитое припомнилось вдругъ,
Припомнились долгіе годы,
Что шли средь волненій бесплодныхъ и мукъ —
Безъ счастья, любви и свободы.

И мнилось мнѣ, будто отецъ мой глядитъ
На сына, съ тоской и любовью,
Скорбя, что суровымъ онъ горемъ убитъ,
Что сердце исходитъ въ немъ кровью.

Мнѣ слышался говоръ зеленыхъ вѣтвей:
„Усталъ ты и ищешь покою!
„Усни здѣсь! и мы надъ могилой твоей
„Раскинемся тѣнью густою...“

41.

Трудились бѣдные, вы, отдыху не зная,
Судьбѣ покорные, трудились день и ночь;
И думали: звать доля ужъ такая
Намъ Богомъ суждена — и горю не помочь!

Смочивъ поля кровавымъ скорбнымъ потомъ,
Вы знали, что не вамъ они готовятъ плодъ;
Но не роптали вы, согбенные подъ гнетомъ,
Нѣтъ! вы несли свой крестъ—какъ праведникъ несутъ.

И тотъ, Кто мѣръ своею чистой кровью
Отъ рабства искупилъ, Кто какъ и вы страдалъ,—
Кому молились вы смиренно и съ любовью,
Вамъ избавителя вѣчнаго послалъ.

И настаетъ пора святая возрожденья!
Да будетъ ясенъ дня грядущаго разсвѣтъ,
Да принесетъ онъ вамъ съ прошедшимъ примиренье,
И раны вѣковой да врачуетъ слѣдъ!

42.

Въ надеждѣ славы и добра,
Глажу впередъ и безъ боязни..

Пушкинъ.

Была пора, своихъ сыновъ
Отчизна къ битвѣ призывала,
Съ толпой несмѣтною враговъ;
И рать за ратью возставала,
И бодро шла за ратью рать
Геройской смертью умирать.

Но смолкъ орудій страшный гулъ;
И отстоявъ свой край родимый,
Народъ великій отдохнулъ.
Отчизна вышла невредима
Изъ той борьбы.... какъ встарину—
Въ иную славную войну.

И вотъ опять она зоветъ
Своихъ сыновъ на бой упорный;
Но этотъ бой уже не тотъ....
Со зломъ и тьмой, съ неправдой черной
Она зоветъ теперь на бой,
Во имя истины святой!

Не страшень намъ и новый врагъ—
И съ нимъ отчизна совладеетъ....
Смотрите! ужь рѣдѣетъ мракъ,
Ужь свѣтъ повсюду проникаетъ,
И содрогаясь, чуетъ зло,
Что торжество его прошло.

43.

Тобой лишь ясны дни мом,
Ты их любовью озарила,
И духа дремлющая сила
На зовъ откликнулась любви!

О, еслибъ я отъ дней тревогъ,
Переходя къ надеждъ новой,
Страницу мрачную былого
Изъ книги жизни вырвать могъ.

О, еслибъ могъ я заглушить
Укорь, что часто шепчетъ совѣсть.
Но нѣтъ! бесплодной жизни повѣсть.
Слезами горькими не смыть.

Молю Того, Кто весь любовь
Онъ приметъ скорбное моленье,
И ниспославъ мнѣ искупленье,
Къ добру меня направитъ вновь!

Молю, чтобъ въ сердцѣ не погасъ
Огонь вражды къ неправдѣ черной,
Чтобы къ борьбѣ со зломъ упорной
Готовъ былъ другъ твой каждый часъ.

Чтобы душа моя была
Твоей души достойна ясной,
Чтобъ сердца преданности страстной
Ты постыдиться не могла!

Октябрь 1857.

III.

НѢСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНІЙ

ПРЕЖНЯГО ПЕРІОДА.

(1846).

**Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія...**

Пушкинъ.

1. СОНЪ.

(Отрывокъ).

La terre est triste et desséchée; mais
elle reverdira. L'haleine du méchant
ne passera pas éternellement sur elle,
comme un souffle qui brûle.

PAROLES D'UN CROYANT.

.
Истерзанный тоской, усталостью томимъ,
Я отдохнуть прилѣгъ подъ яворомъ густымъ.

Двурогая луна, какъ серпъ жнеца кривой,
Въ лазурной вышинѣ сіяла надо мной.

Молчало все кругомъ . . . прозрачна и ясна
Лишь о скалу порой дробилася волна.

Въ раздумьи слушалъ я унылый моря гулъ,
Но скоро сонъ глаза усталые сомкнулъ.

И вдругъ явилась мнѣ; прекрасна и свѣтла
Богиня, что меня пророкомъ избрала.

Чело зеленый миртъ, вѣнчалъ листьями ей
И падалъ по плечамъ златистый шелкъ кудрей.

Огнѣмъ любви святой былъ взоръ ея согрѣтъ
И разливалъ на всё онъ теплоту и свѣтъ.

Благоговѣнья полною лежалъ недвижимъ я
И ждалъ священныхъ словъ, дыханье притая.

Но вотъ она ко мнѣ склонилась и рукой
Коснулась груди впалой и больной.

И наконецъ уста разверзались ея —
И вотъ что услыхалъ тогда я отъ нея:

„Страданьемъ и тоской твоя томится грудь,
„А предъ тобой лежитъ еще далекий путь.

„Скажу-ль я, что тебя въ твоей отчизнѣ ждётъ?
„Подыметъ на тебя камня твой народъ.

„За то что обвинишь могучимъ словомъ ты
„Рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты!

„За то что возвѣстишь ты мщенья грозный часъ
„Тому, кто въ тинѣ зла и праздности погрязъ!

„Чье сердце не смущалъ гонимыхъ братьевъ стонъ,
„Кому закономъ былъ — отцовъ его законъ!

„Но не страшися ихъ! и знай что я съ тобой,
„И камни пролетятъ надъ гордой головой.

„Въ цѣпяхъ ли будешь ты, не унывай, и вѣрнъ
„Я отопру сама темницы сирадной дверь.

„И снова ты пойдешь избранный мной Левитъ
„И въ мирѣ голосъ твой не даромъ прозвучитъ.

„Зерно любви въ сердца глубоко западётъ;
„Придетъ пора и дастъ оно роскошный плодъ.

„И чело́вѣку той поры не долго ждать
„Не долго будетъ онъ томиться и страдать.

„Воскреснетъ къ жизни міръ... Смотри, ужь правды
лучь

„Прозрѣвшимъ племенамъ сверкаетъ изъ за тучь!

„Иди же вѣры полнь... И на груди моей,
„Ты скоро отдохнёшь отъ муки и скорбей.“

Сказала... и потомъ сокрылася она;
И пробудился я, взволнованный, отъ сна,

И истинѣ святой, исполненъ новыхъ силъ,
Я далъ обѣтъ служить, какъ прежде ей служилъ.

Мой падшій духъ возсталъ... и утѣшеннымъ вновь
Я возвѣщать пошелъ свободу и любовь...

2. НА ЗОВЪ ДРУЗЕЙ.

(Съ французскаго).

К чему вашъ зовъ, друзья, тревожною тоскою,
Веселый, шумный пиръ къ чему мнѣ отравлять?
Въ восторженныхъ стихахъ, за влагой золотою
Давно ужъ Вакха я не въ силахъ прославлять!

Не веселить меня разгульное похмѣлье,
И не кипитъ во мнѣ отвагой прежней кровь;
Исчезло дней былыхъ безумное веселье,
Исчезла дней былыхъ безумная любовь!

А кажется давно-ль, исполненъ упованья
Въ грядущее я взоръ доврчиво вперялъ,
И чужды были мнѣ сомнѣнья и страданья,
И простодушный я — о счастья помышлялъ.

Въ ужасной наготѣ еще не представляли
Мнѣ бѣдствія тогда страны моей родной,
И муки братьевъ духъ еще не волновали;
Но нынѣ онъ прозрѣлъ и чуждъ ему покой!

Вхожу ли я порой въ палаты золоты,
Гдѣ въ наслажденьяхъ жизнь проводить Сибаритъ;
Гляжу-ль я на дворцы, на храмы вѣковые
Всѣ мнѣ о вѣковыхъ страданьяхъ говорить.

На пиршествѣ-ль сажу я, окружень толпою...

.
.
.

И стыдно, стыдно мнѣ... отъ мѣста ликованья
Взволнованъ я бѣгу подъ мой смиренный кровъ;
Но тамъ гнетётъ меня ничтожества сознанье
И душу всю тогда я выплакать готовъ!

Блаженъ кто прожилъ вѣкъ безъ горя и сомнѣнья
Кто взоры устремлялъ съ надеждой къ небесамъ;
Но я о счастья томъ не знаю сожалѣнья, —
И за него моихъ страданій не отдамъ!

О не зовите жъ вы — меня, — я умоляю,
Веселые друзья на шумный праздникъ вашъ, —
Ужъ бога гроздй я давно не прославляю
И не забытья мнѣ подъ говоръ звонкихъ чашъ.

3. МОЛИТВА.

(Изъ Гёте).

О мой Творецъ! о Боже мой
Взгляни на грѣшную меня;
Я мучусь, я больна душой
Изрыта скорбью грудь моя.
О мой Творецъ, великъ мой грѣхъ
Я на землѣ преступный всѣхъ.

Билъ въ нѣмъ младая кровь;
Была чиста его любовь,
Но онъ её въ груди своей
Таилъ такъ свято отъ людей.
Я знала всё... О Боже мой
Прости мнѣ грѣшной и больной.

Его я муки поняла;
Улыбкой, взоромъ лишь однимъ,
Я бѣ исцѣлить его могла,
Но я не сжалилась надъ нимъ.
О мой Творецъ, великъ мой грѣхъ
Я на землѣ преступный всѣхъ!

Томился долго, долго онъ,
Печалью тяжкой удручѣнъ;
И умеръ, бѣдный, наконецъ,
О Боже мой, о мой Творецъ —
Тронися грѣшною мольбой...
Взгляни, какъ я больна душой!

.....

4. ПОЭТУ.

Le poète doit être un protestant sublime
Du droit et de l'humanité.

A. Barbier.

Кто не страдалъ свѣтымъ страданьемъ
Кто горькихъ слезъ не проливалъ,
Томимый тщетнымъ ожиданьемъ
Увидѣть вѣчный идеалъ;
Кто на покой и наслажденья
Души тревоги промѣнялъ;
Въ пророковъ истины каменя,
Въ удобность черни кто бросалъ.
Кто равнодушно видѣлъ муки,
Стонъ слышалъ брата своего

.....
.....
Кто самъ преданій рабъ послушный
Готовъ оковы былъ всегда носить,
И вопли сердца малодушно,
Въ забавахъ свѣта заглушить,
Тотъ не пойметъ твоихъ созданій,
Любовью дышущихъ святой,
И въ жизнь иную упованій,
Не раздѣлить ему съ тобой!

И много ихъ въ толпѣ найдется,
Злыхъ, Фарисеевъ и глупцовъ
Живущихъ мыслями отцовъ,
Въ комъ рѣчь твоя не отзовется;
Но ты иди прямой дорогой
Привычной, ~~англом~~ стопой,
Когда въ душѣ сокровищъ много
Не разсыпай ихъ предъ толпой;
Но будь гонимыхъ утѣшитель,
Врагамъ озлобленнымъ прости,

Но будетъ время... пронесутся
Дни бѣдствій, горя и тревогъ;
Жрецы Ваала ужаснутся
Когда возстанетъ правды Богъ!
Навѣки всюду водворится
Священной истины законъ;
И гордыхъ власть предъ нимъ смиритсѣ
И смолкнетъ ненависть племёнъ.

Да, вѣрь любви и примиренья
Пора желанная придетъ.
И миръ, прозрѣвъ, твое ученье
Тогда великимъ назовётъ.

5. ЭЛЕГИЯ.

(Изъ Полотиса).

Да, я люблю тебя прелестное создание,
Какъ блѣдную звѣзду въ вечернихъ облакахъ,
Какъ розы ароматъ, какъ вѣтерка дыханье,
Какъ грустной пѣсни звукъ на дремлющихъ водахъ.

Какъ грѣзы я люблю, какъ сладкое забвенье,
Подъ шопоть тростника на берегѣ морскомъ.
Безъ ревности, безъ слѣзъ, безъ жажды упоенья,
Любовь моя къ тебѣ — мечтанье о быломъ. . . .

Гляжу-ль я на тебя, прошедшя волненья,
Приходятъ мнѣ на умъ; забытая любовь.
И всё что такъ давно осмѣяно сомнѣнемъ —
Что имъ замѣнено, что не вернется вновь.

Мнѣ не дано въ удѣлъ — безопасно наслаждаться;
Передо мной лежитъ тернистый, долгій путь;
И я спѣшу, дитя, тобой налюбоваться
Хотя на мигъ душой отъ скорби отдохнуть!

6. ***

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святаго искупленья
Ужь въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки,
И вмѣстѣ двинемся впередъ.
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и ростѣтъ

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать;
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать!

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падѣмъ предъ нимъ во прахъ!...

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье —
Простивъ озлобленнымъ врагамъ!

Блаженъ кто жизнь въ борьбѣ кровавой
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздой путеводной
Святая истина горитъ;
И вѣрьте, голосъ благородной
Не даромъ въ мѣръ прозвучитъ!

Внемлите-жь, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ:
Впередъ, впередъ и безъ возврата,
Что бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

7. ~~ПАВЪ~~.

О отчего полна томленья,
И странныхъ грезъ душа моя, —
Когда въ тиши уединенья,
Нагъвъ знакомый слышу я.

Не будятъ въ сердцѣ эти звуки,
Печали смолкнувшей давно;
Ни мукъ любви, ни слезъ разлуки
Имъ воскресить не суждено.

Но я люблю твой гласъ призывный
Нагъвъ далекой стороны,
Какъ ропотъ моря заунывный
Въ часы вечерней тишины.

8. СТРАШНИКЪ.

Oh quand viendra-t-il donc ce jour que
Je revais,
Tardif réparateur de tout de jours mau-
vais?
Jamais dit la raison

H. Moreau.

Всё тихо . . . тополи надъ спящими водами,
Какъ призраки стоятъ, луной озарены;
Усѣянь сводъ небесъ дрожащими звѣздами, —
Въ глубокой сонъ поля и лѣсъ погружены;

Воздушнын струи полны ночной прохладой,
Повѣяль мнѣ въ лицо душистый вѣтерокъ . . .
Ужь берегъ видѣнь сталь и дышетъ грудь отрадой —
Быстрѣй же мчи меня, о легкой мой челнокъ.

Я вижу огонёкъ, мелькнулъ между кустами,
И яркой полосой ложится на рѣкѣ;
Скитальца-ль ждешь къ себѣ съ томленьемъ и слезами
Ты добрый другъ, въ своемъ уютномъ уголкѣ.

Съ молитвой ли стоишь предъ чистою Мадонной,
И слышенъ шопотъ твой въ полночной тишинѣ;
Иль можеть рвешь листки ты розы благовонной,
Какъ Грѣтхень Фауста, — гадая обо мнѣ.

Услышавъ плескъ волны, съ улыбкой молодою,
Ты другу выйдешь ли на встрѣчу, въ темный гротъ,
Гдѣ къ моему плечу, прикинувъ головою,
Ты говорила мнѣ бывало: день придетъ, —

И близокъ онъ, когда ни горя, ни страданій
Не будетъ на землѣ. Нѣтъ онъ далекъ дитя!
И еслибъ знала ты, какъ много упованій
Прекрасныхъ и святыхъ съ тѣхъ поръ утратилъ я.

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою разставались,
Какъ былъ я духомъ бодръ, какъ полонъ юныхъ силъ!
Но вотъ разлуки дни какъ грѣзы миновались
Отчизну и тебя я снова посѣтилъ!

И что жъ? утомлена бесплодною борьбою
Уже душа моя. Потухъ огонь въ глазахъ:
И впала грудь моя истерзана тоскою
И не пылаетъ кровь румянцемъ на щекахъ.

Я слышалъ ближнихъ вопль, я видѣлъ ихъ мученья,
Я предрасудка власть повсюду находилъ;
И страшно стало мнѣ! и мрачный духъ сомнѣнья,
Ужасный духъ меня впервые посѣтилъ!

Безсиліе мое гнетѣтъ меня всечасно;
Ужъ холодъ въ сердце мнѣ, я чувствую, проникъ:
И я спѣшу къ тебѣ, спѣшу мой другъ прекрасный,
Въ объятіяхъ твоихъ забыться хоть на мигъ!

Сгустилась ночи тѣма надъ спящими водами;
Повѣялъ мнѣ въ лицо душистый вѣтерокъ,
Усыпанъ сводъ небесъ дрожащими звѣздами
Быстрѣй же къ берегамъ носи меня челнокъ!

9. ОТВѢТЪ.

Мы близки другъ другу.... Я знаю,
Но чужды по духу!.... Любви
Давно я къ тебѣ не питаю
И холодны рѣчи мои...

Не въ силахъ я лгать предъ тобою,
А правда страшна для тебя....
Къ чему же безплодной борьбою
Всечасно, терзать намъ себя?

Въ кумирахъ мнѣ Бога не видѣть
Предъ ними чела не склонить!
Мнѣ всё суждено не навидѣть
Что рабски привыкла ты чтить!

Кто Истинѣ, вѣрный призыванью
Себя безвозвратно обрѣкъ;
И домъ и семью безъ роптанья
Оставить, сказалъ намъ Пророкъ....

О вѣрь мнѣ напрасны упреки:
Разстаться намъ должно съ тобой....
Любви мы другъ къ другу далѣки,
Другъ друга мы чужды душой!...

10. ПРСТИ.

Прости, прости, настало время!
Разстаться должно намъ съ тобой,
Былъветъ парусъ мой, и звѣзды
Зажглися въ тверди голубой.

О дай, усталой головою,
Еще на грудь твою прилечь;
Въ послѣдній разъ облить слезами
И шолкъ волосъ и мраморъ плечъ,

А тамъ разстанемся на долго,
Когда же мы сойдемся вновь,
Дитя! въ сердцахъ быть можетъ холодъ
Замѣнитъ прежнюю любовь!

Быть можетъ — дерзко все бывшее
Тогда мы вмѣстѣ осмѣемъ;
Хотя украдкой другъ отъ друга
Слезу невольную прольемъ...

Прости же другъ! полна печали
Душа моя... но часъ насталъ;
И въ путь, нетерпѣливымъ плескомъ,
Зовётъ меня серебристый вальс....

14. ***

Страдалъ онъ въ жизни много, много,
Но сожалѣнья не просилъ
У ближнихъ.....
И гордо зло переносилъ.

А было время и сомнѣнья
Свои, — другимъ онъ повѣрялъ,
Но тщетно... бѣдный не слышалъ
Отъ брата слова утѣшенья!

Ему сказали, молодъ ты,
Остынетъ жаръ въ крови съ лѣтами,
Исчезнутъ пылкія мечты...
Такъ точно было прежде съ нами!

Но простодушно вѣрилъ онъ
Что не напрасны тѣ стремленья,
И прозрѣвалъ онъ въ отдаленнѣ
Священной истины законъ!

Ему твердили съ укоризной,
Что не любилъ онъ край родной;
Онъ міръ считалъ своей отчиной
И челоуѣчество семьей!

И ту семью любилъ онъ страстно,
И для ея грядущихъ благъ,
Истратить былъ готовъ всечасно,
Избытокъ юныхъ силъ въ трудахъ.

Но онъ любимымъ упованьямъ
Предѣлы всюду находилъ

И жажды дѣлъ не утолил!

И умеръ онъ въ борьбѣ безплодной.
Никто его не разгадалъ;
Никто порывовъ не узналъ
Души любящей, благородной...

Считали всѣ его пустымъ,
И только юность пожалѣли;
Когда жъ холодный трупъ отпѣли
Рыданья не было надъ нимъ!

Надъ свѣжей юноши могилой
Теперь березы лишь шумять,
Да утромъ пасмурнымъ звучать
Напѣвы иволги унылой....

IV.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

1.

Долго, въ этой жизни темной,
Образъ милый мнѣ блисталъ;
Но исчезъ онъ,—и какъ прежде,
Я бродить въ потемкахъ сталъ.

Какъ ребенокъ запѣваетъ
Пѣсню громкую въ потьмахъ,
Чтобы ею, хоть немного,
Разогнать свой дѣтскій страхъ.

Такъ ребенокъ безразсудный,
Въ темнотѣ пою и я,
Пѣсня можетъ не забавна
Да тоска прошла моя.

2.

Обо мнѣ съ тобою много,
Толковали, знаю я,
Но однако не сказали
Чѣмъ больна душа моя!

Всѣ они меня бранили,
Называли хитрымъ, злымъ;
Головой качали важно,
И повѣрила ты имъ.

Только худшаго—ты вѣрно
Не узнаешь отъ людей.
Что всего глупѣй и хуже
Я такъ въ груди своей.

3.

Скучно мнѣ! и взоръ выдаю
Я на прошлое съ тоской;
Лучше міръ былъ! и дружнѣе
Жили люди межъ собой...

А теперь... несносно... вяло...
Словно вымеръ цѣлый свѣтъ.

.
.

Все такъ мрачно... отовсюду
Вѣтъ холодомъ могиль.
И небудь любви немножко
Право жить не стало-бъ силъ!...

4.

Они меня много терзали,
И блѣдный я сталъ, и худой;
Одни своей глупой любовью,
Другіе своею враждой.

И хлѣбъ мой они отравили,
И яду смѣшали съ водой.
Одни своей глупой любовью
Другіе своею враждой.

Но та, кто всѣхъ больше терзала
И мучила сердце мое...
Меня никогда не любила;
Вражды не вселилъ я въ нее!

5.

Брожу-ль я вечеромъ осеннимъ
Въ саду заглохшемъ и пустомъ,
Мнѣ предстаетъ твой образъ нѣжный,
И рядомъ тихо мы идемъ.

Твое-ль я вижу покрывало
И твой ли блѣдный, томный ликъ,
Иль межъ вѣтвей угрюмыхъ сосенъ
Луна мнѣ свѣтитъ въ этотъ мигъ.

И не своимъ ли тяжкимъ вздохамъ
Внимаю я въ тиши ночной,
Иль точно бѣдная подруга
Рыдать приходишь ты со мной!

6.

День и ночь я все мечтаю
О тебѣ другъ милый мой;
О твоихъ прекрасныхъ глазкахъ
Объ улыбку молодой.

Какъ бы я хотѣлъ съ тобою
Вечеръ длинный раздѣлить;
Въ уголокъ твою уютномъ
Посидѣть, поговорить!

И къ губамъ прижать хотѣлъ бы
Ручку бѣлую твою;
Оросить ее слезами
Ручку бѣлую твою!...

7.

Рѣчная лилея, головку
Поднявши на небо, глядитъ;
А мѣсяць влюбленный лучами
Уныло ее серебрить....

И вотъ она снова поникла
Стыдливо, къ лазурнымъ водамъ;
Но мѣсяць все блѣдный и томный
Какъ призракъ, — сіяетъ и тамъ....

8.

Дитя! какъ цвѣтокъ ты прекрасна
Свѣтла и чиста и мила;
Смотрю на тебя... и люблюсь,—
И снова душа ожива...

Охотно-бъ тебѣ на головку
Я руки свои возложилъ;
Прося чтобы Богъ тебя вѣчно
Прекрасной и чистой хранилъ.

9.

Мнѣ снилася дочь короля молодая,
Съ унылымъ и блѣднымъ лицомъ.
Обнявшись, подъ липой густой и зеленой
Мы съ нею сидѣли вдвоемъ.

„Не надо мнѣ яркой, блестящей порфиры—
„Ни трона отца твоего.
„Къ чему они? Кромѣ тебя не желаю
„Я въ мирѣ, дитя, ничего!“

Какъ быть мнѣ твоею, она отвѣчала,
Зарыта въ землѣ я лежу. . .
И ночью, любви повинуюсь призыву—
Мой милый къ тебѣ прихожу! . . .

10.

Все тихо . . . блѣдна изъ-за тучи
Осенняя смотритъ луна . . .
Могильщика хижина грустно
Стоитъ на кладбищѣ одна.

За библіей дремлетъ старуха,
Свѣча передъ нею горитъ,
По комнатѣ сынъ ходитъ молча,
А дочь про себя говоритъ.

„Какъ тянутся дни здѣсь уныло!
„Отъ скуки легко умереть . . .
„Здѣсь только на мертвыхъ въ окошко
„Изволь безпрестанно смотрѣть . . .“

Ты врешь . . . проворчала старуха,
Троихъ схоронили всего,
Съ тѣхъ поръ какъ близъ хижины нашей
Снять кости отца твоего!

Но дочь отвѣчаетъ: „не стану
„Терпѣть у тебя я нужду.
„Въ палаты, къ красивому Графу,
„Я завтра же утромъ уйду.“

А сынъ — прерываетъ смѣясь:

„Въ лѣсу молодца видѣлъ я.

„Онъ золото дѣлать умѣетъ...

„Научить авось и меня!“

Старуха въ лицо ему книгой

Швырнула, отъ гнѣва блѣдна,

Въ лѣсу ты разбойничать хочешь, —

Проклятый! сказала она.

Но стукъ подъ окномъ... оглянулись

И кто-то грозитъ имъ рукой...

То старый отецъ изъ могилы

Встаетъ озаренный луной...

11.

Какъ дрожить ночной порою,
Отблескъ мѣсяца въ водахъ;
Самъ же онъ спокойно, гордо
Ходить въ синихъ небесахъ.

Такъ и ты, дитя, спокойно,
Гордо шла передо мной,—
И въ моемъ дрожащемъ сердцѣ
Отражался образъ твой. . .

12.

Отчего такъ блѣдны розы?
Такъ печально все вокругъ.
И молчитъ въ травѣ кузнечикъ,
Отчего мой милый другъ?

Отчего напѣвы птичекъ
Грустно въ воздухѣ звучать;
И отъ травъ могильный запахъ
А не прежній ароматъ? —

Отчего такъ солнце тускло
И не грѣетъ лучъ его.
Отчего все стало въ мирѣ
Такъ уныло такъ мертво!

Отчего я самъ такъ мраченъ?
Отчего другъ милый мой —
Отчего, мой другъ прекрасный,
Разстанешься ты со мной!

13.

Вотъ снова незваная гостья —
Слеза на ресницѣ дрожить...
Одна она только осталась
И взоръ мой порою мутить.

Подруги слезы запоздалой,
Исчезли одна за другой...
Исчезли какъ радость и горе —
Ихъ высушилъ вѣтеръ ночной.

И звѣзды, тѣ синія звѣзды
Что такъ улыбалися мнѣ...
Что радость и горе дарили
Угасли на вѣкъ и онѣ.

И даже любви въ этомъ сердцѣ,
Давно охладѣломъ ужъ нѣтъ.
Скорѣй же слеза, о скорѣе
И ты уватись имъ во слѣдъ!

14. ТАМБУРМАЖОРЪ.

Онъ низко палъ... Тамбурмажора
Не узнаю я больше въ нёмъ!
А въ дни имперіи бывало,
Какимъ глядѣлъ онъ молодцомъ!

Онъ шолъ съ улыбкой передъ войскомъ,
И палкой длинною махалъ.
Галунь серебряный мундира
При свѣтѣ солнечномъ блисталъ.

Когда при барабанномъ боѣ
Вступалъ въ нѣмецкій городъ онъ —
Въ отвѣтъ на этотъ бой стучали
Сердца у нашихъ дѣвъ и женъ.

Придетъ, увидить онъ красотку, —
И побѣдитъ ее сейчасъ.
Слезами женскими увлажень
Былъ черный усь его не разъ.

Мы все сносили—по неволѣ.
И покорялъ—являясь къ намъ,
Мушинъ, — французскій императоръ,
Тамбурмажоръ французскій—дамъ. —

Какъ наши ели, терпѣливы —
Молчали долго мы; но вотъ
Намъ наконецъ — освободиться
Приказъ начальство отдаетъ.

И вдругъ, какъ быкъ разсвирѣпѣлый,
Свой мы подняли рога.
И пѣсни Кернера запѣли —
И одолѣли мы врага!

Стихи ужасные звучали
Въ ухахъ тирана день и ночь.
Тамбурмажоръ и императоръ
Отъ нихъ бѣжать пустились прочь.

Обоимъ грѣшникамъ — правдивой
Судьбой, урокъ былъ страшный данъ:
Наполеонъ попался въ руки
Жестокосердыхъ Англичанъ.

Его, на островѣ пустынномъ
Позорно мучили они;
И наконецъ ужь ракъ въ желудкѣ
Пресѣкъ страдальческіе дни.

Тамбурмажоръ былъ точно также
Всѣхъ прежнихъ почестей лишонъ.
Чтобъ избѣжать голодной смерти —
У насъ въ отелѣ служить онъ.

Посуду моетъ, топить печи,
Таскаетъ воду и дрова.
Кряхтитъ бѣдняга, и трясется
Его сѣдая голова.

Когда пріятель Фрицъ порою —
Ко мнѣ заходитъ—вечеркомъ;
Никакъ не можетъ удержаться,
Чтобъ не съострить надъ старикомъ.

Не стыдно-ль Фрицъ? Совсѣмъ немѣсто
Здѣсь этимъ пошлымъ остромамъ.
Величье падшее позорить
Нейдетъ Германіи сынамъ.

Тебѣ бы должно съ уваженьемъ
Смотрѣть на эти сѣдины...
Старикъ быть можетъ—твой родитель,
Хотя и съ лѣвой стороны.

15. У КАМИНА (СТАРАЯ ПѢСНЯ).

На дворѣ мятель и вьюга;
Окна снѣгомъ занесло.
Здѣсь же, въ комнаткѣ уютной,
Такъ спокойно и тепло.

Я сижу въ широкомъ креслѣ;
Предо мной каминъ трещить;
Съ закипающей водою
Чайникъ, пѣсню мнѣ жужжить.

На полу лежитъ котенокъ,
Грѣетъ лапки у огня. . .
Думы странныя наводитъ
Яркій пламень на меня.

И забытыя явленья
Возникаютъ предо мной,
Съ потускнѣвшимъ ихъ сіяньемъ,
Съ маскарадной пестротой.

Вижу я, въ толпѣ киваютъ —
Мнѣ красавицы тайкомъ;
И кривляясь арлекины
Скачутъ съ хохотомъ кругомъ.

Вотъ глядятъ въ раздумьи тихомъ,
Лики мраморныхъ боговъ.
И дрожатъ при свѣтѣ лунномъ
Листья сказочныхъ цвѣтовъ.

Вотъ плыветъ волшебный замокъ,
А потомъ моимъ глазамъ —
Предстаётъ блестящій поѣздъ
Храбрыхъ рыцарей и дамъ.

Все проносится такъ быстро;
Тѣнью легкою скользить.
Ахъ! вода ужъ льется мимо —
Кошка мокрая кричитъ. . . .

16. БѢСЪ.

Я бѣса звалъ, и онъ явился предо мной.
И признаюся меня ужасно удивилъ,
Не отвратительный, и вовсе не хромой;
Мущина въ цвѣтъ лѣтъ и чрезвычайно милъ.

Какъ обязателенъ и свѣдушъ какъ притомъ.
О государствѣ и о обо всѣмъ
Толкуетъ такъ умно; искусный дипломатъ.
Мнѣ показался онъ немножко блѣдноватъ, —

Не мудрено: онъ всё надъ Гегелемъ сидитъ.
Но критику совсѣмъ ужь бросилъ, говоритъ.
И бабушкѣ своей Гекатѣ сдалъ её.
Онъ очень похвалилъ стремленіе мое —

Юристомъ сдѣлаться. И самъ когда-то онъ —
Наукой права былъ такъ сильно увлеченъ!
Потомъ раскланявшись прибавилъ, что моимъ
Знакомствомъ дорожить, что будетъ счастливъ имъ.

И наконецъ спросилъ: мнѣ кажется что васъ
Ужь видѣлъ у посла испанскаго я разъ?
Тогда въ его черты я вглядываться сталъ —
И точно—старога знакомаго призналъ.

17. СТРАНСТВУЙ.

Когда тебя женщина броситъ,
Проворный влюбляйся опять;
Но лучше—по бѣлому свѣту
Съ котомкой отправься гулять.

Ты синее озеро встрѣтишь...
Надъ озеромъ липы растутъ;
Свое небольшое страданье—
Все можешь ты выплакать тутъ.

На горы крутыя взбираясь
Заохашь ты какъ старикъ;
Но если достигнешь вершины—
Орлиный услышишь тамъ крикъ.

И самъ ты въ орла превратишься.
Почуешь, что силенъ ты сталъ...
Что сталъ ты свободенъ... И очень
Немного внизу потерялъ!

18. ПАДЕНІЕ.

Неужель природа пала?
Нашъ порокъ привился къ ней?
У животныхъ, у растеній
Вижу ложь какъ у людей.

Я невинности лилеи
Вовсе вѣрить пересталъ;
Мотылекъ непостоянный
Слишкомъ часто къ ней леталъ!

Подозрительна фіалка,
Съ скромнымъ запахомъ своимъ.
Этотъ маленькій цвѣточекъ —
Славы жаждою томимъ.

Нѣтъ ужъ искренняго чувства,
Въ громкимъ пѣсняхъ соловья.
Въ этомъ щолканьѣ и свистѣ —
Лишь рутину слышу я!

Скрылась правда. Вѣрность тоже
Исчезаетъ ей во слѣдъ...
Вотъ и пѣсь — хвостомъ виляетъ, —
А ужъ вѣрности въ немъ нѣтъ!

19. LAZARUS.

Если много ты имѣешь
Рокъ еще тебѣ пошлѣтъ.
Если мало — у тебя онъ
И послѣднее возьметъ.

Если нищій ты — не лучше-ль
Для тебя — навѣкъ заснуть...
Жить лишь тотъ имѣетъ право —
Кто имѣетъ что-нибудь!

20.

Она ползеть къ намъ ночь нѣмая,
И скоро насъ одѣнетъ тьмой.
Съ душой усталой, другъ на друга—
Зѣвая смотримъ мы съ тобой.

Я старъ и хилъ... ты постарѣла.
Намъ не вернуть весеннихъ дней!
Ты холодна... но зимній холодъ
Въ моей груди еще сильнѣй.

Мрачна развязка! Вслѣдъ за роємъ
Отрадныхъ намъ любви заботъ,
Ужь безъ любви идутъ заботы
И вслѣдъ за жизнью—смерть идетъ.

21.

Красавицу юноша любить;
Но ей полюбился другой.
Другой этотъ любить другую;
И назвалъ своею женой.

За перваго встрѣчнаго замужъ
Красавица съ горя идетъ;
А бѣднаго юноши сердце
Тоска до могилы гнететь.

Старинная сказка! Но вѣчно
Останется новой она.
И лучше бѣ на свѣтъ не родился
Тотъ, съ кѣмъ она сбывься должна!

22.

Съ тобою мнѣ побыть хотѣлось,
Часокъ другой наединѣ.
Но ты куда-то торопилась;
— Я занята; сказала мнѣ.

Я говорилъ, что я страдаю,
Что безъ тебя мнѣ счастья нѣтъ.
Ты низко, чопорно присѣла
И засмѣялась мнѣ въ отвѣтъ.

Чтобъ грудь мнѣ мукой переполнить
Ты до конца осталась зла.
Какъ ни молилъ я, поцалуя —
Мнѣ на прощаньѣ не дала.

Но ради Бога не подумай,
Чтобъ застрѣлился съ горя я...
Увы... Всё это разъ ужъ было
Со мной — красавица моя!

23.

Ты мнѣ долго вѣрна оставалась,
Помогала мнѣ въ горѣ, въ нуждѣ.
За меня горячо заступалась;
Гдѣ могла — хлопотала вездѣ.

Ты кормила меня и поила;
Шелъ къ тебѣ и за деньгами я;
И паспортомъ меня ты снабдила,
И дала на дорогу бѣлья.

О! пусть дольше тебя, дорогая,
Рокъ отъ стужи и зноя хранить!
И живи ты тѣхъ благъ не вкушая,
Что онъ мнѣ такъ усердно дарить.

24.

Разстаемся мы на долго,
Мой родимый городокъ.
Ясныхъ дней моихъ могила,
Колыбель моихъ тревогъ.

И тебѣ порогъ священный,
Гдѣ любимыхъ ножекъ слѣдъ,
Посылаю свой послѣдній,
Свой прощальный я привѣтъ.

О зачѣмъ дано мнѣ было.—
Встрѣтить гордую еѣ!
Не страдало-бъ — не томилось
Сердце бѣдное мое.

Я молчалъ, не докучая
Ей признаніемъ своимъ.
И дышать хотѣлъ я только
Съ нею воздухомъ однимъ.

Но меня отсюда гонять
Милой строгія слова.
Разорваться хочетъ сердце,
И поникла голова.

Потащусь дорогой пыльной
Бѣдный странникъ я, пока—
Гдѣ-нибудь въ могилѣ темной
Не заснетъ моя тоска.

25.

Собравшись за столикомъ чайнымъ
Они о любви говорили;
Мущины изящны, а дамы
Такъ нѣжны, чувствительны были. —

— Любить платонически должно!
Совѣтникъ сказалъ свое мнѣнье.
Совѣтница только плечами
Пожала, съ улыбкой презрѣнья.

— Любить слишкомъ пылко не надо,
Замѣтилъ пасторъ. Не здорово!

— Ну вотъ! поспѣшила дѣвица
Вклеить въ разговоръ своё слово.

Графиня промолвила томно:
Любовью я страсть называю!
Потомъ господину барону
Вдохнувъ, подала она чаю.

Твое лишь, за столикомъ чайнымъ,
Мѣстечко не занято было...
А какъ бы ты имъ рассказала
Мой другъ—про любовь свою, мило!

26.

Письмо, что ты мнѣ написала,
Меня ни чуть не испугало.
Меня не любишь ты давно?
Но что же длинно такъ оно?

Тетрадь исписанная мелко,
Страницъ въ 12-ть не бездѣлка!
Когда хотять отставку дать,
Не стануть длинно такъ писать!

27.

Межь тѣмъ какъ съ робкою надеждой
Я у чужихъ стучусь дверей.
Межь тѣмъ какъ я подстерегаю,
Сокровище другихъ людей.

Другіе люди, вѣроятно,
Въ другую улицу пошли,
Съ моимъ сокровищемъ, въ окошко,
Переговоры завели!

Такъ быть должно! И рокъ правдивый
Конечно вступится за всѣхъ!
Пусть на своей дорогѣ каждый—
Находитъ счастье и успѣхъ!

28.

О! не будь нетерпѣлива!
И прости, что въ пѣсняхъ новыхъ,
Все еще такъ внятны звуки—
Старой боли, дней суровыхъ!

Подожди! замолкнетъ скоро
Эхо прожитыхъ мученій —
И въ душѣ разцвѣтшей, пѣсенъ
Пробудится рой весенній!

29.

Конечно ты мой идеаль!
И поцалуемъ подкрѣпляль—
Я это часто, милый другъ;
Но нынче право не досугъ.

А лучше завтра приходи!
И съ новымъ пламенемъ въ груди
Тебя, отъ двухъ до трехъ часовъ—
Я ожидать опять готовъ.

Мы въ ресторанъ съ тобой пойдемъ.
И если хочешь ты, — потомъ
Не прочь пожалуй буду я
Сводить и въ оперу тебя.

Даютъ Роберта... сколько тамъ—
Любви, чертей и колдовства!
Тѣ звуки создалъ Мейерберъ—
А Скрибъ—негѣпныя слова.

30.

На станці встрѣтилась, какъ-то,
Семья моей милой, со мной.
Папаша, мамаша, сестрицы,
Меня обступили толпой.

Спросили меня о здоровьѣ,
И хоромъ сказали: ей, ей,
Такой же вы все какъ и были;
Но только какъ будто блѣднѣй!

А я—о снохахъ и золовкахъ,
О скучныхъ знакомыхъ спросилъ.
Спросилъ ихъ, все также лаетъ
Ихъ мопсъ изо всѣхъ своихъ силъ.

О милой, ужь вышедшей замужъ,
Я въ рѣчи коснулся слегка...
И мнѣ отвѣчали съ улыбкой:
Богъ далъ ей недавно сына.

Я тоже съ улыбкой—поздравилъ,
Проя убѣдительно ихъ,
Мое передать ей почтенье,
Когда она будетъ у нихъ.

Меньшая сестрица сказала,
Что мопсъ ихъ все выль по ночамъ,
Отъ жару взбѣсившись; и въ рѣчкѣ
Папа утопилъ его самъ.

И мнѣ показалось, что съ милой
Есть сходство въ сестрицѣ меньшей,
У ней тѣ же глазки—что душу
Мою отравили тоской!

31.

Я помню, во снѣ мнѣ явилась,
Она — боязлива, робка...
Лавиты ея были блѣдны,
И грудь изсушила тоска;

Ребенокъ шель съ нею; другаго
Держала она на рукахъ...
Смущенье и горе замѣтны
Въ движеньяхъ, въ улыбкѣ, въ очахъ.

Чрезъ площадь она проходила;
И тамъ повстрѣчались мы съ ней.
И взявъ ее за руку, тихо
И ласково молвилъ я ей:

„Странья тебя изнурили,
Послѣдуй за мною, въ мой домъ.
И стану одежду и пищу
Тебѣ добывать я трудомъ.

Дѣтей твоихъ стану лелѣять,
За ними ходить буду я,
Но больше всего за тобою:
Сама ты больное дитя!

О томъ, какъ любилъ я — ни слова
Тебѣ не хочу говорить;
А если умрешь ты — я стану
Къ тебѣ на могилу ходить!⁴

И смѣхъ и пѣсни! и солнца блескъ!
Челнокъ нашъ легкій качаютъ волны;
Я въ немъ съ друзьями, веселья полный,
Плыву безопасно... Вдругъ слышенъ трескъ.

И разлетѣлся въ куски челнокъ —
Друзья пловцами плохими были,
Родныя волны ихъ поглотили,
Меня-жь далеко умчалъ потокъ.

И вотъ сработалъ въ чужой странѣ
Другой челнокъ я; но бьютъ сурово
Чужія волны въ челнокъ мой новый;
Мой край далеко! какъ грустно мнѣ!

Друзья иные теперь со мной!
И снова пѣсни! Но воютъ бури,
И гаснутъ звѣзды въ ночной лазури...
Прости на вѣки мой край родной!

33. ГОРНАЯ ИДИЛЛИЯ.

На горѣ въ избушкѣ бѣдной,
Рудокопъ живетъ сѣдой;
Тамъ сосна шумитъ уныло,
Свѣтитъ мѣсяцъ золотой.

Въ чистой комнаткѣ поставлень
Мягкій стулъ, съ рѣзбой края.
Кто сидитъ на немъ, тотъ счастливъ,
И счастливецъ этотъ — я!

Вотъ малютка на скамейкѣ
У моихъ садится ногъ;
Глазки — звѣзды голубыя,
Ротикъ — пурпурный цвѣтокъ.

Эти звѣзды будто съ неба
Смотрятъ мнѣ въ лицо, блестя;
Робко пальчикъ приложила
Къ губкамъ розовымъ дитя.

„Будь спокойна! задремала
Мать надъ прялкой въ тишинѣ,
А отецъ сидитъ съ гитарой,
Да поетъ о старинѣ“.

Насъ не слышутъ! И малютка
Начинаетъ свой разсказъ.
Много тайнъ она завѣтныхъ
Мнѣ открыла въ этотъ часъ.

„Ахъ, не стало старой тетки!
Не ходитъ намъ больше къ ней,
Въ этотъ городъ, гдѣ такъ много
Протекло счастливыхъ дней.

Здѣсь-же дни идутъ уныло,
Какъ въ могилъ — тишина;
А зимой избушка наша
Снѣгомъ вся занесена.

И порой, какъ на ребенка,
На меня находить страхъ;
Я слыхала, бродятъ духи
Ночью поздно въ горахъ!“

Вдругъ малютка замолчала,
Испугавшись словъ своихъ...
Быстро глазки опустила
И рукой закрыла ихъ.

А сосна шумить уныло,
И глядитъ луна въ окно;
Рудоконъ все тянетъ пѣсню,
И жужжитъ веретено.

Не страшися духовъ горныхъ,
Пѣсня старая звучитъ,
День и ночь тебя, малютка,
Божій Ангелъ сторожитъ!

34. ЗАКАТЪ.

Легче серны и пугливѣй,
По уступамъ дикихъ скалъ,
Отъ меня она бѣжала,
Вѣтеръ кудри ей взвѣвалъ.

Гдѣ утесъ нагнулся къ морю,
Я её остановилъ;
Словомъ кроткимъ, словомъ нѣжнымъ
Сердце гордое смягчилъ.

И на берегъ высокомъ
Съ нею сѣлъ я, счастья полнъ,
Мы смотрѣли, какъ тонуло
Солнце тихо въ мракъ волнъ.

Глубже, глубже все тонуло
Лучезарное оно;
И исчезло вдругъ въ пучинѣ,
Моремъ злымъ поглощено

О! не плачь, дитя! вѣдь солнце
Не погибло тамъ на днѣ;
Но съ тепломъ своимъ и свѣтомъ
Въ сердце спряталось ко мнѣ.

35. ДОНЬЯ КЛАРА.

Въ часъ ночной, въ саду гуляетъ
Дочь алькальда молодая;
А изъ яркихъ оконъ зѣмка
Звуки флейтъ и трубъ несутся.

„Мнѣ несносны стали танцы,
И заученныя рѣчи
Этихъ рыцарей, что взоръ мой —
Только сравниваютъ съ солнцемъ.

На меня все вѣтъ скукой
Съ той поры, какъ ночью лунной,
Подъ балкономъ мнѣ явился
Рыцарь съ лютней звонкострунной.

Онъ стоялъ отважный, стройный,
Очи звѣздами сверкали;
А лицомъ онъ былъ такъ блѣденъ,
Будто мраморъ древнихъ статуй.“

Такъ мечтала донья Клара
И смотрѣла вдаль аллеи;
Вдругъ прекрасный рыцарь снова
Очутился передъ нею.

И рука съ рукою, тихо
Шли они... Дрожали звѣзды,
Вѣтерокъ скользилъ по листьямъ,
И едва качались розы...

— Посмотри! киваютъ розы...
Какъ любовь они пылаютъ...
Но скажи мнѣ, отчего-же
Ты, другъ милый, покраснѣла?

— Мнѣ отъ мошекъ нѣтъ покоя.
Мошки лѣтомъ ненавистны
Точно также, какъ евреевъ
Долгоносая порода.

— Что до мошекъ и евреевъ!
Говорить съ улыбкой рыцарь;
Посмотри съ деревъ миндальныхъ
Листья бѣлые слетаютъ.

Блѣдный рой ихъ наполняетъ
Воздухъ чистымъ ароматомъ....
Но скажи, моя подруга,
Ты меня всѣмъ сердцемъ любишь?

— Да, люблю тебя, мой милый,
И любить тебя клянуся
Тѣмъ, Кого народъ еврейскій
Увѣнчалъ вѣнцомъ терновымъ.

— Позабудемъ объ евреяхъ,
Говорить съ улыбкой рыцарь;
Блескомъ палевымъ облиты
Дремлютъ зыбкія лилеи.

Дремлютъ зыбкія лилеи:
Къ нимъ лучи склонили звѣзды;
Но скажи мнѣ, другъ прекрасный,
Не обманъ-ли эта клятва?

— Нѣтъ во мнѣ обмана, милый!
Какъ въ груди моей ни капли
Не струится крови мавровъ,
Ни жидовской грязной крови.

— Позабудь жидовъ и мавровъ, —
Говорить съ улыбкой рыцарь,
И подъ сѣнь густую миртовъ
Онъ уводитъ донью Клару.

Нѣжно онъ ее опуталъ
Страсти пламенной сѣтями;
Вотъ слова короче стали
И длиннѣе поцалуи...

Соловья напѣвы льются,
Будто звуки брачной пѣсни;
Свѣтляки въ травѣ зажглись,
Какъ огни въ роскошномъ залѣ.

Подъ навѣсомъ листьевъ темныхъ
Все затихло... Только слышны
Шопотъ миртовъ осторожныхъ,
Да цвѣтовъ благоуханье.

Вдругъ изъ яркихъ оконъ замка
Полились потокомъ звуки...
И очнувшись, донья Клара
Говорить въ испугѣ другу:

— Чу! зовутъ меня, мой милый!
Но въ минуту разставанья
Ты скажи свое мнѣ имя...
Что таять его напрасно!

И смѣясь лукаво, рыцарь
Доньи пальчики цалуеъ,
Кудри темныя и плечи,
И потомъ ей отвѣчаетъ:

— Я, сеньора, вашъ любовникъ,
Сынъ мудрейшаго изъ старцевъ,
Знаменитаго раввина
Въ Сарагоссъ, — Израэля!

36.

И у меня былъ край родной;
Прекрасенъ онъ!
Тамъ ель качалась надо мной.....
Но то былъ сонъ!

Семья друзей была жива.
Со всѣхъ сторонъ
Звучали мнѣ любви слова.....
Но то былъ сонъ!

37.

Возьми барабанъ и не бойся,
Цалуй маркитантку звучащій,
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства,
Вотъ смыслъ философіи всей.

Сильнѣе стучи, и тревогой
Ты спящихъ отъ сна пробуди!
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства;
А самъ маршируй впереди!

Вотъ Гегель! Вотъ книжная мудрость!
Вотъ духъ философскихъ началъ!
Давно я постигъ эту тайну,
Давно барабанщикомъ сталъ!

38.

Совѣтовъ полезныхъ не мало
И мнѣ надавали они,
Твердили мнѣ: случая ждите!
И ждалъ я несчетные дни.

Но слушая эти совѣты.
Отъ голоду умеръ бы я,
Когда бы судьба не послала
Мнѣ друга утѣшить меня.

И добрый, онъ подалъ мнѣ хлѣба,
Изъ вѣрныхъ, спасительныхъ рукъ...
Его бы я обнялъ за помощь —
Да трудно... я самъ этотъ другъ!

39.

Былъ старый король... (эту пѣсню
Я, други, слыхалъ встарину)
Съдой, и съ остылой душою,
Онъ взялъ молодую жену.

Былъ пажъ съ голубыми глазами,
Исполненъ отваги и силъ;
Онъ шолковый шлейфъ королевы,
Прекрасной и юной носилъ.

Докончить-ли старую пѣсню?
Звучить такъ уныло она...
Другъ друга они полюбили,
И смерть имъ была суждена.

40.

Вѣтеръ осенній колышетъ
Листья деревъ при лунѣ;
Въ плащъ завернувшись, я ѣду
Лѣсомъ густымъ на конѣ.

Мысли, меня обгоняя,
Быстро несутся впередъ...
Домикъ подруги знакомый
Взорамъ моимъ предстаетъ.

Лаютъ собаки... Съ огнями
Слуги встрѣчаютъ меня;
Вотъ я вхожу, о ступени
Шпорами громко звеня.

Въ комнаткѣ теплой и свѣтлой,
Милая плачетъ одна...
Радостно вскрикнувъ, на шею
Кинулась другу она.

Шумъ вокругъ меня раздается;
Слышу я говоръ вѣтвей:
— Что тебѣ нужно, безумецъ,
Съ глупой мечтою своей?

41. МЕТТА.

(ДАТСКАЯ БАЛЛАДА).

Петерь и Бендеръ вино попивали...
Петерь сказалъ: я побьюсь объ закладъ,
Какъ ты ни пой, а жены моей Метты
Пѣсни твои не плѣнять.

Ставь мнѣ собакъ своихъ, Бендеръ отвѣтилъ.
Я о конѣ буду биться своемъ.
Нынче же въ полночь, жену твою Метту
Я привлеку къ себѣ въ домъ.

Полночь пробило ... и Бендера пѣсня
Вдругъ раздалась средь ночной тишины.
Лѣсомъ и полемъ тѣ звуки неслися
Страсти и нѣги полны.

Чуткія ели свой слухъ напрягали;
Въ небѣ высокою дрожала луна.
Слушали умныя звѣзды прилежно,
Ропотъ сдержала волна.

Звуки и Метту отъ сна пробудили.
Кто подъ окномъ моимъ ночью поетъ?
Встала съ постели; и быстро одѣвшись
Вышла она изъ воротъ.

Вышла . . . идетъ черезъ лѣсъ, черезъ рѣку. . .
Бендера гнѣнь чаруетъ её.
Силою звуковъ чудесныхъ, влечетъ онъ
Метту въ жилище свое.

Поздно домой она утромъ вернулась,
Петерь её поджидалъ у дверей.
— Гдѣ пропадала жена моя Метта,
Мокро всё платье у ней?

— Слушая фей водяныхъ предсказанье,
Ночь провела я надъ нашей рѣкой;
Въ волнахъ ныряя, меня обливали
Фей шалуни водой.

— Нѣтъ, ты не слушала фей предсказанье;
Ты не была надъ рѣкой, тамъ песокъ.
Что же твои издарапаны ноги?
Кровь даже каплетъ со щекъ?

— Въ лѣсъ я ходила, смотрѣть, какъ рѣзвятся
Эльфы веселые тамъ при лунѣ.
Сосенъ и елей колючія вѣтви
Тѣло изрѣзали мнѣ.

— Эльфы рѣзвятся весенней порою,
Въ майскія ночи, на пестрыхъ цвѣтахъ.
Осень теперь—и лишь вѣтеръ холодный
Воетъ уныло въ лѣсахъ.

— Къ Бендеру въ полночь я нынче ходила;
Пѣнью противиться не было силъ.
Шла я покорная звукамъ—и Метту
Въ домъ онъ къ себѣ заманилъ.

Сильны, какъ смерть, эти чудные звуки!
Манять, зовуть на погибель они.
Ахъ! и теперь они жгутъ мое сердце!
Знать сочтены мои дни.

Чернымъ обиты церковныя двери.
Колоколь глухо, протяжно звонитъ.
Смерть возвѣщаетъ онъ Метты несчастной...
Вотъ она въ гробъ лежитъ.

Петерь надъ мертвой стоитъ, и рыдая
Горе свое выражаетъ бѣднякъ:
Всё потерялъ я: жену дорогую
И своихъ вѣрныхъ собакъ!

42. ГРАФИНЯ ГУДЕЛЬ ФОНЪ ГУДЕЛЬСФЕЛЬДЪ.

Преклоняются всѣ, о графиня,
За червонцы твои предъ тобой.
Въ раззолоченной пышной каретѣ,
Запряженной четверкой лихой,
Ты на герцогскій балъ покатила.
Тамъ огни и оркестръ ужъ гремитъ,
И по мраморнымъ, гладкимъ ступенямъ,
Длинный шолковый шлейфъ твой шумитъ.
А вверху галуны и ливреи,
И кричатъ великаны лакен:
C'est m-me la comtesse Gouldefeld.

Въ дорогахъ кружевахъ, въ брилліантахъ,
По сіяющимъ заламъ дворца,
Гордо, съ вѣромъ ты выступаешь,
И не сходитъ улыбка съ лица.
Такъ высоко отъ радости дышетъ,
Грудь твоя и полна и бѣла;
Передъ цѣлымъ дворомъ герцогиня —
Sara mia тебя назвала.
Вальсируютъ съ тобой камергеры.
Превозноситъ самъ герцогъ манеры
De m-me la comtesse Gouldefeld.

Но бѣда если денегъ не будетъ!
Всѣ къ тебѣ повернутся спиной.
Saga mia презрительно взглянетъ,
И ни слова не скажетъ съ тобой.
Длинный шлейфъ твой оттопчуть лакеи,
Не пойдешь съ камергеромъ плясать.
И любезностей ты не услышишь,
Только будешь обиды глотать.
Даже герцогъ съостритъ герцогинѣ:
Какъ несетъ чеснокомъ отъ графини,
Отъ *m-me la comtesse Gouldefeld.*

43. БЛАГОТВОРИТЕЛЬ.

Братъ съ сестрой когда-то жили,
Онь богатъ, она бѣдна.
Разъ сестра сказала брату:
„Помоги, я голодна!“

„Ахъ! оставь меня сегодня:
Братъ ей вымолвилъ въ отвѣтъ:
Я совѣту городскому
Задаю большой обѣдъ.

„Этотъ любить ананасы;
Этотъ супъ изъ черепахъ;
Этотъ съ трюфлями фазановъ:
Цѣлый день я въ хлопотахъ.

„Одному морскую рыбу,
А другому семгу дай;
Третій жретъ что ни попадо,
Лишь вина въ него вливай!“

И голодная отъ брата
Въ уголь свой она пришла.
Тамъ, слезами обливаясь,
На соломѣ умерла.

Всѣ умремъ мы . . . Вотъ явилась
Смерть и къ братнему одру;
Богача она сразила,
Такъ какъ онъ сразилъ сестру.

Но почуввъ, что пришлось
Грѣшный міръ нашъ покидать,
Онъ нотаріуса призвалъ
Завѣщаніе писать.

Духовенству онъ оставилъ
Очень круглый капиталъ.
Школѣ также и музею
Много денегъ отказалъ.

Не забылъ онъ въ завѣщаньи
Институтъ глухонѣмыхъ,
Поощрилъ богоугодныхъ
Обществъ много и другихъ.

Былъ имъ колоколь огромный
Въ даръ собору принесенъ;
Страшный вѣсъ! металлъ отличный!
Потрясаетъ воздухъ звонъ!

И, весь день не умолкая,
Этотъ колоколь гудитъ
Про тебя, о мужъ великій,
Какъ добромъ ты знаменитъ!

Языкомъ своимъ онъ мѣднымъ
Возвѣщаетъ, что тобой
Всѣ сограждане гордятся,
Весь гордится край родной.

Въ честь твою гудѣть онъ будетъ,
Незабвенный филантропъ,
И тогда, когда ты ляжешь,
Къ общей скорби, въ тѣсный гробъ.

Погребенье совершилось
Съ подобавшимъ торжествомъ;
На повзды толпа взирала
Въ удивленіи нѣмомъ,

Балдахинъ былъ убранъ въ перья,
Пышный гробъ стоялъ подъ нимъ,
Чернымъ бархатомъ обитый,
Съ позументомъ дорогимъ.

Серебро на черномъ фонѣ
Представляетъ чудный видъ,
Позументы, кольца, бляхи,
Все сверкаетъ и блеститъ!

Шагъ за шагомъ колесницу
Черныхъ шесть коней везли;
Будто мантии, попоны
Упадали до земли.

Сзади въ траурѣ лакеи
Шли въ печаль погружены;
Всѣ у глазъ платки держали
Чрезвычайной бѣлизны.

А потомъ каретъ парадныхъ
Протянулся длинный рядъ,
И я видѣлъ, что почетныхъ
Много въ нихъ особъ сидятъ.

И совѣта городского
Члены также были здѣсь.
Но однакожь къ сожалѣнью
На лицо онъ былъ не весь.

Мужъ почтенный, что фазановъ
Кушать съ трюфлями любилъ,
Несвареніемъ въ желудкѣ
Самъ сведень въ могилу былъ. §

1858.

ВИЛЛЯМЪ РАТКЛИФФЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА.

(Посвящ. Николаю Гавриловичу Чернышевскому).

ПРЕДИСЛОВІЕ ГЕЙНЕ.

«Этой трагедіи или драматической балладѣ я по справедливости долженъ отвести мѣсто въ собраніи моихъ стихотвореній, потому что она принадлежитъ къ числу значительныхъ документовъ, поясняющихъ процессъ моей авторской жизни. Ею резюмируется мой *бурно-стремительный* періодъ (*Sturm- und Drang-Periode*), дающій о себѣ весьма неполныя и темныя свѣдѣнія, въ «юныхъ страданіяхъ» книги пѣсенъ. Молодой авторъ, лепечущій тамъ, тяжелымъ, неповоротливымъ языкомъ одни мечтательные звуки природы,—здѣсь, въ Ратклиффѣ говоритъ уже твердо и смѣло, и не скрывая высказываетъ свое послѣднее слово. Это слово сдѣлалось впоследствии лозунгомъ, отъ котораго прояснились унылыя черты бѣдняка и вытягивались жирныя фізіономіи сыновъ счастья. У очага почтеннаго Тома уже слышится запахъ этого великаго вопроса—о супѣ, за который принялись теперь столько плохихъ поваровъ, и который со дня на день все больше и больше перекипаетъ. Счастливецъ повѣтъ! Онъ видитъ дубовые лѣса, таящіеся въ жолудь, бесѣдуетъ съ поколѣніями еще не родившимися. Они шепчутъ ему свои тайны; а онъ

разсказываетъ ихъ потомъ на народной площади. Но голосъ его заглушенъ нуждами дня. Немногіе его слушаютъ; никто не понимаетъ его. Ф. Шлегель назвалъ историка пророкомъ прошедшаго; еще съ большей справедливостью можно кажется назвать поэта—историкомъ будущаго.

Я писалъ Ратклиффа въ Берлинѣ, подъ липами, въ послѣдніе три дня января 1821 г., когда отъ солнца, освѣщавшаго покрытие снѣгомъ крыши домовъ и грустно обнаженныя вѣтви деревьевъ, — разливалась уже въ воздухъ отрадная теплота. Я писалъ его прямо набѣло, безъ брульона; и надъ головою моею въ это время какъ будто летала и шумѣла крыльями какая-то птица.... Когда я разсказывалъ объ этомъ друзьямъ моимъ, юнымъ берлинскимъ поэтамъ, они какъ-то странно перглянулись между собою и единогласно стали увѣрять меня, что съ ними, — во время писанья стиховъ, — никогда не случалось ничего подобнаго....»

Парижъ, 24 ноября 1851.

(*Neue Gedichte*. Гамбургъ, 1857. Гофманъ и Кампе. Изданіе 5-е).

ВИЛЬЯМЪ РАТКЛЕФЪ.

дѣйствующія лица:

Макъ-Грегоръ, шотландскій лордъ.

Марія, дочь его.

Маргарета, ея кормилица.

Графъ Дугласъ, женихъ Маріи.

Вильямъ Ратклефъ.

Леслей, его пріятель.

Томъ, трактирщикъ.

Вилли, маленькій сынъ его.

Робинъ.

Дикъ.

Билль.

Джонъ.

Тэдди.

Слуги, гости на свадьбѣ, разбойники.

Дѣйствіе въ Сѣверной Шотландіи, въ новѣйшее время.

(Комната въ замкѣ Макъ-Грегора. Маргарета сидитъ неподвижно въ углу, поджавши ноги. Макъ-Грегоръ. Марія. Дугласъ).

МАКЪ-ГРЕГОРЪ (соединяя руки Маріи и Дугласа).

Вотъ наконецъ супругами вы стали!
Какъ руки вы на вѣкъ соединили, —
Пусть и сердца союзомъ неразрывнымъ
На радость и печаль соединятся. —

Любви и церкви таинства связали
Обоихъ васъ. Да будетъ же надъ вами
Двойное ихъ благословенье, дѣти!
Теперь еще — отцовское примите.

(благославляетъ ихъ).

ДУГЛАСЪ.

Я съ гордостью отцомъ васъ называю!

М ГРЕГОРЪ.

Я — сыномъ съ бѣльшей гордостью тебя.

(обнимаетъ его).

МАРГАРЕТА (поетъ разбитымъ и дикимъ голосомъ).

Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ?
Эдвардъ!

ДУГЛАСЪ (испуганный).

О, Боже мой.... Откуда эти звуки?
Уже ль, милордъ, нѣмая пѣть пустилась?

М. ГРЕГОРЪ (съ принужденной усмѣшкой).

Не бойся! это Маргарета. Къ замку —
Принадлежитъ она. Давнымъ давно,
Безумная недугомъ одержима.
Столбнякъ у ней; и цѣлыми часами
Лежитъ она въ углу, съ недвижнымъ взоромъ.
Но будто статуя, владѣющая словомъ,
Вдругъ старую порой затянетъ пѣсню.

ДУГЛАСЪ.

Зачѣмъ держать страшнѣе такое?

М. ГРЕГОРЪ (на ухо Дугласу).

Она все слышитъ.... тише! Я бѣ охотно
Ее прогналъ давно... но не могу....

МАРІЯ (прерывая его).

Не трогайте бѣдняжку Маргарету.
Ты разсказалъ бы лучше мнѣ, Дугласъ,
О Лондонѣ; чтò новаго тамъ слышно?
Мы ничего въ Шотландіи не знаемъ.

ДУГЛАСЪ.

Попрежнему — ѣзда, охота, скачки;
Днемъ спать; ночь превращаютъ въ день.
Все пикники, да рауты, да балы.
Манять толпу блестящіе театры.
Есть опера, гдѣ звонкую монету
На трели звонкія мѣняютъ меломаны,
Гдѣ имъ ревутъ — God save the king, въ придачу.
Политикой лишь бредятъ патриоты;
Клянутся страшно; дѣлаютъ подписки,
Зѣваютъ всѣ и быются объ завладѣ,
Да пьянствуютъ за Англію родную!
Все также ростбифъ, пуддингъ поглощаютъ.
И льется портеръ пѣнистый повсюду.
Толпятся также уличные воры;
Мошенники васъ вѣжливостью мучатъ,
И мучитъ нищій миною плаксивой.
Но болѣе всего измучитъ платье:
Въ обтяжку фракъ, высокій жесткій галстухъ,
И выше башни вавилонской шляпа.

М. ГРЕГОРЪ.

О! какъ я радъ, что пледъ ношу и шапку.
Ты поступилъ прекрасно, что дурацкѣй
Костюмъ ихъ промѣнялъ на нашъ. Дугласу, —
И вѣшностью Шотландцемъ должно быть.

МАРІА (Дугласу).

Жду отъ тебя разсказа о поѣздкѣ.

ДУГЛАСЪ.

Я до границъ Шотландіи въ каретѣ
Довхалъ; но вѣдою слишкомъ тихой
Скучая, въ Ольдъ-Гедбургъ лошадь взялъ.
И — шпоры давъ животному — помчался.
Меня жъ любви пришпоривали грезы!
Я о тебѣ мечталъ! моя Марія....
И съ быстротой стрѣлы мой конь ретивый,
Несъ сѣдока, горами, лѣсомъ, полемъ....
Но плохо мнѣ пришлось подъ Инвернесомъ:
Въ лѣсу „пифъ! пафъ!“ внезапно раздается....
И свистомъ пуль я пробужденъ отъ грезъ!
Тамъ на меня три молодца напали;
Я всячески отъ нихъ оборонялся;
Но уступить бы долженъ былъ навѣрно —
Когда бъ.... О, Боже.... Чтѣ съ тобой, Марія!
Блѣднѣешь ты.... шатаешься....

МАРГАРЕТА.

О горе!

Бѣла, какъ снѣгъ и холодна, какъ мраморъ —
Ты кукла, прекрасная моя!

Полу-поеть, полу-говорить, глядя Марию по головь).

Открой, моя куколка, глазки!
Зачѣмъ ты, какъ мраморъ, блѣдна?
Я розовымъ блескомъ осыплю
Тебя послѣ долгаго сна!

М. ГРЕГОРЪ.

Молчи, безумная! Нелѣпой этой пѣснью
Ты мозгъ ея разстроиваешь больше!

МАРГАРЕТА (грозя ему пальцемъ).

Что? Что? Ругаться! Прежде вымой руки, —
Не то какъ разъ ты запятнаешь кровью
Нарядъ вѣнчальный куколки моей!
Прочь отойди, послушайся совѣта.

МАКЪ-ГРЕГОРЪ (несяло).

Безумная старуха эта — бредить.

МАРГАРЕТА (поеть).

Открой, моя куколка, глазки!
Зачѣмъ ты, какъ ледъ, холодна....

МАРИЯ (очнувшись, жмется къ Маргаретѣ).

Ну, расскажи теперь, что было дальше?

ДУГЛАСЪ.

Мнѣ жаль, что началъ я; но продолжаю.
На выручку ко мнѣ явился всадникъ.

И съ тылу на разбойниковъ ударилъ.
Я съ силами тогда собрался тоже.
И мы вдвоемъ прогнали негодяевъ.
Благодарить его я за спасенье
Хотѣлъ; — но крикнувъ: мнѣ теперь не время!
Прочь ускакалъ мой храбрый избавитель.

МАРІЯ (улыбаясь).

Какъ рада я! Мнѣ сдѣлалось такъ страшно!
Теперь прошло....

(Маргаретъ),

Ты въ залъ меня проводишь?
Тамъ собрались давно мои подруги.

МАРГАРЕТА (болзливо, М. Грегору).

А ты не злишь.... Я не всегда безумна....

М. ГРЕГОРЪ.

Иди, иди. Мы слѣдуемъ за вами.

М. ГРЕГОРЪ И ДУГЛАСЪ.

ДУГЛАСЪ.

Я, признаюсь, не думалъ, чтобъ Марія
Такъ впечатлительна была. Блѣднѣетъ,
Дрожить она при каждомъ легкомъ шумѣ.

М. ГРЕГОРЪ.

Я отъ тебя тайтъ не стану дольше,
Что нынче такъ встревожило Марію.

Прости, что не открылъ я прежде тайны.
Ты пылокъ, храбръ, и, можетъ быть, навстрѣчу
Опасности, которую я скрылъ,
Пошелъ бы самъ съ отвагой безразсудной,
И наказать бы захотѣлъ злодѣя,
Смутившаго спокойствіе Маріи.

ДУГЛАСЪ.

Но кто жь ее тревожить смѣлъ, скажите?

М. ГРЕГОРЪ.

Я рассказать готовъ печальный случай;
Но выслушай рассказъ мой хладнокровно.
Шесть лѣтъ тому, заѣхалъ въ замокъ къ намъ
Вильямъ Ратклиффъ, студентъ изъ Эдинбурга.
Съ его отцемъ я былъ знакомъ когда-то,
И хорошо . . . да! хорошо знакомъ!
Эдвардъ Ратклиффъ—отца Вильяма звали.
Радужно сынъ былъ принятъ мной, и въ замкѣ
Имѣлъ пріютъ и пищу двѣ недѣли.
Вотъ увидалъ Марію онъ. Но слишкомъ
Ужъ долго ей глядѣлъ онъ видно въ очи;
И началъ вдругъ томиться, мѣтъ и таять,
Пока ему Марія не сказала, —
Безъ дальнихъ фразъ—что онъ наскучилъ ей.
Тогда, съ своей отвергнутой любовью,
Онъ замокъ нашъ немедленно оставилъ.
А дочь моя была, спустя два года,
Помолвлена съ Филипомъ Макдональдомъ,
Внушившимъ ей къ себѣ расположенье.
Насталъ и часъ, когда въ одеждѣ брачной
Предъ алтаремъ невѣста молодая

Предстала; но—увы! . . . безъ жениха!
Онъ скрылся вдругъ; напрасно мы искали
Его въ саду, и на дворѣ, и въ замкѣ.
Близъ лѣса, гдѣ огромный черный камень, —
Лишь трущъ нашли Филипа Магдональда.

ДУГЛАСЪ.

И кто же былъ виновникъ злодѣянья?

М. ГРЕГОРЪ.

Убийцу мы открыть старались долго;
Но не было намъ въ поискахъ удачи.
Какъ наконецъ является Марія
И говорить, что ей злодѣй извѣстенъ.
Въ ту ночь—когда свершилось преступленье,
Вильямъ Ратклиффъ, проникнувъ къ ней въ покои,
Смѣясь, поднесъ рукой окровавленной
Ей жениха убитого кольцо!

ДУГЛАСЪ.

Какой позоръ! На что же вы рѣшились?

М. ГРЕГОРЪ.

Сперва велѣлъ я тѣло Магдональда
Предать землѣ, въ его фамильномъ склепѣ, —
И крестъ воздвигъ на мѣстѣ, гдѣ свершилось
Убийство жениха моей Маріи.
Ратклиффа я потомъ искалъ, но тщетно.
Онъ въ Лондонѣ, какъ слышно, очутился;
Гдѣ, прокутивъ свое наслѣдство, началъ
Игрою жить. И даже говорили,
Что съ разными бродягами связался.

Еще прошли два года; и забыли,
Как водится, убійцу и убійство.
Разъ лордъ Дунканъ ко мнѣ пріѣхалъ въ замокъ,
И дочери моей просить сталъ руку.
Я былъ не прочь—и убѣдилъ Марію
Не отвергать, изъ прихоти, союза
Съ потомкомъ нашихъ древнихъ королей.
Но горе намъ! Предъ алтаремъ невеста
Опять одна поникла съ тайнымъ страхомъ;
И мертвъ лежалъ Дунканъ при черномъ камнѣ.

ДУГЛАСЪ.

О страхъ!

М. ГРЕГОРЪ.

Коней коней! кричалъ я слугамъ.
И снова мы на поиски пустились.
Въ поляхъ, въ кустахъ, въ лѣсу, въ ущельяхъ дикихъ,
Три долгихъ дня мы рыскали напрасно,
И все слѣда убійцы не открыли.
Но чтò же? Въ ночь втораго злодѣянья —
Вильямъ Ратклиффъ пробрался вновь къ Маріи
И возвратилъ ей, съ вѣжливымъ поклономъ, —
Глумясь, — кольцо убитаго Дункана.

ДУГЛАСЪ.

Однако жь смѣлъ! Ну, попадись мнѣ въ руки!

М. ГРЕГОРЪ.

Я поручусь, что это онъ готовилъ
Тебѣ въ лѣсу, подъ Инвернесомъ, гибель.
Но странно мнѣ, — ужели не видали

Его нигдѣ разсыльные изъ зѣмка?
Да, графъ Дугласъ, — теперь я принялъ мѣры,
Чтобъ не пришлось и ваше имя также
Мнѣ на крестѣ, у камня написать.

(уходить).

ДУГЛАСЪ (однѣ).

Скрыть отъ меня онъ счелъ благоразумнѣй
До свадьбы все! О, старая лисица!
Но я помѣряться желалъ бы съ негоднемъ,
Что мучить такъ Марію местию черной.
Онъ у меня кольца не съметъ съ пальца, —
Гдѣ палецъ мой, тамъ и рука! Марію
Я не люблю; да не любимъ и ею;
Вступили въ бракъ мы оба по разсудку.
Но все жъ мнѣ милъ ребенокъ этотъ кроткій,
И путь его отъ терній я очищу. . . .

ЛЕСЛЕЙ (закутанный въ плащъ, озирается по-
сторонамъ, и подходитъ къ Дугласу).

Не вы ли графъ Дугласъ?

ДУГЛАСЪ.

Да, я. Что нужно?

ЛЕСЛЕЙ (подастъ ему записку).

Записочка красивенькая къ графу. . . .

ДУГЛАСЪ (прочтя записку).

Да. . . . да. . . . Скажи, что я сейчасъ же буду. . . .
У лѣса — тамъ, гдѣ Черный Камень. . . . Знаю!

(уходить).

(Таверна. — Въ глубинѣ лежатъ спящіе люди. — На стѣнѣ образъ. — Стѣнные часы стучать.—Сумерки). Ратклиффъ сматъ, задумавшись, въ углу комнаты; въ другомъ углу Томъ, хозяинъ таверны, держитъ между колѣнями своего маленькаго сына Вилли.

ТОМЪ (тихо).

Что жь, — „Отче Нашъ“ ты знаешь?

ВИЛЛИ (громко и смѣясь).

Безъ запинки!

ТОМЪ.

Тссъ! Ты у меня людей разбудишь—тише!

ВИЛЛИ.

Читать?

ТОМЪ.

Читай, да не спѣши; а съ толкомъ....

ВИЛЛИ.

(Быстро говоритъ молитву; но на послѣднихъ словахъ останавливается).

ТОМЪ.

Вотъ и запнулся. Ну, скажи сначала.

(Вилли все смотритъ на Ратклиффа, и говоритъ нетвердо, безъ увѣренности. Послѣ словъ: «долги наша», опять заикается).

ТОМЪ.

Ну, плохо! Не введи во искушенье....

ВИЛЬЯМЪ (плача).

Папаша, я ей-Богу зналъ отлично;
Да этотъ, вонъ глядитъ сюда такъ страшно.

ТОМЪ.

Нѣтъ! нынче ты, братъ, рыбы не получишь.
А если самъ изъ ящика утащишь....

РАТКЛИФФЪ.

Да отпусти ты бѣднаго ребенка!
Я самъ не могъ запомнить этихъ словъ
Всю жизнь.... (*съ болезненной скорбью*).
И не введи во искушенье!

ТОМЪ.

Я не хочу, чтобъ сдѣлался мой Вилли
Такимъ, какъ вы.... иль какъ вонъ эти люди
(Указываетъ на спящихъ).

(*Къ Вилли*) Теперь ступай — и можешь спать ложиться.
(Вилли уходитъ со слезами, бормоча: не введи насъ во искушенье).

ПРЕЖНИЕ, КРОМЪ ВИЛЛИ.

РАТКЛИФФЪ.

Что этимъ ты хотѣлъ сказать, дружище!

ТОМЪ.

Что долженъ быть онъ честный христіанинъ —
Не висѣльникъ, какъ я, — его отецъ.

РАТКЛИФФЪ (*сѣясь*)

Ты не совсѣмъ еще такой, покамѣстъ.

ТОМЪ.

Да, — я теперь животное ручное:
Держу трактиръ, торгую скромно пивомъ.
И потому лишь, что мой домикъ спрятанъ
Въ лѣсной глуши, къ себѣ я принимаю
Такихъ большихъ господъ, какъ ваша милость, —
Что утромъ спать, а по ночамъ гуляютъ,
И соблюдать инкогнито привыкли.
Здѣсь у меня дневной пріютъ находятъ,
А не ночной; а тоже было время...

(дѣлаетъ движеніе пальцами).

Не хуже, чѣмъ иной лунатикъ лазилъ
Я по чужимъ домамъ и по карманамъ....
Но все же я не походилъ на этихъ....

(показываетъ на спящихъ).

Вотъ, напримѣръ, башка! Взгляните: геній!
У этого врожденное стремленье
Къ чужимъ платкамъ. Небось какъ воронъ стянетъ.
Ишь пальцами какъ шевелить проворно.
Чай и во снѣ-то крадетъ.... Улыбнулся!...
Или теперь — хоть этотъ долговязый!
Вѣдь былъ портнымъ, и доскутки сначала
Потаскивалъ; а тамъ дошелъ до платя.
Ему удрать пришлось отъ петли какъ-то:
Съ тѣхъ поръ въ ногахъ онъ чувствуетъ дрожанье:
Вонъ какъ дрыгнулъ!... Я головой ручаюсь,
Что лѣстница мошеннику приснилась....
А вотъ Робинъ — храпитъ себѣ спокойно, —
Хоть на душѣ убійствъ десятокъ вѣрный....
Будь онъ, какъ мы, католикъ, — отпущенье
Ему бы дать могли еще, пожалуй;

А то вѣдь еретикъ.... И послѣ петли —
Горѣть въ огнѣ неугасимомъ долженъ.

РАТКЛИФФЪ.

Не бойся; онъ въ аду горѣть не станетъ.
Небесный судъ — не то, что судъ британскій.
Робинъ вѣдь *мужъ*; а мужа зло беретъ
При видѣ этихъ дюжинныхъ душонокъ,
Чья жизнь—развратъ, обжорство, пресыщенье;—
Счастливецъ, въ шелкъ и бархатъ разодѣтыхъ,
Которые купаются въ шампанскомъ,
И въ золотыхъ каретахъ развалившись,
Надменный взоръ на бѣдняка бросаютъ,
Бредущаго съ понижшей головою
Закладывать послѣднюю рубашку!

(съ горькимъ смѣхомъ).

О, сытые! какъ вы благоразумны!
Вы обнесли себя стѣной закона
Отъ натиска голодныхъ бѣдняковъ,
Смушавшихъ вашъ покой докучнымъ крикомъ:
И горе тѣмъ, кто стѣну перелѣзетъ!
Готово все: судья, палачъ и петля....
Да вотъ бѣда! Есть удалцы, которыхъ
Вамъ застращать всѣмъ этимъ не дается!

ТОМЪ.

И самъ я былъ всегда того же мнѣнья...
И на два лишь враждующихъ народа
Весь міръ дѣлилъ: на сытыхъ и голодныхъ.
И такъ какъ я принадлежалъ къ послѣднимъ,
То съ первыми былъ долженъ часто драться.
Но увидавъ, что бой не равенъ,

Сталъ пятиться назадъ я помаленьку.
Теперь усталъ скитаться безъ пріюта
И прятаться отъ солнца! Надоѣло
Мнѣ приходить отъ висѣлицы въ трепеть,
Да помышлять о ссылкѣ ежечасно.
Иль ждать, что вотъ въ рабочій домъ засадятъ....
Собачья жизнь, — сказать по правдѣ нужно!
Въ поляхъ, въ лѣсу, тебя какъ звѣря травятъ,
И сыщикомъ кусточекъ каждый смотритъ.
Сидишь ли въ домѣ гдѣ, — и тамъ невольно
Весь задрожишь, какъ только дверью скрыпнуть....

ЛЕСЛЕЙ (вбѣгаетъ, Ратклиффъ бросается
къ нему навстрѣчу).

ЛЕСЛЕЙ.

Идетъ, сейчасъ идетъ.

РАТКЛИФФЪ.

Вотъ это дѣло!

ТОМЪ (боязливо).

Кто тамъ идетъ? Я сталъ пугливъ ужасно....

ЛЕСЛЕЙ.

Не бойся, другъ, и насъ оставь покамѣстъ.

ТОМЪ (съ лукавымъ видомъ).

А! знать вамъ есть теперь—чѣмъ подѣлиться....

(Уходитъ)

ПРЕЖНИЕ, КРОМЪ ТОМА.

РАТКЛИФФЪ.

Я самъ пойду къ нему навстрѣчу.

ЛЕСЛЕЙ.

Полно!

Пускай сперва стемнѣетъ. Макъ-Грегора
 Разсылные какъ разъ тебя накроютъ.
 Твое лицо, повѣрь, описано отлично, —
 Его теперь ребенокъ каждый знаетъ.
 Но разскажи — къ чему ведетъ все это?
 Тебѣ грозитъ опасность непрестанно,
 А толку нѣтъ. Вернемся лучше въ Лондонъ;
 Спокойнѣй тамъ. Ты избѣгать бы долженъ
 Проклятыхъ мѣстъ, гдѣ всякому извѣстно,
 Что ты пришибъ двухъ лордовъ благородныхъ.

РАТКЛИФФЪ.

Я не пришибъ! А въ честномъ поединкѣ
 Графъ Макдональдъ и лордъ Дунканъ погибли.
 И также я съ Дугласомъ буду драться.

ЛЕСЛЕЙ (дѣлалъ жестъ бандита).

Не легче ли на способъ итальянскій? . . .
 Но ненавидишь ты за что Дугласа?
 Гдѣ на одной вы встрѣтились дорогѣ?

РАТКЛИФФЪ.

Я не встрѣчалъ его нигдѣ, ни разу;
 Онъ ничего не сдѣлалъ мнѣ, и злобы
 Я никакой къ Дугласу не питаю.

ЛЕСЛЕЙ:

А потушить въ немъ хочешь жизни пламень!
Въ своемъ ли ты умѣ, и я здоровъ ли,
Что помогать взялся проказамъ глупымъ?

РАТКЛИФФЪ.

О, еслибъ ты понять могъ эти вещи! . . .
Не выдержалъ бы черепъ твой несчастный!
Хотя бъ онъ былъ величиною съ куполь, —
Какъ скорлупа яичная бы треснулъ,
И въ трещинѣ безумье засквозило бъ. . .

ЛЕСЛЕЙ (иронически, хватая себя за голову).

Какъ страшно мнѣ! Ужъ лучше замолчи!

РАТКЛИФФЪ.

Не думай, чтобъ я былъ чудакъ, мечтатель,
И чтобъ за мной, какъ псы борзые, всюду
Гнались моей фантази созданья.
Я не поэтъ чахоточный, съ луною
И звѣздами бесѣдовать привыкшій, —
Что, соловья услышавъ въ отдаленнѣ,
И корчится и мѣветъ отъ восторга! . . .
Что лѣстницу себѣ изъ вздоховъ строить,
Изъ рифмъ плохихъ плететь себѣ веревку,
И на столбѣ своей же славы виснеть.

ЛЕСЛЕЙ.

Я показалъ бы это подъ присягой.

РАТКЛИФФЪ.

Но долженъ я сознаться, — мной владѣють
(Ты, можетъ быть, найдешь смѣшнымъ все это)

Ужасныя, таинственныя силы.
Онѣ мои желанья направляютъ,
Руководятъ поступками моими. . . .
Власть этихъ силъ — знакома съ дѣтства мнѣ!
Еще дитей, одинъ играя, часто
Я замѣчалъ двухъ призраковъ туманныхъ.
Они, стремясь обняться, тщетно руки
Издалека другъ къ другу простирали. . . .
И страстнаго исполнены томленья
Такъ горестно взирали другъ на друга!
Какъ ни были ихъ образы воздушны,
Но гордыя черты мужчины ясно
Я различалъ въ одномъ. А ликъ другаго
Былъ — женскій ликъ, и кроткій и прекрасный.
Потомъ они мнѣ оба снились часто, —
И разглядѣлъ я ихъ еще подробнѣй.
Печально мнѣ смотрѣлъ въ лицо мужчина,
А женщина — такъ ласково, съ любовью!
Однакожь, въ высшей школѣ, въ Эдинбургѣ,
Мнѣ стали рѣже призраки являться,
И посреди студентскаго разгула,
Я позабылъ воздушныя видѣнья;
Какъ случай вдругъ, — въ каникулы, — однажды
Привелъ меня въ помѣстье Магъ-Грегора.
Тамъ встрѣтилъ я Марію. . . . И какъ будто
Мнѣ молнія прожгла внезапно сердце!
Узналъ черты я женщины воздушной, —
Тѣ кроткія и нѣжныя черты,
Что мнѣ во снѣ такъ часто улыбались!
Лишь не было лицо Маріи блѣдно,
Лишь не былъ взоръ Маріи неподвиженъ.
Въ очахъ — огонь, румянецъ на ланитахъ, —
Базалось мнѣ, любви всѣ чары небо
Изило на предестный этотъ образъ!

Меня любви томленье охватило,
И руки я простеръ обнять Марію. . . .

(молчаніе).

Но тутъ себя я въ зеркалѣ увидѣлъ: —
Я былъ одинъ изъ призраковъ туманныхъ,
Объятія къ другому простиравшій!
То сонъ ли былъ? Игра ль воображенья?
Марія мнѣ глядѣла тихо въ очи, —
Глядѣла такъ довѣрчиво и нѣжно. . . .
Казалось, взоръ сливается со взоромъ,
Душа съ душой. . . . О, милосердый Боже!

И въ этотъ мигъ — внезапно предо мною
Смыслъ бытія таинственный раскрылся!
Все стало мнѣ понятно. . . . Звѣздъ мерцанье,
И пѣнье птицъ, и разговоръ цвѣтка,
И шумъ ручья, и вѣтерка дыханье —
И тайная души моей тоска!
Какъ дѣти, мы играли и шалили,
Мы прятались, какъ дѣти, другъ отъ дружки.
И локоны, цвѣты и поцалуи
Дарила мнѣ она; а я, бывало,
На поцалуи — двумя ей отвѣчаю!
И вотъ упавъ къ ея ногамъ, однажды,
Я вымолвилъ: любимъ ли я, Марія?

(задумывается).

ЛЕСЛЕЙ (сѣясь).

Ну, признаюсь, хотѣлъ бы я увидѣть,
Какъ грозный взглядъ твой—въ нѣжный превратился,
Какъ кулаки ты складывалъ смиренно,
Какъ голосъ твой, — что на большой дорогѣ

Наводитъ страхъ и трепеть на богатыхъ, —
У женскихъ ногъ звучалъ мольбою вроткой!...

РАТКЛИФФЪ (съ бѣшенствомъ).

Змѣя! Свой взоръ застѣнчивый, стыдливый,
Она въ меня вперила — съ отвращеньемъ;
Потомъ, присѣвъ, надменно „нѣтъ“ сказала....
И это: „нѣтъ“ — въ ушахъ моихъ досель
Еще звучить, какъ злобный, адскій хохотъ?

ЛЕСЛЕЙ.

Вотъ какова! Да это просто—низко...

РАТКЛИФФЪ.

Уѣхалъ я изъ замка Макъ-Грегора,
И въ Лондонѣ, въ столичной, шумной жизни
Я заглушить пытался сердца муки.
Родителей лишившись очень рано,
Я надъ собой былъ полнымъ господиномъ.
Но удалась моя попытка плохо...
Не залилъ я тоски своей шампанскимъ:
Она росла отъ каждаго стакана, —
И ни одна брюнетка, ни блондинка,
Не прогнала ее веселымъ смѣхомъ...
Я не нашелъ покоя и за банкомъ:
Маріи взоръ — былъ на сукнѣ зеленомъ;
Ея рука углы мнѣ загибала;
Въ чертахъ какой-нибудь червонной дамы
Ея черты небесныя я видѣлъ!
Да, то она, — не картъ бездушный образъ!
Она! — Ея я чувствую дыханье! —
Она! она!... киваетъ мнѣ... Ва-банкъ!
И денегъ нѣтъ! — Одна любовь осталась!

ЛЕСЛЕЙ.

Тогда коня ты вывелъ изъ конюшни,
И на него по-рыцарски вскочивши, —
Какъ предки, жизнь вести сталъ боевую...
Теперь любовь твоя прошла, конечно.
И точно, другъ: не трудно протрезвиться,
Когда скакать приходится такъ часто,
Подъ шумъ дождя и вѣтра, ночью темной,
Или смотрѣть, какъ съ висѣлицъ ногами
Тебя друзья привѣтствуютъ, качаясь.

РАТКЛИФФЪ.

Ошибся ты! Въ огонь я подлилъ масла,
И вспыхнула къ Маріи страсть сильнѣе...
Мнѣ въ Лондонѣ несносно становилось.
Опять въ Шотландію манила,
Влекла меня, невѣдомая сила.
Спокойнѣй сплю я здѣсь — вблизи Маріи,
Вольнѣй дышу... Здѣсь какъ-то сердцу легче...
Послушай, — я тебѣ открою тайну:
Я повялся святыми небесами,
Я поклялся всей мрачной силой ада,
Что отъ руки моей погибнетъ каждый,
Марію кто назвать женой захочетъ.
Мнѣ подсказалъ ту клятву голосъ тайный,
Въ груди моей живущій. Повинуюсь
Я слѣпо тѣмъ могучимъ, темнымъ силамъ,
Что руку мнѣ направили такъ вѣрно,
Когда убилъ я жениховъ Маріи!

ЛЕСЛЕЙ.

Теперь тебя я понялъ! но признаться,
Я все-таки тебя не одобряю.. .

РАТКЛИФФЪ.

А развѣ я — могу себя одобрить?
Нѣтъ! это — все тотъ голосъ, что гнѣздится
Вотъ здѣсь . . . въ груди . . . Онъ управляетъ мною!
Да признави туманные, которыхъ
Еще во снѣ я вижу . . . (*испуганный*) О, мой Боже!
Тамъ . . . тамъ . . . смотри! Воздушныя видѣнья . . .

(Темнѣеть. Два туманныхъ призрака проходятъ по сценѣ и исчезаютъ. Испуганные крикомъ Ратклиффа люди, лежащiе въ глубинѣ сцены, вскакиваютъ, восклицая: «что тамъ такое . . . что случилось?»)

ЛЕСЛЕЙ.

Да что за чортъ! Я ничего не вижу . . .

МНОГІЕ.

Что видитъ онъ? Должно быть полицейскихъ . . .

ЛЕСЛЕЙ.

О нѣтъ! Совсѣмъ противное — духовъ!

(всѣ смѣются).

РОБИНЪ.

Ахъ, Господи! И днемъ-то нѣтъ покоя!

РАТКЛИФФЪ.

Темнѣеть. Я пойду.

ЛЕСЛЕЙ.

И я съ тобою.

РАТКЛИФФЪ.

Нѣтъ, нѣтъ; зачѣмъ . . .

ЛЕСЛЕЙ.

Боюсь, при черно́мъ камнѣ,
На караулъ наткнешься ты, пожалуй.

РАТКЛИФФЪ.

Не бойся, страхъ весь караулъ разгонитъ.
Не весело тамъ ночью оставаться!

ЛЕСЛЕЙ.

Эй, господа, — прощайте!

РАТКЛИФФЪ.

Доброй ночи!
(уходитъ).

ВСЪ.

Храни васъ Богъ!

ПРЕЖНИЕ, КРОМЪ РАТКЛИФФА И ЛЕСЛЕЯ.

РОБИНЪ

Онъ пьянъ иль сумасшедшій....

ДИКЪ.

Онъ былъ всегда такимъ. Его я знаю.
Встрѣчались мы съ нимъ въ Лондонскихъ тавернахъ.
Бывало тамъ, курчавой головою
Поникнувъ, онъ въ углу сидитъ весь вечеръ, —
И, тихъ и нѣмъ, глядитъ себѣ на свѣчку.
Но иногда случалось, что садился
Онъ и межъ насъ, веселый и довольный....

И хохоталъ, шутилъ.... но слишкомъ рѣзокъ
Быль этотъ смѣхъ, и шутки какъ-то дики....
И вдругъ потомъ, среди веселой рѣчи,
Его уста безумно искривлялись,
И вылеталъ изъ груди стонъ ужасный....
„Эй, Джонъ, — коня!“ кричалъ онъ въ изступленьи;
И ускакавъ, не прежде возвращался
Какъ черезъ два, три мѣсяца.... Я слышалъ,
Что день и ночь въ Шотландію онъ мчался.

РОБИНЪ.

Нѣтъ, — боленъ онъ...

ДИКЪ.

А мнѣ-то что? Прощайте!
(уходитъ).

БИМСЪ.

Темно.... Теперь пора и на работу....
(молится передъ образомъ).

Благослови! и отврати опасность!

РОБИНЪ (сжимая кулакъ).

Вотъ мой патронъ! Въ опасности защитникъ!
(уходить)

(Двое воровъ остаются спящими. Трактирщикъ Томъ входитъ и вытаскиваетъ у него изъ кармана деньги).

ТОМЪ.

Они меня къ суду тащить не смѣютъ!

ДЖОНЪ и ТЭДДИ (просыпаются).

ДЖОНЪ (зѣвая).

Сонъ — выдумка, ей-Богу, дорогая!

ТЭДДИ (зѣвая).

Пойдемъ-ка ѣсть.

ДЖОНЪ.

Что новенькаго слышно?

ТЭДДИ.

! Я думаю, повѣшенъ нынче Риффель.

ДЖОНЪ.

Вотъ петля — будетъ выдумка похуже....

(уходить).

(Пустынное мѣсто у Чернаго Камня.— Ночь.— Вѣтво—груды скалъ причудливыхъ формъ и древесные пни. Вправо—памятникъ, въ видѣ креста.— Видны два туманныхъ призрака, простирающихъ другъ къ другу руки и потоки исчезающихъ. Входитъ Ратклиффъ).

РАТКЛИФФЪ.

У! свистъ какой! Знать, всѣ свои кларнеты
И флейты адъ распорядился выслать!
А мѣсяцъ въ пледъ закутался широкій,
И черезчуръ ужъ что-то скупо свѣтитъ!
Пускай себѣ! Закутайся хоть вовсе....

Какъ ни темно, — не нуженъ свѣжной глыбѣ
Фонарь: она и безъ него катится.
Къ магниту пусть само найдетъ желѣзо.
Найдемъ и мечъ испытанный Ратклиффа—
Дугласа грудь!

Придетъ ли только графчикъ?

Боязнъ схватить простуду, насморкъ, кашель,
Его какъ разъ, пожалуй, остановитъ.
Онъ, можетъ быть, ужъ думаетъ: „не лучше ль
Мнѣ отложить до слѣдующей ночи?“
Нѣтъ! Въ эту ночь я съ нимъ покончить долженъ,
И если онъ не явится, я въ замокъ
Проникну самъ, во чтѣ бы то ни стало....
Мнѣ отопреть всѣ двери этотъ ключъ.

(ударяетъ по мечу).

А вы, друзья, мнѣ будете защитой!

(указываетъ на пистолеты и потомъ,
вынувъ одинъ изъ нихъ, говорить).

О вѣрный другъ!.... Какъ онъ глядитъ почтенно!
Ко рту его прижалъ бы я охотно
Свой уста. Прижалъ бы крѣпко крѣпко....
И подалуй нашъ огненный мгновенно
Души больной страданья исцѣлилъ бы,
И такъ легко мнѣ стало-бъ, такъ спокойно!

(въ раздумьи).

А въ этотъ мигъ, быть можетъ, точно такъ же
Прильнулъ Дугласъ къ устамъ Маріи крѣпко!
Вотъ, вотъ она — причина, почему
Я умереть теперь еще не долженъ!
Не то бы мнѣ, съ бессильной злобой тѣни,
Пришлось взирать, вставая изъ могилы.
Какъ чистую, прекрасную Марію,
Ласкаетъ тварь, съ собачьей, гнусной мордой....
Когда бъ я былъ на небѣ — и оттуда

Увидѣть могъ покой Дугласа брачный,
Какимъ бы я проклятемъ разразился....
Но если въ адъ отправиться я долженъ,
Такъ я хочу — не грѣшникомъ смиреннымъ.
А чортомъ быть, и чортомъ настоящимъ!

РАТКЛИФФЪ. — ДУГЛАСЪ.

РАТКЛИФФЪ.

Мнѣ кажется, слышались шаги.

(кричать).

Кто тамъ идетъ! откликнись!

ДУГЛАСЪ.

Этотъ голосъ

Какъ будто мнѣ знакомъ.... Да! точно, слышалъ
Его въ лѣсу, подъ Инвернесомъ я.

(подходить ближе къ Ратклиффу).

Такъ, — это мой спаситель.... Благодарность
Мою теперь вы примете, надѣюсь....

РАТКЛИФФЪ.

Не при себѣ ли вамъ ее оставить?
Поступокъ мой не такъ великодушенъ.
Я видѣлъ, что на васъ напали трое, —
Такъ и помогъ. Но увѣряю васъ.
Что если бъ вы съ однимъ имѣли дѣло,
Я мимо бы проѣхалъ потихоньку.

ДУГЛАСЪ.

Не будьте такъ суровы, и позвольте
Мнѣ другомъ васъ своимъ считать отнынѣ.

РАТКЛИФФЪ.

Ну, хорошо! такъ докажите жь дружбу,
Исполнивъ то, о чемъ просить я стану.

ДУГЛАСЪ.

Я вашъ вполне. Располагайте мною.

РАТКЛИФФЪ.

Мой милый другъ! Уйдите прочь отсюда!
Вотъ, если бы вы были графъ Дугласъ....

ДУГЛАСЪ (удивленный).

Клянусь вамъ, я такъ точно называюсь.

РАТКЛИФФЪ.

Какъ, вы? Ужель?... Такъ нашей юной дружбѣ
Сказать „прости“ должны мы къ сожалѣнью!
Да, графъ! Вильямъ Ратклиффъ стоитъ предъ вами.

ДУГЛАСЪ.

Тотъ, къмъ Дунканъ и Макдональдъ убиты?

РАТКЛИФФЪ.

Онъ самъ! И чтобъ трилиственникъ дополнить, —
Васъ пригласить осмѣлился я нынче....

ДУГЛАСЪ (нападая на него).

Со мною ты не справишься такъ скоро.

(дерется)

РАТКЛИФФЪ (смѣясь).

Что дѣлать, графъ! Дерусь я — какъ умѣю.

ДУГЛАСЪ.

Не смѣйся такъ свирѣпо, нечестивый!

РАТКЛИФФЪ.

Не я смѣюсь.... То призраки смѣются,
Что тамъ вдали....

ДУГЛАСЪ.

Какъ ты себѣ ни смѣйся —
Мнѣ Макдональдъ съ Дунканомъ помогаютъ.

РАТКЛИФФЪ.

Чортъ побери! Дунканъ, мертвецъ проклятый,
Вмѣшался въ бой, и кварталы отбиваетъ.

ДУГЛАСЪ.

Что! промахъ даль....

РАТКЛИФФЪ

Измѣна и проклятье!

И Макдональдъ туда же! Это значить,
Что трое васъ на одного напали!

(отступаетъ назадъ и падаетъ у подножія памятника).

О, смерть! Ратклиффъ лежитъ, во прахъ поверженъ!
Рази! Рази! Я твой заклятый врагъ!

ДУГЛАСЪ (холодно).

Дугласа мечъ тобой теперъ испытанъ.
Сперва я былъ тебѣ обязанъ жизнью, —
Теперъ ты мнѣ. Мы, кажется, сквитались.
Надѣюсь, ты узналъ меня.... Быть можетъ,
Такой урокъ исправить злое сердце.

(уходитъ).

(Ратклиффъ лежитъ безъ движенія, у подножія памятника. Вѣтеръ завываетъ сильнѣе. Призраки снова появляются и исчезаютъ. Ратклиффъ тихо приподымается и глядитъ вокругъ).

То вѣтеръ былъ? Иль голосъ человѣка?
Еще звучатъ безумныя слова!...
Не спалъ ли я? Но гдѣ жъ я очутился?
Какой-то крестъ.... и что на немъ за надпись....

(Читаетъ: «На этомъ мѣстѣ убиты проклятою Богомъ рукой, графъ Дунканъ и лордъ Макдональдъ»).

Нѣтъ, я не спалъ! У камня роковаго
Я побѣжденъ, осмѣянъ, уничтоженъ.
И вѣтеръ злой мнѣ внятно свищеть въ уши:
„Вотъ онъ, тотъ мужъ — съ гигантской силой духа,
„Что презиралъ британскіе законы,
„И сильныхъ власть, и надо всѣмъ ругался!
„Лишь помѣшать не можетъ онъ Дугласу
„Разсказывать, съ усмѣшкой, нынче ночью,
„Прижавъ его возлюбленную къ сердцу, —
„Какъ этотъ червь ничтожнѣйшій, Ратклиффъ,
„Лежалъ въ пыли, и корчился, и ползалъ;
„И какъ, боясь сапогъ себѣ запачкать,
„Не придавилъ его Дугласъ ногою!

(съ яростью).

Уймите вы свой адскій хохоть — вѣдьмы!
И пальцемъ мнѣ такъ злобно не грозите.
Я придавлю вамъ головы скалами;
Шотландскій лѣсъ съ корнями вырву я
И спины вамъ горбатыя нагрѣю я!...
Весь ядъ у васъ — ногой изъ тѣла выжму!
О, пусть весь мѣръ разрушить бурь дыханье!
О, пусть меня раздавятъ неба своды, —
Земля на вѣкъ поглотить, разступившись!

(Полу-злобно, полу-боязливо, и перехода въ таинственный тонъ).

Что на меня глаза свои оставилъ
Ты мой двойникъ, проклятый, блѣдный призракъ?
Ты кровь мою высасываешь ими,
И въ жилы мнѣ воды холодной льешь.
Я чувствую, что самъ я цѣпеню
И призракомъ могильнымъ становлюся...
Зачѣмъ *туда* ты руку простираешь?...
Зачѣмъ *туда* указываешь пальцемъ?...
Иль долженъ я?... Марія!... Кровь! Ужели?
Кто говоритъ? Нѣтъ! то не голосъ вѣтра! —
Марію взять съ собой я долженъ.... Такъ ли?
Киваешь ты?... Такъ! Рѣшено! — И воля
Моя теперь сильнѣй, чѣмъ адъ и небо!

(убѣгаетъ).

(Звонкъ Макъ-Грегора.— Освѣщенная комната, съ альковымъ по срединѣ.— Слышимъ балъная музыка и дѣвичій говоръ).

МАРІЯ (въ свадебномъ нарядѣ) и МАРГАРЕТА входятъ вмѣстѣ.

МАРІЯ.

Какъ тяжело мнѣ, мой Богъ!

МАРГАРЕТА.

Знать отъ корсета
Пойдемъ,—тебя я, куколка, раздѣну.

МАРІЯ.

Тоска щемить мнѣ что-то сердце....

МАРГАРЕТА.

Полно!

Твой графъ Дугласъ — мужчина славный....

МАРІЯ (съ веселымъ смѣхомъ).

Правда!

И весель, и сговорчивъ.... и мужчина!

МАРГАРЕТА.

Вѣдь влюблена въ него, моя малютка?

МАРІЯ.

Все влюблена, да влюблена.... какъ глупо!

Мы, кажется, должны владѣть собою....

МАРГАРЕТА.

Была пора,—не то мы говорили!

Когда Вильямъ Ратклиффъ....

МАРІЯ (зажимая ей ротъ рукою).

О! умоляю:

Молчи, молчи! Ужасно это имя!

Не поминай его ты ночью поздней.

МАРГАРЕТА.

Ты влюблена тогда была, — признайся?...

МАРІА.

Ахъ, нѣтъ! Онъ мнѣ сначала показался
Незлюбивымъ и тихимъ, какъ ягненокъ.
Его черты какъ будто я встрѣчала....
И голосъ былъ такъ мягокъ, и глядѣли
Глаза его такъ ласково и ясно.
И даже отъ его дыханья было
Щекамъ моимъ такъ хорошо.... Но послѣ
Вдругъ походить онъ сталъ на привидѣнье....
И блѣдень, дикъ, съ улыбкой искаженной —
Онъ укусить меня, казалось, хочетъ....
Онъ былъ точь-въ-точь — туманный, страшный призракъ,
Что по ночамъ меня пугаетъ часто:
Ко мнѣ свои объятія простираетъ
И на меня глядитъ такъ долго, долго,
Что и сама я, какъ воздушный образъ,
Потомъ къ нему протягиваю руки....

МАРГАРЕТА.

Ахъ, какъ же ты на мать свою похожа!
И та любила мучить.... Но, какъ кошка,
Сама была въ Рателифа влюблена.

МАРІА.

Въ кого?...

МАРГАРЕТА.

Въ отца Вилльямова, — Эдварда.
Мать у тебя красавица была;
И всѣ ее пригожей-Бетти звали.
Лишь съ золотомъ ея равнялся локонъ,
И мрамору была рука подобна.
А ужъ глаза! О, какъ ихъ зналъ Эдвардъ!

По цѣлымъ днямъ онъ въ нихъ глядѣлъ, — казалось
Свои глаза всѣ выгладить онъ скоро.
И голосъ былъ у Бетти соловьиный...
Какъ запоешь у очага, бывало

(поеть).

„Зачѣмъ твой мечъ въ крови — Эдвардъ...
Эдвардъ!“

Кухарка все забудетъ, и жаркое
Перегорить всегда... О, Боже, Боже!

(плачетъ).

Зачѣмъ ее я пѣснь той учила!

МАРІЯ.

О, Расскажи мнѣ все, — что было съ нею?

МАРГАРЕТА.

Разъ подъ окномъ она одна сидѣла,
И стала пѣть...

(поеть).

„Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ?
Эдвардъ!“

Какъ вдругъ! Эдвардъ Ратклиффъ прыгнулъ къ ней въ
спальню.

И продолжалъ, на тотъ же голосъ, — дерзко:

(поеть).

„Свою я милую убилъ —
Она прекрасна такъ была!...“

Мать куколки моей такъ испугалась,
Что съ той поры несчастнаго Эдварда
Ужъ никогда и видѣть не хотѣла.
И чтобъ его взбѣсить еще сильнѣе,
За твоего отца рѣшилась выйти.
Отъ ярости Эдвардъ Ратклиффъ рехнулся;

Но показать жестокой самъ желая,
Что безъ нея онъ можетъ обойтися,
Онъ въ жены взялъ дочь лорда Кембля, Дженни.
Отъ этого безумнаго союза
Вильямъ Ратклиффъ произошелъ на свѣтъ.

МАРІА.

Бѣдняжка-мать!

МАРГАРЕТА.

Упрямица большая

Она была; и цѣлый годъ ни разу
Не назвала Ратклиффа... Но однажды,
Когда октябрь ужъ наступилъ вторично, —
И, кажется, въ день именинъ Ратклиффа, —
Она меня, какъ будто мимоходомъ,
Спросила вдругъ: „Что объ Эдвардѣ слышно?“
— На Дженни Кембль женился, я сказала.
— „На Дженни Кембль? Ужель?“ вскричала Бетти
И вспыхнула... потомъ вдругъ поблѣднѣла —
И горькими слезами залилась!
Ты у меня лежала на колѣняхъ
(Три мѣсяца тебѣ не больше было).
И принялась кричать и плакать тоже.
А я, чтобъ какъ-нибудь утѣшить Бетти,
Разсказывать ей стала, что не можетъ
Эдвардъ Ратклиффъ забыть о ней доселѣ;
Что день и ночь — вокругъ онъ замка бродить,
Что и сама я видѣла, какъ руки
Онъ простираетъ къ окну пригожей Бетти.
— „Ну, такъ! Я все давно ужъ угадала!“ —
Теперь она воскликнула, смѣясь;
И подбѣжавъ къ окошку быстро, руки,

Безумная, къ Эдварду протянула.
О горе ей! Отець твой это видѣлъ....

МАРІЯ.

Ну, что же потомъ?... Рассказывай же дальше....

МАРГАРЕТА.

Ну, вотъ и все.

МАРІЯ.

Рассказывай же дальше!

МАРГАРЕТА (робко).

Подъ утро былъ найденъ, у старой башни,
Эдвардъ Ратклиффъ — въ крови и безъ дыханья.

МАРІЯ.

А мать моя? Что стало съ ней, несчастной?

МАРГАРЕТА.

Она сошла отъ ужаса въ могилу,
Спустия три дня.

МАРІЯ.

Какъ страшно, Маргарета!

МАРГАРЕТА.

О, еслибы глазенками своими
Могла взглянуть ты, куколка моя,
Какъ онъ лежалъ у башни!... У! донинѣ
Все образъ мнѣ мерещится кровавый!

И потому, что я убійцу знаю,
Что никому о томъ сказать не смѣю,
И что безумна я.... не сплю я ночи!
Эдвардъ Ратклиффъ передо мной повсюду:
Эдвардъ Ратклиффъ окровавленный, блѣдный,
Съ своимъ пронзающимъ, ужаснымъ взглядомъ,
Съ поднятымъ, какъ у привидѣнья, пальцемъ,
И медленно идущій, шагъ за шагомъ...

(Входитъ Ратклиффъ, блѣдный, разстроенный и окровавленный).

МАРГАРЕТА (въ ужасѣ).

Вотъ онъ! Эдвардъ! О, Господи помилуй!
(Бросается въ уголъ и лежитъ тамъ безъ движенія).

МАРІЯ (вскрикивая).

Злой человѣкъ! Ты мнѣ кольцо Дугласа
Принесъ?

РАТКЛИФФЪ.

О, нѣтъ! Теперь нашъ карусель оконченъ...
И колець я снимать не буду больше.
Я снялъ ихъ два; но третье не дается —
И съ деревянной лошади я слѣзъ.

МАРІЯ (внезапно, тронутымъ голосомъ).

Вильямъ! Вильямъ! ты кровью истекаешь....
Поди сюда.... Перевяжу я рану.
(Разрываетъ свое бѣлое вѣнчалное платье).
Гдѣ я? О, Боже мой! Съ Вильямомъ страшнымъ!
Нѣтъ! ты Эдвардъ Ратклиффъ; а я — я Бетти.
Кровь у тебя на головѣ.... Въ моей же
Такъ смутно.... Чтò я дѣлаю? — не знаю.

О, если любишь ты меня, — скорѣе
Поди сюда.... Стань на колѣни.... стань....
(Хочетъ перевязать ему голову).

РАТКЛИФФЪ.

Что это—сонъ? Я здѣсь — у ногъ Маріи?
Вы не мечта ль — о маленькія ножки?
Не призраки ль, что тотчасъ исчезаютъ,
Какъ только къ нимъ захочешь прикоснуться?

МАРІЯ (перевязывая ему голову).

Смирнѣе стой! Кровь запеклася на кудряхъ, —
На золотыхъ, прекрасныхъ этихъ кудряхъ.
Не шевелись.... Меня ты окровавилъ....
Будь тихъ... Тебя въ глаза я поцалую....
(цалуетъ его).

РАТКЛИФФЪ.

Ты съ глазъ моихъ прогнала ночь лобзаньемъ!
И солнце я увидѣлъ вновь, Марія!

МАРІЯ (какъ бы прѣдя въ себя).

Марія? Да! А ты Вильямъ....
(закрываетъ свои глаза рукою).
Ужасно!
(вздвигнувшись).

Прочь, прочь! ступай скорѣй отсюда.

РАТКЛИФФЪ.

Не двинусь я! Тебя люблю я страстно,
И ты сама Вильяма любишь.... Часто
Я отъ тебя слыхалъ во снѣ объ этомъ.
(дружески).

А знаешь.... мы похожи другъ на друга....

(ведеть ее къ зеркалу).

Взгляни сюда! черты твои, конечно,
И благородіе, и чище, и нѣжнѣ....
Но сходство есть.... У насъ обоихъ, губы
И гордость и упрямство обличаютъ....
Здѣсь легкомысліе.... и тамъ оно же.
Вѣдь такъ? Скажи словечко!...

МАРІЯ (вырываясь отъ него).

Полно.... полно!

РАТКЛИФФЪ.

Ты слышала?... и голосъ мой! Но мягче....
Глазъ синевѣ у насъ одна и таже....
Но блескъ твоихъ сильнѣ.... Дай мнѣ руку.

(береть ее руки и слѣчаетъ съ своими)

И линіи на ней съ моими сходны.

(испуганный)

Смотри, смотри! у насъ обоихъ
Равно, и жизни линіи корѣтки!

МАРІЯ.

Оставь меня, Вильямъ! Бѣги отсюда.
Бѣги молю! Они прійдутъ сейчасъ.

РАТКЛИФФЪ.

Да, права ты! Бѣжать должны мы оба!
За мной, моя возлюбленная, слѣдуй!
Бѣжимъ, бѣжимъ! Мой конь стоитъ осѣдланъ,
И нѣтъ коня въ Шотландіи быстрѣе.

МАРГАРЕТА (поетъ).

Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ?
Свою я милую убилъ —
Она прекрасна такъ была!...

РАТКЛИФФЪ.

Кто произнесъ кровавыя слова?
Не филинъ ли, прижавшійся къ окошку?
Иль вѣтеръ, завывающій въ каминъ?
Иль вѣдьма, что вонъ тамъ забила въ уголъ?
Да, то она! Какъ камень недвижима,
А все, хрипя, напѣвъ зловѣщій тянетъ!
(съ болѣзненнымъ стономъ).

Она поетъ, что милую я долженъ
Убить! О! да.... я долженъ.... долженъ!...

МАРІЯ.

Твои зрачки вращаются такъ страшно,
Дыханье жжетъ.... Оставь меня, оставь.

РАТКЛИФФЪ.

О, не страшись!... Смерть такъ сладка! Со мною
Пойдемъ въ тотъ край чудесный, о которомъ
Такъ часто мы мечтали, дорогая!

МАРІЯ.

Бѣги! бѣги... Тебя Дугласъ застанетъ!

РАТКЛИФФЪ (съ бѣшенствомъ).

Произнесла сама ты лозунгъ смерти!
Нѣтъ, — обладать тобой никто не будетъ!

МАРІЯ (бросается отъ него въ альковъ, онъ
бѣжитъ за ней съ мечомъ).

Вилльямъ! Вилльямъ! Меня убить ты хочешь!

РАТКЛИФФЪ.

Мнѣ одному принадлежитъ Марія!

(Слѣпень крикъ Маріи въ альковъ: Вилльямъ, Вилльямъ! помогите!)

МАРГАРЕТА (поетъ).

Свою я милую убилъ.
Она прекрасна такъ была!...

(Воздушные призраки являются съ противоположныхъ сторонъ, стано-
вятся у входа въ альковъ, простирая другъ къ другу руки, и исчезаютъ
при входѣ Ратклиффа).

РАТКЛИФФЪ (выходя изъ алькова съ окровавленнымъ мечомъ).

Стой! стой, двойникъ! Куда? Ты это сдѣлалъ!
Въ крови твои протянутыя руки...
Дерись со мной! Ты умертвилъ Марію.

МАКЪ-ГРЕГОРЪ (вбѣгаетъ съ обнаженнымъ мечомъ).

Кто звалъ на помощь?... А! ты здѣсь убійца,
Врагъ моего спокойствія проклятый!

РАТКЛИФФЪ (съ дикимъ хохотомъ).

Да, — здѣсь! Но ты мнѣ также ненавистенъ.
Не знаю самъ я, почему, — но только
Твоей я крови жажду....

МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

Нечестивый!

(бросаются другъ на друга).

МАРГАРЕТА (поетъ).

Зачѣмъ твой мечъ въ крови, Эдвардъ!

МАКЪ-ГРЕГОРЪ (падая).

Все эта пѣснь! (умираетъ).

РАТКЛИФФЪ (изнуренный).

Вотъ и змѣя убита!

Какъ у меня легко на сердцѣ стало!

Заранѣ покой я предвкушаю.

Трудъ жизни конченъ! Ты — моя, Марія!

Иду къ тебѣ!

(Идетъ въ альковъ; оттуда слышенъ его голосъ).

Я здѣсь — мой чистый голубь.

Моя любовь! прекрасная Марія!

(въ альковѣ раздается выстрѣлъ).

(Призраки появляются снова: бросаются другъ другу въ объятія; остаются такъ нѣкоторое время и исчезаютъ).

ДУГЛАСЪ. СЛУГИ и ГОСТИ.

ОДИНЪ ИЗЪ СЛУГЪ.

О, Боже! — здѣсь лежитъ нашъ господинъ!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

! Лордъ Макъ-Грегоръ!

ДУГЛАСЪ.

Убить! почтенный старецъ.

Скорѣй искать злодѣя! И ворота

Всѣ запереть.

МАРГАРЕТА (въ безуміи).

Ага! Вотъ такъ у старой башни
Эдвардъ Ратклиффъ лежалъ, въ крови и блѣдный.
Злой Макъ-Грегоръ убилъ его бѣдняжку!
Не я виной.... не я.... я только знала....

(указывая на трупъ М. Грегора).

А вонъ того — Вильямъ Ратклиффъ спровадилъ....
Вильямъ Ратклиффъ теперь спокоенъ тоже....
Онъ близъ Маріи спить.... О! тише.... тише....
Не разбудите ихъ....

МНОГІЕ.

Ужасный случай!

МАРГАРЕТА (смѣясь, довольная).

Они точь-въ-точь — Эдвардъ съ пригожей Бетти!

К О Н Е Ц Ъ .

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
I. НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.	
1. На улицѣ.	7
2. Облака.	11
3. Старикъ.	12
4. «Передъ ветхою избенкой.»	14
5. Опустѣвшій домъ.	15
6. Лунной ночью.	16
7. Призраки.	18
8. Новый годъ.	20
9. «Нѣтъ отдыха, мой другъ.»	22
10. «Я у матушки выросла въ холѣ.»	23
11. «Если дѣвъ часъ когда зажгутся звѣзды.»	26
12. «Скучная картина!»	27
13. Счастливецъ.	29
14. Съ польскаго.	31
15. «Знакомыя старыя лица.»	32
16. Изъ Шевченко. (Поэма и восемь мелкихъ стихотвореній).	34
17. Изъ нѣмецкихъ поэтовъ:	
Изъ Фрейлиграта.	59
Изъ М. Гартманна (шесть стихотвореній)	60
Изъ Р. Пруцка (четыре стихотворенія).	70
Изъ А. Грюна.	74
Изъ Эйхендорфа.	77
Изъ Редвица.	78
Изъ Бека.	—
Изъ М. Вальдау. —	80

II. СТИХОТВОРЕНІЯ, ИЗДАНЫЯ ВЪ 1858 ГОДУ.

Посвященіе.	83
1. Раздумье.	84
2. Молитва.	86
3. «О нѣтъ не всякому дано.»	87
4. Вопросъ.	88
5. Весна.	89
6. Послѣ чтенія газетъ.	91
7. Было.	92
8. Въ степи.	94
9. Зимнее катаніе.	96
10. «Онъ шель безропотно.»	98
11. «Ты хочешь пѣсенъ?»	99
12. Сердцу	100
13. Цвѣтокъ	102
14. Двѣ пѣсни:	
«Тихо всё, глядится мѣсяць»	104
«Снова я раздумья полный.»	105
15. Съ польскаго:	
Два слова.	106
Сельская пѣсня.	107
Птичка.	108
Еще сельская пѣсня.	109
16. Много злыхъ и глупыхъ шутокъ.	110
17. Дѣти вѣка всё больные.	113
18. Когда твой кроткій, ясный взоръ.	115
19. Когда мнѣ встрѣтится истерзанный борьбою.	117
20. Мой знакомый.	118
21. Послѣ грома, послѣ бури.	122
22. Ты мнѣ мила пора заката.	123
23. «О еслибъ знали вы!»	124
24. Что за дѣтская головка.	125
25. Странникъ.	126
26. Изъ Рюкерта.	128
27. Листокъ изъ дневника.	129
28. Есть дни, ни злота ни любовь.	134
29. Не говорите что напрасно.	135
30. Пѣвица.	136
31. Звуки.	138
32. Мой садикъ.	140

33.	С. О. Дурову.	142
34.	Ты помнишь, понижиія нвы.	143
35.	Птичка.	145
36.	Еще одинъ великій голось смолкъ.	147
37.	С...У.	148
38.	Съ нѣмецкаго.	149
39.	Когда возвратился я въ городъ родной.	150
40.	«Трудились бѣдные».	151
41.	«Была пора.»	152
42.	Тобой лишь ясны дни мои.	154

III. НѢСКОЛЬКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ПРЕЖНЯГО ПЕРІОДА (1846).

1.	Сонъ (отрывокъ).	157
2.	На зовъ друзей.	160
3.	Молитва (изъ Гёте).	162
4.	Позту.	164
5.	Элегія.	166
6.	Впередъ безъ страха и сомнѣнья.	167
7.	Напѣвъ.	169
8.	Странникъ.	170
9.	Отвѣтъ.	172
10.	Прости!	173
11.	Страдалъ онъ въ жизни много, много.	175

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

1.	Ларическія стихотворенія (сорокъ-три піесы) стр.	179
2.	Вильямъ Ратклиффъ (трагедія).	239

О П Е Ч А Т К И.

	Напечатано:	Читай:
стр. 77, стр. 9 сверху —	Изъ Эйхендорфа.	Изъ Эйхендорфа.
« 78; « 4 « —	Радвица.	Радвица.
« 138, « 6 « —	Коснулася груди впалой и больной.	Коснулася груди и впалой и больной.
« 164, « 7 снизу —	Готовъ оковы быть всегда носить,	Готовъ оковы быть носить,